UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00306690 9

Purchased for the
LIBRARY of the
UNIVERSITY OF TORONTO
from the
KATHLEEN MADILL BEQUEST

СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. П. ОГАРЕВА.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

М. О. ГЕРШЕНЗОНА.

Томъ I.

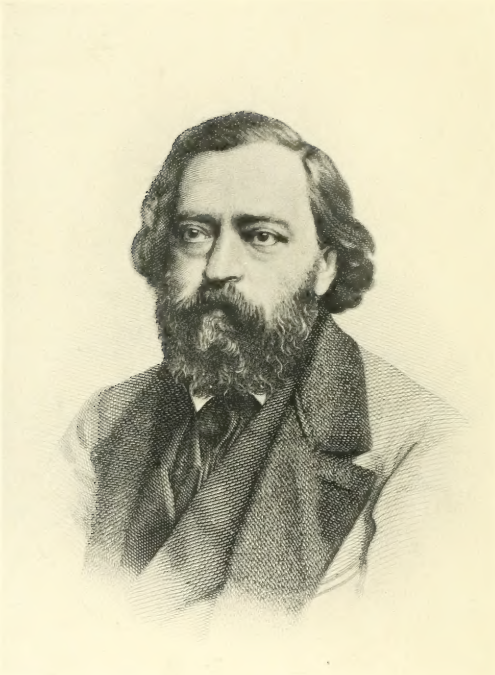
Dr. JIŘÍ POLÍVKA

МОСКВА,
Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ.
1904.

LIBRARY
MAR 27 1969
UNIVERSITY OF TORONTO

PG
3337
O4A17
1904
t. 1

типо-лит. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К° МОСКВА.



ПРЕДИСЛОВІЕ.

Когда въ 1856 году въ Москвѣ было издано первое небольшое собраніе стихотвореній Огарева, Чернышевскій писалъ, что Огареву суждено занимать страницу въ исторіи русской литературы, что еще долго будетъ съ любовью и часто произноситься его имя, и забыто оно будетъ развѣ тогда, когда забудется нашъ языкъ. Но случилось другое. Внѣшняя сила обрекла поэзію Огарева на долгое забвеніе; почти полвѣка она была погребена, и вотъ лишь теперь выходитъ на свѣтъ для новой жизни. Сохранила ли она еще способность жить, найдетъ ли отзвукъ въ душѣ современнаго русскаго человѣка? Субъективное, лирическое чувство быстро старѣетъ: оно кажется потомству окаменѣвшимъ, примитивнымъ, мало расчлененнымъ; дайте теперь влюбленному юношѣ сонеты Петрарки, — онъ, можетъ быть, будетъ наслаждаться ихъ изяществомъ, но останется холоденъ, потому что не найдетъ въ нихъ своей любви, потому что у каждой эпохи — свой особенный темпъ чувства. Изъ всѣхъ видовъ литературы лирика наименѣе долговѣчна; мы до сихъ поръ читаемъ «Донъ-Кихота» и «Гамлета», но едва ли кто изъ современной молодежи читалъ

какое-нибудь лирическое стихотвореніе хотя бы близкаго къ намъ XVIII столѣтія. Итакъ, полвѣка для лирическаго поэта не первой величины — большой срокъ. Для середины 50-хъ годовъ Чернышевскій могъ быть правъ въ своей оцѣнкѣ поэзіи Огарева, и теперь еще всякій знающій дѣло замѣтитъ, что иныя стихотворенія Огарева, писанныя въ 1839 или 1840 году, были для того времени дѣйствительно замѣчательны; но какое дѣло дѣвушкѣ или студенту, которые теперь возьмутъ въ руки эти два томика, до историческаго значенія Огарева? Они будутъ искать въ немъ себя, свои думы и чувства, и это — ихъ законное право. Вопросъ въ томъ, достаточно ли силенъ Огаревъ, чтобы, пролежавъ полвѣка подъ спудомъ, сохранить еще на большее или меньшее время жизнеспособность. Мы думаемъ, что да; мы думаемъ, что въ чувствахъ Огарева и въ его поэзіи есть вѣчное ядро, которое еще долго будетъ сообщать живую силу его стихамъ, даже когда ихъ форма устарѣетъ. Такъ ли — покажетъ будущее.

Поэзія Огарева очень субъективна, вслѣдствіе чего ее иногда трудно понять безъ знакомства съ біографіей поэта. По мѣрѣ возможности такіе біографическіе намеки разъяснены въ примѣчаніяхъ. Напомнимъ здѣсь только общія черты жизни Огарева. Онъ родился въ 1813 году и матери своей совсѣмъ не зналъ: она умерла тотчасъ послѣ его рожденія. Учился онъ сначала дома, потомъ въ московскомъ университетѣ; его дружба съ Герценомъ, какъ извѣстно, началась еще въ ребяческіе годы. Оба они одновременно были арестованы въ 1834 году; въ 1835 г. Огаревъ былъ высланъ къ отцу въ Пензенскую губернію, здѣсь въ

1838 году женился на Маріи Львовнѣ Рославлевой и вскорѣ затѣмъ потерялъ отца, отъ котораго унаслѣдовалъ громадное состояніе. Освободивъ своихъ бѣлоомутскихъ крестьянъ, онъ весною 1841 г. впервые поѣхалъ съ женою за границу, но вскорѣ вернулся и въ 1842 г. снова уѣхалъ въ Зап. Европу, гдѣ прожилъ затѣмъ четыре года; за это время онъ окончательно разошелся съ Марьей Львовной послѣ многихъ мучительныхъ попытокъ примиренія. Вернувшись въ Россію въ 1846 г., онъ поселился сначала въ отцовской вотчинѣ Пензенской губ., потомъ завелъ бумажную фабрику въ Симбирской губ. и постепенно почти совсѣмъ разорился; въ 1856 г., женатый вторымъ бракомъ на здравствующей понынѣ Наталіи Алексѣевнѣ Тучковой, онъ эмигрировалъ. Отсюда начинается его совмѣстная журнальная дѣятельность съ Герценомъ («Полярная Звѣзда», «Колоколъ», «Общее вѣче»); до половины 60-хъ годовъ онъ жилъ въ Лондонѣ, потомъ въ Женевѣ и незадолго до смерти переселился въ Гринвичъ, гдѣ и умеръ въ 1877 году. Стихи онъ началъ писать рано, печаталъ ихъ, кажется, съ 1840 г., въ 1856 г. впервые издалъ въ Россіи сборникъ своихъ стихотвореній, выдержавшій затѣмъ еще два изданія, и въ 1858 г. въ Лондонѣ переиздалъ его, увеличивъ больше чѣмъ вдвое. Настоящее изданіе больше чѣмъ вдвое полнѣе лондонскаго. Приложенный здѣсь портретъ Огарева относится къ 1857 году [1]).

[1]) Лучшей характеристикой Огарева до сихъ поръ остается статья П. В. Анненкова въ книгѣ «П. В. Анненковъ и его друзья». СПБ. 1892. Попытку характеризовать его поэзію сдѣлалъ пишущій эти строки въ статьѣ: «Лирика Н. П. Огарева», въ «Вѣстн. Евр.» 1903, сентябрь.

Кончая свой трудъ, не могу не вспомнить съ глубочайшей благодарностью о поддержкѣ, оказанной ему С. А. Переселенковымъ, предоставившимъ намъ свои цѣнные матеріалы, и старшимъ помощникомъ библіотекаря Румянцовскаго музея, А. І. Калишевскимъ; обоимъ имъ — сердечное спасибо.

Въ настоящее изданіе вошли всѣ произведенія Огарева, напечатанныя при его жизни, и около 65 еще не бывшихъ въ печати, изъ тѣхъ же, которыя были напечатаны послѣ его смерти,—не всѣ, а лишь избранныя: 55 стих. мы сочли нужнымъ исключить [1]). Огаревъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ великихъ поэтовъ, чья каждая строка драгоцѣнна; эти 55 стих. относятся почти исключительно къ раннему періоду его творчества, и онъ самъ не призналъ возможнымъ внести ихъ ни въ первое, московское, ни во второе, лондонское, собраніе своихъ стихотвореній. Намъ казалось, что помѣстить въ популярномъ изданіи всѣ его произведенія, не исключая и вполнѣ неудачныхъ, значило бы оказать поэту плохую услугу; противъ такихъ «полныхъ» собраній, дающихъ «весь юношескій хламъ», протестовалъ еще Бѣлинскій, и въ частности по отношенію къ Огареву того же принципа придерживался и лучшій у насъ знатокъ его поэзіи, Е. С. Некрасова, напечатавшая (въ «Русск. Мысли» 1902 г.) изъ его посмертныхъ стихотвореній лишь тѣ, «которыя хороши не только по мысли, но и по формѣ». Для библіографовъ и историковъ литературы въ концѣ II тома приведенъ списокъ исключенныхъ стихотвореній съ точнымъ указаніемъ мѣста, гдѣ каждое изъ нихъ было напечатано.

Первый томъ настоящаго изданія распадается на двѣ части. Въ первую вошелъ цѣликомъ, и въ томъ же порядкѣ, матеріалъ (кромѣ поэмъ) лондонскаго изданія 1858 года, послѣдняго, какое было сдѣлано подъ наблюденіемъ самого поэта,—и все, что имъ самимъ было напечатано послѣ выхода въ свѣтъ этого изданія; такимъ образомъ эта часть содержитъ все, что Огаревъ въ зрѣлую пору своей жизни считалъ достойнымъ сохра-

[1]) Кромѣ того, 7 стихотвореній исключены по независящимъ обстоятельствамъ.

нія. Во вторую часть вошли всѣ остальныя напечатанныя при его жизни стихотворенія, лучшія изъ напечатанныхъ послѣ его смерти и стихотворенія, сохранившіяся въ рукописи. Въ этой второй части стихотворенія расположены въ хронологическомъ порядкѣ, по рубрикамъ, которыя соотвѣтствуютъ главнымъ этапамъ въ жизни Огарева: до первой женитьбы (1830—1837), отсюда до первой поѣздки за границу (1838—1840), затѣмъ періодъ заграничныхъ скитаній (1841—1845), далѣе десять лѣтъ, проведенныхъ безвыѣздно въ Россіи (1846—1856), съ окончательнаго отъѣзда за границу до смерти Герцена (1856—1870) и отсюда до смерти (1870—1877); не поддающіяся болѣе точной датировкѣ произведенія первой половины жизни, до эмиграціи (1856), и второй, послѣ эмиграціи, собраны въ особыя двѣ группы.

Во второй томъ вошли всѣ поэмы, какъ напечатанныя при жизни Огарева, такъ и появившіяся послѣ его смерти, съ прибавленіемъ еще не бывшихъ въ печати, также въ порядкѣ хронологическомъ. Значительную часть текста обоихъ томовъ оказалось возможнымъ свѣрить съ подлинными рукописями.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Друзьямъ.

Мы въ жизнь вошли съ прекраснымъ упованьемъ,
Мы въ жизнь вошли съ неробкою душой,
Съ желаньемъ истины, добра желаньемъ,
Съ любовью, съ поэтической мечтой,
И съ жизнью рано мы въ борьбу вступили,
И юныхъ силъ мы въ битвѣ не щадили.
Но мы вокругъ не встрѣтили участья,
И лучшія надежды и мечты,
Какъ листья средь осенняго ненастья,
Попадали и сухи, и желты;—
И грустно мы остались между нами,
Сплетяся дружно голыми вѣтвями.
И на кладбище стали мы похожи:
Мы много чувствъ, и образовъ, и думъ
Въ душѣ глубоко погребли... И что же?
Упрекъ ли небу скажетъ дерзкій умъ?
Къ чему упрекъ?... Смиренье въ душу вложимъ
И въ ней затворимся — безъ желчи, если можемъ.

Старый домъ.

Старый домъ, старый другъ, посѣтилъ я
Наконецъ въ запустѣньи тебя,
И былое опять воскресилъ я,
И печально смотрѣлъ на тебя.

Дворъ лежалъ предо мной неметеный,
На колодецъ валился гнилой,
И въ саду не шумѣлъ листъ зеленый—
Желтый тлѣлъ онъ на почвѣ сырой.

Домъ стоялъ обветшалый уныло,
Штукатурка обилась кругомъ,
Туча сѣрая сверху ходила
И все плакала, глядя на домъ.

Я вошелъ. Тѣ же комнаты были—
Здѣсь ворчалъ недовольный старикъ;
Мы бесѣды его не любили—
Насъ страшилъ его черствый языкъ.

Вотъ и комнатка: съ другомъ, бывало,
Здѣсь мы жили умомъ и душой;
Много думъ золотыхъ возникало
Въ этой комнаткѣ прежней порой.

Въ нее звѣздочка тихо свѣтила,
Въ ней остались слова на стѣнахъ:
Ихъ въ то время рука начертила,
Когда юность кипѣла въ душахъ.

Въ этой комнаткѣ счастье былое,
Дружба свѣтлая выросла тамъ...
А теперь запустѣнье глухое,
Паутины висятъ по угламъ.

И мнѣ страшно вдругъ стало. Дрожалъ я,
На кладбищѣ я будто стоялъ,
И родныхъ мертвецовъ вызывалъ я,
Но изъ мертвыхъ никто не возсталъ.

Кремль.

За тучами чуть видима луна,
Бѣлѣетъ снѣгъ въ туманномъ освѣщеньи,
Безмолвны стогны, всюду тишина,
Исчезло дня бродящее движенье.
Старинный Кремль угрюмо задремалъ
Надъ берегомъ рѣки оледенѣлой,
И колоколъ гудящій замолчалъ,
Затворенъ храмъ и теремъ опустѣлый.
Какъ старый Кремль въ полночной тишинѣ
Является и призраченъ, и страшенъ,
Въ своей зубчатой затворясь стѣнѣ
И вѣя холодомъ угрюмыхъ башенъ!
Лежитъ повсюду мертвенный покой—
Его кругомъ ничто не возмущаетъ,
Лишь каждый часъ часовъ унылый бой
О ходѣ времени напоминаетъ.

Путникъ.

Долъ туманенъ, воздухъ сыръ,
Туча небо кроетъ,
Грустно смотритъ тусклый міръ,
Грустно вѣтеръ воетъ.

Не страшися, путникъ мой,
На землѣ все битва;
Но въ тебѣ живетъ покой,
Сила да молитва.

Деревенскій сторожъ.

Ночь темна, на небѣ тучи,
Бѣлый снѣгъ кругомъ,
И разлитъ морозъ трескучій
Въ воздухѣ ночномъ.

Вдоль по улицѣ широкой
Избы мужиковъ.
Ходитъ сторожъ одинокій,
Слышенъ скрипъ шаговъ.

Зябнетъ сторожъ; вьюга смѣло
Злится вкругъ него;
На морозѣ побѣлѣла
Борода его.

Скучно! радость измѣнила,
Скучно одному;
Пѣснь его звучитъ уныло
Сквозь метель и тьму.

Ходитъ онъ въ ночи безлунной,
Бѣла утра ждетъ
И въ края доски чугунной
Съ тайной грустью бьетъ.

И, качаясь, завываетъ
Звонкая доска...
Пуще сердце замираетъ,
Тяжелѣй тоска.

Gute Gesellschaft.

Какъ эти люди скучны, глупы,
Какъ ихъ безсмысленны слова,
Какъ шутки ихъ несносно тупы
И какъ пуста ихъ голова!
Какъ сердце ихъ черство и вяло,
Какъ пышетъ холодомъ отъ нихъ!
Какую желчь въ меня вливала
Бесѣда сладостная ихъ!
Подите прочь!.. Вотъ вамъ дорога—
Большая,—можете идти!
Меня жъ забудьте, ради Бога,
Вы на проселочномъ пути!

Fashionable.

Я люблю, мой Fashionable,
Ваши рѣчи и ухватки;
Ваши рѣчи ужъ конечно
И остры, и очень сладки.

Какъ вы много говорите,
Сидя близъ аристократки,—
Каламбуры, анекдотцы,
Комплименты и загадки.

Если вы въ лорнетъ глядите,
То вдругъ смѣло, то украдкой—
Я любуюсь вашей ручкой,
Вашей лайковой перчаткой.

Но нельзя ли издали мнѣ
Наслаждаться рѣчью сладкой,
И не жмите вы руки мнѣ
Вашей лайковой перчаткой!

Вечеръ.

Когда настанетъ вечеръ ясный,
Люблю на берегу пруда
Смотрѣть, какъ гаснетъ день прекрасный
И загорается звѣзда,
Какъ ласточка, неуловимо
По лону водъ скользя крыломъ,
Несется быстро-быстро мимо—
И исчезаетъ... Смутнымъ сномъ
Тогда душа полна бываетъ—
Ей какъ-то грустно и легко,
Воспоминанье увлекаетъ
Ее куда-то далеко;
Мнѣ грезятся иные годы,
Такой же вечеръ у пруда,
И тихо дремлющія воды,
И одинокая звѣзда,
И ласточка—и все, что̀ было,
Что̀ сладко сердце разбудило
И промелькнуло навсегда.

Къ Д***.

Какъ все чудесно, стройно въ васъ—
Вашъ русый локонъ, ликъ вашъ нѣжный,
Покой и томность сѣрыхъ глазъ,
И роскошь поступи небрежной!
Увидя васъ, конечно бъ могъ
Любить васъ тотъ, чья мысль далеко
Отъ страсти знойной и тревогъ,
Кто любитъ тихо и глубоко.
Онъ, въ созерцанье погрузясь,
Отъ васъ отвесть не могъ бы взора...
Но страшно мнѣ глядѣть на васъ!
Завесть не смѣю разговора:
Боюсь узнать, что вы пусты,
Что вы ничтожной суетою
Въ холодномъ сердцѣ заняты;
Боюсь я въ памяти съ собою
Унесть прекрасныя черты
Съ сухой и мелкою душою.

Много грусти!

Природа знаемъ дня утомлена
И проситъ вечера скорѣй у Бога,
И вечеръ встрѣтитъ съ радостью она,
Но въ этой радости какъ грусти много!

И тотъ, кому ужъ жизнь давно скучна,
Онъ проситъ старости скорѣй у Бога,
И смерть ему на радость суждена,
Но въ этой радости какъ грусти много!

А я и молодъ, жизнь моя полна,
На радость мнѣ любовь дана отъ Бога,
И пѣснь моя на радость мнѣ дана,
Но въ этой радости какъ грусти много!

Когда тревогою безплодной
Моя душа утомлена,
И я брожу въ тоскѣ холодной,
И жизнь мнѣ кажется скучна,—
И мнѣ случится ненарочно
Увидѣть, какъ въ безпечномъ снѣ
Лежитъ младенецъ непорочный
Какъ ангелъ Божій—легче мнѣ.
Гляжу я долго на ребенка:
Какъ хорошо, невинно онъ
Раскинулъ ножки и ученки!
Какой онъ грезитъ свѣтлый сонъ!
Легко улыбка сохранилась
На чуть растворенныхъ устахъ,
И тихо мать надъ нимъ склонилась
Съ такою нѣжностью въ очахъ...
Мнѣ легче, да! и въ умиленьи
Я такъ глубоко вѣрю вновь,
Что на землѣ есть наслажденье,
Есть чистота и есть любовь.

Встрѣча.

Друзья они смолоду были,
Но рано разстались они,
И встрѣтились послѣ случайно
Чрезъ долгіе годы и дни.

И какъ же они удивились!
Ужъ лица наморщены ихъ,
И головы были сѣдыя,
И сгорблены спины у нихъ.

Старикъ старику подалъ руку
И молча смотрѣлъ—и никто
Изъ нихъ не сказалъ, сколько было
Имъ внутреннихъ бурь прожито.

Она никогда его не любила,
А онъ ее втайнѣ любилъ;
Но онъ о любви не выронилъ слова:
Въ себѣ ее свято хранилъ.

И въ церкви съ другимъ она обвѣнчалась;
По прежнему вхожъ онъ былъ въ домъ,
И молча въ лицо глядѣлъ ей украдкой,
И долго томился потомъ.

Она умерла. И днемъ онъ, и ночью
Все къ ней на могилу ходилъ;
Она никогда его не любила,
А онъ о ней память любилъ.

Фантазія.

Свѣча горитъ. Печальнымъ полусвѣтомъ
Лучи блуждаютъ по стѣнѣ пустой,
Пль бродятъ по задумчивымъ портретамъ.
Закрылъ я книгу. Съ буквою нѣмой
Разстался наконецъ. Что толку въ этомъ?
Душа бѣжитъ учености сухой.
Теперь хочу роскошныхъ наслажденій,
И наяву я жажду сновидѣній.

Какой-то звукъ, то робкій, то мятежный,
Въ ночи звучитъ; я музыкою полнъ,
Я весь въ мелодіи теряюсь нѣжной...
Мнѣ грезится: качаясь, легкій челнъ
Меня несетъ, шумитъ тростникъ прибрежный,
И звученъ плескъ въ рѣкѣ бѣгущихъ волнъ,
Мнѣ съ береговъ цвѣты благоухаютъ,
Сквозь тонкій паръ съ небесъ луна сіяетъ.

Вотъ предо мной во мглѣ лежитъ Верона...
Чуть дышитъ воздухъ теплый, ночь пышна,

Джульеты голосъ слышенъ мнѣ съ балкона..
Ребенокъ страстный—вся любовь она.
Но кто поетъ? Ты ль это, Дездемона?
Какъ пѣснь твоя мечтательно-грустна!
Душа полна любви, полна желаній,
И съ устъ невинныхъ жажду я лобзаній.

Я забываюсь въ сладкомъ усыпленьи,
И тѣни милыя передо мной
Въ причудливомъ несутся сновидѣньи.
Я счастливъ, я блаженствую душой...
Но будитъ вдругъ внезапное волненье,—
Еще ловлю я сонъ прекрасный мой,
Душа груститъ, стремяся и желая,
Трещитъ свѣча, печально догорая...

Звуки.

Какъ дорожу я прекраснымъ мгновеньемъ!
Музыкой вдругъ наполняется слухъ,
Звуки несутся съ какимъ-то стремленьемъ,
Звуки откуда-то льются вокругъ.
Сердце за ними стремится тревожно,
Хочетъ за ними куда-то летѣть -
Въ эти минуты растаять бы можно,
Въ эти минуты легко умереть.

Къ ***.

Вы были дѣвочкой, а я
Ужъ юношей. Такъ мы разстались;
Съ тѣхъ поръ и молодость моя,
И ваше дѣтство миновались.
И вотъ опять я встрѣтилъ васъ...
Ну, что жъ вы дѣлали? какъ жили?
Не скроете—изъ вашихъ глазъ
Я узнаю, что вы любили,
Что съ сердцемъ страсть была дружна
И познакомилось страданье,
И жизнь, быть-можетъ, лишена
Давно для васъ очарованья...
Не правда ль, страшно схоронить
Любовь, которой сердце жило,
И пошло, холодно забыть
И страсть, и грусть, и все, что мило?
Еще страшнѣй сказать себѣ,
Что все проходитъ непремѣнно,
Что въ человѣческой судьбѣ
Такъ надо, такъ обыкновенно...
Но вы, признайтесь,—вамъ вѣдь жаль
Души прошедшую печаль?

Полдень.

Полуднемъ жаркимъ ухожу я
На отдыхъ праздный въ темный лѣсъ
И тамъ ложусь, и все гляжу я
Между вершинъ на даль небесъ.
И безконечно тонутъ взоры
Въ ихъ отдаленьи голубомъ;
А лѣсъ шумитъ себѣ кругомъ,
И въ немъ ведутся разговоры:
Щебечетъ птица, жукъ жужжитъ,
И листъ засохшій шелеститъ,
На хворостъ падая случайно,—
И звуки всѣ такъ полны тайной...
Въ то время страннымъ чувствомъ мнѣ
Всю душу сладостно объемлетъ;
Теряясь въ синей вышинѣ,
Она лѣсному гулу внемлетъ
И въ забытьи какомъ-то дремлетъ.

Кабакъ.

Выпьемъ что ли, Ваня,
Съ холода да съ горя;
Говорятъ, что пьянымъ
По колѣно море.
У Антона дочь-то
Дѣвка молодая:
Очи голубыя,
Славная такая.
Да богатъ онъ, Ваня:
Наотрѣзъ откажетъ;
Вѣдь сгоришь съ стыда, братъ,
Какъ на дверь укажетъ.
Что я ей за пара?
Скверная избушка...
А оброкъ-то, Ваня,
А кормить старушку!...
Выпьемъ что ли съ горя?
Эхъ, братъ! да едва ли
Бѣдному за чаркой
Позабыть печали!

Nocturno.

Какъ пустъ мой деревенскій домъ,
Угрюмый и высокій!
Какую ночь провелъ я въ немъ
Безсонно, одинокій!
Ужь были сумракомъ давно
Окрестности одѣты,
Луна свѣтила сквозь окно
На старые портреты;

А я задумчивой стопой
Ходилъ по звонкой залѣ,
Да тѣнь еще моя со мной—
Мы двое лишь не спали.
Деревья темныя въ саду
Качали все вѣтвями,
Впросонкахъ гуси на пруду
Кричали надъ волнами,

И мельница, грозя, крыломъ
Мнѣ издали махала,

И церковь бѣлая съ крестомъ,
Какъ призракъ, возставала.
Я ждалъ—знакомыхъ мертвецовъ
Не встанутъ ли вдругъ кости,
Съ портретныхъ рамъ, изъ тьмы угловъ
Не явятся ли въ гости?...

И страшенъ былъ пустой мнѣ домъ,
Гдѣ шагъ мой раздавался,
И робко я внималъ кругомъ,
И робко озирался.
Тоска и страхъ сжимали грудь
Среди безсонной ночи,
И вовсе я не могъ сомкнуть
Встревоженныя очи.

Въ альбомъ.

Хотя живу я и давно,—
Душа привычкѣ не послушна
Съ людьми встрѣчаться холодно
И разставаться равнодушно.

Я имя темное въ альбомъ
И грустный стихъ вамъ на прощанье
Пишу, чтобы оставить въ немъ
Вамъ о себѣ воспоминанье.

Въ часы надменной суеты,
Въ часы тщеславнаго веселья,
Альбома этого листы
Вы не тревожьте отъ бездѣлья,

И не ищите строкъ моихъ—
Онѣ покажутся вамъ скучны;
Вы взоръ уроните на нихъ,
И отведете равнодушно.

Но если будетъ грустно вамъ,
Тогда альбомъ вы разверните,
Рукой тревожною вы тамъ
Страницу эту отыщите,—

И на печальный вашъ призывъ,
На голосъ тайнаго недуга
Найдете вы себѣ отзывъ
И теплое участье друга.

Младенецъ.

Сидѣла мать у колыбели:
Дитя спало, но въ странномъ снѣ:
Его уста ужъ не алѣли,
А будто улыбались мнѣ.
Свѣча бросала отблескъ блѣдный,
Ребенокъ блѣденъ былъ лицомъ.
Я думалъ: спи, малютка бѣдный,
Пока ты съ горемъ незнакомъ.

Придетъ пора—и вспыхнутъ страсти,
Въ сомнѣньяхъ истомится умъ,
И станетъ рваться грудь на части,
И лобъ наморщится отъ думъ;
И, можетъ-быть, среди обмана
Надеждъ напрасныхъ и суетъ
Ты пожалѣешь слишкомъ рано
О томъ, что былъ рожденъ на свѣтъ.

И я на мать взглянулъ уныло—
Увидѣлъ слезы на глазахъ,
Лицо ея такъ грустно было,
Такъ много скорби на устахъ.
Я подошелъ: передо мною
Лежало мертвое дитя,
А мать качала головою—
И въ холодъ бросило меня.

Прометей.

Прочь, коршунъ! больно! Подлый рабъ,
Палачъ Зевеса!... О, когда бъ
Мнѣ эти цѣпи не мѣшали,
Какъ безпощадно бъ руки сжали
Тебя за горло! Но безъ силъ,
Къ скалѣ прикованный, безъ воли,
Я грудь мою тебѣ открылъ
И каждый мигъ кричу отъ боли,
И замираю каждый мигъ...
На мой безумно-жалкій крикъ
Проснулся отголосокъ дальній,
И вѣтеръ жалобно завылъ
И прочь рванулся что̀ есть силъ,
И закачался лѣсъ печальный;
Испуга барсъ не превозмогъ—
Сверкая желтыми глазами,
Онъ въ чащу кинулся прыжками;
Туманъ сѣдой на горы легъ,
И море дальнее, о скалы
Дробясь, глухо застонало...

Одинъ спокоенъ царь небесъ.
Ничѣмъ не тронулся Зевесъ!

Завистникъ! онъ забыть не можетъ,
Что я творецъ, что онъ моихъ
Созданій ввѣкъ не уничтожитъ;
Что я съ небесъ его для нихъ
Унесъ огонь неугасимый...
Ну что же, богъ неумолимый,
Ну, мучь меня! Еще ко мнѣ
Пошли хоть двадцать птицъ голодныхъ,
Неутомимыхъ, безотходныхъ,
Чтобъ рвали сердце мнѣ онѣ—
А все жъ людей я создалъ!—Твердый,
Смѣясь надъ злобою твоей,
Смотрю я, непокорный, гордый,
На красоту моихъ людей.
О! хорошо ихъ сотворилъ я,
Во всемъ подобными себѣ:
Огонь небесный въ нихъ вселилъ я
Съ враждою вѣчною къ тебѣ,
Съ гордыней вольною Титана
И непокорностью судьбѣ.

Рви, коршунъ, глубже въ сердцѣ рану—
Она Зевесу лишь позоръ!
Мой крикъ пронзительный—укоръ
Родитъ въ душахъ моихъ созданій;
За даръ томительный страданій

Дойдутъ проклятья до небесъ—
Къ тебѣ, завистливый Зевесъ!
А я, на вѣчное мученье
Тобой прикованный къ скалѣ,
Найду повсюду сожалѣнье,
Найду любовь по всей землѣ,
И въ людяхъ, гордый самъ собою,
Я наругаюсь надъ тобою!

Обыкновенная повѣсть.

Была чудесная весна!
Они на берегу сидѣли—
Рѣка была тиха, ясна,
Вставало солнце, птички пѣли;
Тянулся за рѣкою долъ,
Спокойно, пышно зеленѣя;
Вблизи шиповникъ алый цвѣлъ,
Стояла темныхъ липъ аллея.

Была чудесная весна!
Они на берегу сидѣли—
Во цвѣтѣ лѣтъ была она,
Его усы едва чернѣли.
О, если бъ кто увидѣлъ ихъ
Тогда, при утренней ихъ встрѣчѣ,
И лица бъ высмотрѣлъ у нихъ,
Или подслушалъ бы ихъ рѣчи—
Какъ былъ бы милъ ему языкъ,
Языкъ любви первоначальной!
Онъ вѣрно бъ самъ, на этотъ мигъ,
Расцвѣлъ на днѣ души печальной!..

Я въ свѣтѣ встрѣтилъ ихъ потомъ:
Она была женой другого,
Онъ былъ женатъ, и о быломъ
Въ поминѣ не было ни слова;
На лицахъ виденъ былъ покой,
Ихъ жизнь текла свѣтло и ровно,
Они, встрѣчаясь межъ собой,
Могли смѣяться хладнокровно...

А тамъ, по берегу рѣки,
Гдѣ цвѣлъ тогда шиповникъ алый,
Одни простые рыбаки
Ходили къ лодкѣ обветшалой
И пѣли пѣсни—и темно
Осталось, для людей закрыто,
Что было тамъ говорено,
И сколько было позабыто.

Изба.

Небо въ часъ дозора
Обходя, луна
Свѣтитъ сквозь узора
Мерзлаго окна.

Вечеръ зимній длится;
Дѣдушка въ избѣ
На печи ложится,
И ужъ спитъ себѣ.

Помоляся Богу,
Улеглася мать;
Дѣти понемногу
Стали засыпать.

Только, за работой,
Молодая дочь
Борется съ дремотой
Во всю долгу ночь,

И лучина блѣдно
Передъ ней горитъ.
Все въ избушкѣ бѣдной
Тишиной томитъ;

Лишь звучитъ докучно
Болтовня одна
Прялки однозвучной
Да веретена.

Неаполь.

I.

Въ часъ полуденный, на склонѣ
Раскаленныхъ береговъ,
Дремлетъ смуглый lazzarone,
Врагъ заботы и трудовъ.
Въ шапкѣ красной на-бекрени,
Грудь широко распахнувъ,
И отъ зноя, и отъ лѣни
Разметался онъ, заснувъ;
Брови черныя нависли,
Пышетъ жаръ отъ желтыхъ щекъ,
Руки жилистыя свисли
На разсыпчатый песокъ.
Нищъ и босъ, и грёзъ не зная,
Вѣкъ безпеченъ онъ лежитъ,
И надъ соннымъ пролетая,
Чайка сѣрая кричитъ.
Съ неба лучъ палитъ и блещетъ,
И, на скатъ береговой
Набѣгая, море плещетъ

Вѣчно-шумною волной.
Strada Nuova, садъ и Chiaia,
И Везувій, думы полнъ,—
Растянулись, облегая
Ширь серебряную волнъ.
Съ лона водъ въ нѣмомъ покоѣ
Капри синій тихо всталъ...
Ясно небо голубое,
Жарокъ воздухъ, звученъ валъ:
Хорошо, мой lazzarone,
Спать, не вѣдая трудовъ,
Въ зной полуденный на склонѣ
Итальянскихъ береговъ!

2.

За утесами Puzzuoli
Солнце клонится свѣтло
И лучи свои оттолѣ
Въ небѣ синемъ разнесло.
Западъ красный жарко пышетъ,
Чистъ широкій небосклонъ,
Теплый воздухъ робко дышитъ,
Пахнетъ роза и лимонъ.
Въ блескѣ позднемъ длинной лентой—
Сквозь туманъ прозрачный—мнѣ
Виденъ берегъ, гдѣ Сорренто
Дремлетъ въ свѣтлой тишинѣ.
По лиловому играетъ

Морю золото лучей,
Море тихо гладь вздымаетъ
Переливчатыхъ зыбей.
Взоры тонутъ въ отдаленьи,
Внемлетъ слухъ волнѣ морской
И послѣднему движенью
Опустѣлой мостовой.
Челнъ качается лѣниво,
У прибережья забытъ;
Вечеръ пышный молчаливо
Въ небѣ гаснетъ и горитъ.

3.

Середь улицы Толедо—
Не для драки или ссоръ,
Не для дружеской бесѣды,
Не на грозный приговоръ
Собралась, полна вниманья,
Любопытная толпа,
Но стеклася на вѣщанье
Черноризаго попа.
Lazzarone босоногій
И зѣвакъ прохожихъ рядъ,
И старуха, и убогій,
Дѣти, женщины, солдатъ—
Взоръ недвиженъ, рты раскрыты—
Всѣ уставились кругомъ
И глядятъ на іезуита

Въ ожиданіи нѣмомъ.
Изъ-подъ черной длинной шляпы
Школъ духовныхъ ученикъ,
Вѣрный рабъ святого папы,
Кажетъ блѣдно-смуглый ликъ.
Въ вдохновеньи заученномъ
Онъ, бѣснуясь предъ толпой,
Машетъ съ жестомъ затвержденнымъ
Угрожающей рукой:
«Jesus Christus! Dio Santo!
Гадокъ нашъ подлунный міръ!
Слово полное таланта
Разобьетъ людской кумиръ.
Люди! вами путь спасенья
Средь земныхъ утѣхъ забытъ;
Въ жизни вѣчной вамъ мученья
Церковь кроткая сулитъ!
Духъ упалъ среди разврата,
Гнѣвенъ Богъ на небесахъ!...»
И латинская цитата
На толпу наводитъ страхъ.
Но я видѣлъ—это вѣрно—
Итальянкѣ молодой,
Іезуитъ мой лицемѣрный,
Бросилъ взоръ ты огневой.
И не знаю—послѣ рѣчи,
Какъ, куда, святой отецъ,
Для какой нежданной встрѣчи
Забредешь ты наконецъ...

I.

Въ мглѣ вечерней дремлетъ Chiaia,
И расходится народъ;
Итальянка молодая
Одинокая идетъ.
Станъ роскошный стройно-тонокъ,
Грудь высокая пышна;
А давно ль была ребенокъ
Беззаботная она?
Нынче жъ страсть во взорахъ яркихъ,
Щеки смуглыя горятъ,
И уста лобзаній жаркихъ,
Можетъ-быть, уже хотятъ.
Ужъ не спросту завитъ смѣло
Локонъ черный по вискамъ,
И съ косы платочекъ бѣлый
Спущенъ въ складкахъ по плечамъ.
Платьемъ длиннымъ чуть прикрыта
Пара маленькая ногъ,
И легко стучитъ о плиты
Деревяный башмачокъ.
Вотъ она, стопой смущенной,
Робко входитъ въ Божій храмъ;
Помолилась предъ Мадонной,
Поклонилась образамъ,
Тихо стала у рѣшетки,
За которой въ мглѣ сидитъ,
Разбирая молча четки,

Престарѣлый кармелитъ.
«Padre mio! я не знаю
Прегрѣшенья за собой,
Но я стражду и сгараю
Безотходною тоской.
Кровь, какъ пламень, льется въ тѣлѣ,
День несносенъ, ночь длинна—
Я не знаю на постели
Освѣжающаго сна.
Сердце проситъ все чего-то,
И о чемъ-то я грущу,
И во тьмѣ ночной кого-то
Тщетно, страстно я ищу!»
— Часто ль ты творишь молитву?—
«Я молюсь, отецъ святой».
— Зналъ, дитя, я эту битву;
Тожъ я молодъ былъ, другъ мой,
Такъ же кровь огнемъ горѣла,
Я ловилъ мечту и тѣнь,
И покоя не имѣла
Грудь моя ни ночь, ни день.
Но я сталъ поститься строго,
И, постриженъ и разутъ,
Отдалъ я на службу Бога
Каждый мигъ и каждый трудъ.—
«Что жъ мнѣ дѣлать?»—Сдѣлай то же:
Монастырь—пріютъ святой;
Да пошлетъ тебѣ въ немъ Боже
Силу, святость и покой!—

Старъ ты сталъ, служитель Бога,
Смутно помнишь вѣкъ былой!...
Но предъ дѣвой у порога
Итальянецъ молодой.
Оба вздрогнули и стали...
Ужъ скорѣй бы ей бѣжать!
Вѣдь о ней теперь едва ли
Не встревожилася мать...
Тьмою улицы покрыты—
Слышенъ шагъ двухъ крѣпкихъ ногъ,
И за нимъ стучитъ о плиты
Деревяный башмачокъ.

5.

Надъ Везувіемъ восходитъ,
И спокойна, и пышна,
И на море блескъ наводитъ
Лучезарная луна.
По лазури неба темной
Звѣзды ярко зажжены;
Тихо дышитъ въ нѣгѣ томной
Ночь полуденной страны.
Тихъ Везувій. Груды лавы
Вкругъ себя онъ набросалъ
И, дымяся величаво,
Середь ночи задремалъ.
Я смотрю съ Villa Reale
Вдаль по искристымъ водамъ:

Тѣни легкой дымкой пали
По далекимъ берегамъ;
Море, въ сладкомъ усыпленьи,
Звучно зыблетъ лоно водъ,
И въ туманномъ отдаленьи
Смутно Капри предстаетъ;
Въ думѣ мрачной и суровой,
Какъ преступникъ въ часъ ночной,
Одинокъ Castel del ovo,
Омываемый волной.
Спитъ Неаполь, нѣгой свѣта
Лунной ночи озаренъ;
Я гляжу—и мнѣ все это
Предстаетъ, какъ пышный сонъ.

Gasthaus zur Stadt Rom.

Луна печально мнѣ въ окно
Сквозь сѣрыхъ тучъ едва сіяла;
Ужъ было въ городѣ темно,
Пустая улица молчала,
Какъ-будто вымерли давно
Всѣ люди... Церковь лишь стояла
Въ срединѣ площади одна,
Столѣтней жизнію полна.

Свѣча горѣла предо мной;
Исполненъ внутреннимъ страданьемъ,
Безъ сна сидѣлъ я въ часъ ночной,
Сидѣлъ, томимъ воспоминаньемъ
И безпредметною тоской,
И безотчетливымъ желаньемъ,—
И сердце ныло, а слеза
Не выступала на глаза.

Но вотъ коснулись до меня
Изъ комнаты сосѣдней звуки:

Какъ вихрь по клавишамъ, звеня,
Тревожно пронеслися руки;
Потомъ аккорды слышалъ я,
И женскій голосъ, полный муки,
Любви тоскующей души,
Мнѣ зазвучалъ въ ночной тиши.

Qual cuor tradesti! Кто же могъ
Встревожить женщину обманомъ?
Кто душу свѣтлую облекъ
Тоски безвыходной туманомъ?
Любовь проснулась на упрекъ
И совѣсть встала великаномъ,
Но слишкомъ поздно онъ узналъ,
Какое сердце разорвалъ.

Любовь проходитъ, и темно
Становится въ душѣ безродной;
Былое будишь—спитъ оно,
Какъ вялый трупъ въ землѣ холодной,
И сожалѣнье намъ одно
Дано съ небесъ, какъ даръ безплодный...
Но смолкла пѣснь; они потомъ
Иную пѣснь поютъ вдвоемъ.

И въ этой пѣсни дышитъ вновь
Души невинной умиленье,
И сердца юнаго любовь,
И сердца юнаго стремленье;

Не бурно въ жилахъ бьется кровь,
Но только тихое томленье
Отъ полноты вздымаетъ грудь,
И сладко хочется вздохнуть.

Я имъ внимаю въ тишинѣ—
Они поютъ, а сердцу больно:
Они поютъ мнѣ о веснѣ,
Какъ птички въ небѣ—звучно, вольно.
И хорошо ихъ слушать мнѣ,
А все-жъ страдаю я невольно:
Ихъ пѣснь свѣтла, въ ней вѣра есть—
Мнѣ сердца ранъ не перечесть.

Они счастливы, Боже мой!
Кто вы, мои пѣвцы, - не знаю,
Но съ наслажденьемъ и тоской
Я, странникъ грустный, вамъ внимаю.
Блаженствуйте! я со слезой
Васъ въ тишинѣ благословляю.
Любите вѣчно! жизнь въ любви—
Блаженный сонъ, друзья мои.

Живите мало. Странно вамъ?
Ромео умеръ, съ нимъ Джульета—
Шекспиръ зналъ жизнь какъ Богъ: мы снамъ
Роскошно вѣримъ въ юны лѣта,
Но сухость жизнь наводитъ намъ...
Да мимо идетъ чаша эта,

Гдѣ сожалѣнье и тоска
И грустный холодъ старика!

Блаженны тѣ, что въ утрѣ дней
Въ послѣднемъ замерли лобзаньи,
Въ тѣни развѣсистыхъ вѣтвей,
Подъ вечеръ майскій, при журчаньи
Бѣгущихъ водъ, — и соловей
Имъ пѣлъ надгробное рыданье,
А воронъ тронуть ихъ не смѣлъ
И робко мимо пролетѣлъ.

Характеръ.

Ребенкомъ онъ упрямъ былъ и рѣзовъ,
И гордо такъ его смотрѣли глазки;
Лишь матери его смиряли ласки,
Но не внималъ онъ звуку грозныхъ словъ.
Про витязей безстрашныхъ слушать сказки
Любилъ въ тиши онъ зимнихъ вечеровъ,
Любилъ безбрежіе степи раздольной,
Слѣдилъ полетъ далекій птицы вольной.

Провелъ онъ буйно юные года:
Его вездѣ пустымъ повѣсой звали,
Но жажды дѣлъ они въ немъ не узнали,
Да воли сильной, въ мірѣ никогда
Простора не имѣвшей... Дни бѣжали,
Жизнь тратилась безъ цѣли, безъ труда;
Кипѣла кровь безплодно... Онъ былъ молодъ,
А въ душу сталъ закрадываться холодъ.

Влюбленъ онъ былъ, и разлюбилъ; потомъ
Любилъ, бросалъ, но — слабыхъ душъ мученья —

Не зналъ раскаянья и сожалѣнья.
Онъ рано посѣдѣлъ. Въ лицѣ худомъ
Явилась блѣдность. Дерзкое презрѣнье
Одно осталось въ взорѣ огневомъ,
И рѣчь его, сквозь устъ едва раскрытыхъ,
Была полна насмѣшекъ ядовитыхъ.

Дилижансъ.

Ужъ смерклося почти, когда мы сѣли,
И различить моихъ сосѣдей я
Совсѣмъ не могъ. Они еще шумѣли,
Бесѣдою несносною меня
Терзали. Всѣ мнѣ такъ ужасно были
Противны. Трескъ колесъ и глупый звукъ
Бича мнѣ слухъ докучливо томили.
Печально въ уголъ я прилегъ. Но вдругъ
Изъ хижинъ къ намъ на мигъ блеснули свѣчи—
Я женщину увидѣлъ близъ меня:
Мантильей черной покрывая плечи,
Она сидѣла, голову склоня;
Глаза ея горѣли грустью томной,
И блѣденъ былъ печальный ликъ ея,
И изъ-подъ шляпки вился локонъ темный...
Какое сходство, Боже! Грудь моя
Стѣснилась, холодъ обдалъ тайный...
Опять оно, видѣнье давнихъ дней,
Передо мной воскресло такъ случайно!
И я съ нея не могъ свести очей;

Сквозь тьму глядя на ликъ едва замѣтный,
Тревожно жизнь мою я повторялъ,
И снова былъ я молодъ, и привѣтно
Кругомъ съ улыбкой Божій міръ взиралъ,
И я любилъ такъ полно и глубоко—
О, какъ же я былъ счастливъ въ этотъ разъ!
И я желалъ, чтобъ намъ еще далеко,
Далеко было ѣхать; чтобы насъ
Безъ отдыха везла, везла карета,
И не имѣлъ бы этотъ путь конца,
И лучшія я пережилъ бы лѣта,
Смотря на очеркъ этого лица!

Сосѣдкѣ.

Въ деревнѣ, въ мирномъ уголкѣ,
Я помню, въ дѣтствѣ мы играли
Въ саду весною на пескѣ,
По вечерамъ осеннимъ—въ залѣ.
Меня въ столицу увезли;
Я выросъ—вы большія тоже,
Но вы въ деревнѣ расцвѣли
На блѣдный цвѣтъ полей похоже.
Я не забочусь о себѣ—
Нѣтъ нужды, что̀ бъ со мной ни сталось;
Но въ вашей будущей судьбѣ
Прочесть страницу бы желалось.
Что? влюблены вы, или нѣтъ?
Мечтаете ли ночью звѣздной?
Иль безъ любви, не зная свѣтъ,
Взросли вы барышней уѣздной,
И просто надо наконецъ
Вамъ замужъ—и безъ нѣжной страсти
Вы побредете подъ вѣнецъ,
Покорны папенькиной власти?

Гадали ль вы про жениховъ?
Кто жъ вышелъ? Тотъ ли сердцу близкій,
Или сосѣдъ, что́ любитъ псовъ,
Плечами дюжій, ростомъ низкій?
Да въ нашей грустной сторонѣ—
Скажите—что жъ и дѣлать болѣ,
Какъ не хозяйничать женѣ,
А мужу съ псами ѣздить въ поле!

Стучу — мнѣ двери отперъ ключникъ старый.
Я зналъ, что нѣтъ хозяйки, что давно
Она уже уѣхала далеко
И странствуетъ теперь подъ небомъ чуждымъ;
Но мнѣ на домъ хотѣлось посмотрѣть.
Какъ все знакомо! Зала длинная,
Гдѣ позднимъ вечеромъ, при слабомъ свѣтѣ,
Какія-то таинственныя тѣни
Уныло бродятъ; кабинетъ безмолвный,
Гдѣ часто мы вдвоемъ сидѣли близко...
Я, молча, темнымъ локономъ игралъ
Иль говорилъ, что̀ было на душѣ,
А на душѣ тогда такъ было полно!
И все на томъ же мѣстѣ, какъ и было:
Диванъ въ углу, передъ каминомъ кресло,
Цвѣты на окнахъ, на стѣнахъ портреты,
А на столѣ развернутая книга.
Я взялъ и пыль съ нея обтеръ рукой,
Скамейку шитую толкнулъ къ дивану
И у окна гардину бѣлую
Расправилъ. Солнце зимнее свѣтило

Печально... Уходя, спросилъ я: есть ли
Оттуда письма?—Нѣтъ-съ, не получаемъ.—
Она меня теперь забыла вѣрно;
А я?—и у меня любви нѣтъ въ сердцѣ,
Одно воспоминанье!

Дорога.

Тускло мѣсяцъ дальній
Свѣтитъ сквозь тумана,
И лежитъ печально
Снѣжная поляна.
Бѣлыя съ морозу
Вдоль пути рядами
Тянутся березы
Съ голыми сучками.
Тройка мчится лихо,
Колокольчикъ звонокъ,
Напѣваетъ тихо
Мой ямщикъ спросонокъ.
Я въ кибиткѣ валкой
Ѣду да тоскую:
Скучно мнѣ да жалко
Сторону родную.

На сѣверѣ туманномъ и печальномъ
Стремлюся я къ роскошнымъ берегамъ
Иной страны—она на югѣ дальнемъ.
Лечу чрезъ степь къ знакомымъ мнѣ горамъ—
На нихъ заря блеститъ лучемъ прощальнымъ;
Я далѣ къ югу—наконецъ я тамъ,
И, нѣжась, взоръ гуляетъ на просторѣ,
И Средиземное шумитъ и плещетъ море.

Италія! опять твой полдень жаркій,
Опять твой темно-синій небосклонъ,
И ропотъ волнъ немолчный, блескъ ихъ яркій,
При лунной ночи пахнущій лимонъ,
Рыбакъ на морѣ тихомъ съ утлой баркой,
И черный локонъ смуглолицыхъ женъ.
И все тамъ страсть, да пѣсни, да картины,
Да Рима стараго роскошныя руины.

Въ Италіи брожу и вновь тоскую:
Мнѣ хочется опять къ моимъ снѣгамъ,
Послушать пѣсню грустную, родную,

Летѣть на тройкѣ вихремъ по степямъ,
Съ друзьями выпить чашу круговую,
Да поболтать по длиннымъ вечерамъ,
Увидѣть взоръ спокойный, русый локонъ,
Да небо сѣрое сквозь полумерзлыхъ оконъ:

Aurora-Walzer.

Въ моей глуши однообразной,
Съ незримыхъ струнъ легко звеня,
Напѣвъ знакомый безотвязно
Весь день преслѣдуетъ меня.

Не будитъ онъ въ воспоминаньи
Ни томный блескъ лазурныхъ глазъ,
Ни часъ блаженнаго свиданья,
Или разлуки скорбный часъ.

Подъ звукъ его, главой усталой
Склоняся, сновъ я не видалъ,
И, мчась безумно въ вихрѣ бала,
Я ручки бѣленькой не жалъ;

Но страннымъ полонъ онъ томленьемъ,
Но имъ душа увлечена,
И въ даль съ мучительнымъ стремленьемъ
За нимъ уносится она.

Я помню робкое желанье,
Тоску, сжигающую кровь,
Я помню ласки и признанье,
Я помню слезы и любовь.
Шло время—ласки были рѣже,
И высохъ слезъ потокъ живой,
И только оставались тѣ же
Желанья съ прежнею тоской.
Просило сердце впечатлѣній,
И теплыхъ слезъ просило вновь,
И новыхъ ласкъ, и вдохновеній,
Просило новую любовь.
Пришла пора—прошло желанье,
И въ сердцѣ стало холодно,
И на одно воспоминанье
Трепещетъ горестно оно.

Весна.

Еще лежитъ, бѣлѣясь средь полей,
Послѣдній снѣгъ и постепенно таетъ,
И въ полдень яркій солнце вызываетъ
Понѣжиться въ теплѣ своихъ лучей.
Весною пахнетъ. Тѣло лѣнь объемлетъ,
И голова и кружится, и дремлетъ.
Люблю я этотъ переходъ: живешь
Какъ наканунѣ праздника, и ждешь,
Какъ колоколъ пробудитъ гулъ далекій,
Народъ пойдетъ по улицѣ широкой,
И будетъ радость общая и крикъ,
И пѣсни не умолкнутъ ни на мигъ.

И жду я праздника: вотъ снѣгъ сольется,
Проглянетъ травка нѣжнымъ стебелькомъ,
И ласточка, щёбеча, принесется
Въ гнѣздо, свитое надъ моимъ окномъ
Давнымъ-давно... Я птичку каждый годъ
Встрѣчаю; спрашиваю: гдѣ летала?

Кто любовался ей? какой народъ?
Не въ сторонѣ ль прекрасной побывала,
Гдѣ небо ясно, вѣчная весна,
Гдѣ море плещетъ, искрясь и синѣя,
И лавровъ гордыхъ тянется аллея?
Далекая, волшебная страна!...

И жду я праздника. На вѣткѣ гибкой
Листъ задрожитъ, и будетъ шумѣнъ лѣсъ,
Запахнетъ ландышъ у корней древесъ;
И будетъ утро съ свѣтлою улыбкой
Вставать прохладно, будетъ жарокъ день
И ясенъ вечеръ; и ночная тѣнь
Когда наляжетъ, будетъ мѣсяцъ томный
Гулять спокойно по лазури темной;
Надъ озеромъ прозрачный паръ взойдетъ,
И соловей до утра пропоетъ.

И я пойду на берегъ одиноко,
Сквозь говора кочующей волны
Рыбачью пѣснь услышу издалека,
И время вспомню я другой весны...
Наполнитъ душу смутное томленье,
И встанутъ вновь забытыя видѣнья.

Еще любви безумно сердце проситъ,
Любви взаимной, вѣчной и святой,
Которую ни время не уноситъ,
Ни губитъ свѣтъ мертвящей суетой;
Безумно сердце проситъ женской ласки,
И чудная мечта нашептываетъ сказки.

Но тщетно все!... отвѣта нѣтъ желанью;
Въ испугѣ мысль опять назадъ бѣжитъ
И бродитъ трепетно въ воспоминаньи...
Но прошлаго ничто не воскреситъ!
Замолкшій звукъ опять звучать не можетъ
И память только онъ гнететъ или тревожитъ.

И страхъ беретъ, что чувство схоронилось;
По немъ въ душѣ печально, холодно,
Какъ въ домѣ, гдѣ утрата совершилась:
Хозяинъ умеръ—пусто и темно;
Лепечетъ попъ надгробныя страницы,
И бродятъ въ комнатахъ все пасмурныя лица.

Къ подъѣзду!—Сильно за звонокъ рванулъ я—
Что, дома?—Быстро я взбѣжалъ на верхъ.
Уже се я не видалъ лѣтъ десять;
Какъ хороша она была тогда!
Вхожу. Но въ комнатѣ все дышитъ скукой,
И плющъ завялъ, и сторы спущены.
Вотъ у окна, безмолвно за газетой,
Сидитъ какой-то толстый господинъ.
Мы поклонились. Это мужъ. Какъ дуренъ!
Широкое и глупое лицо.
Въ углу сидитъ на креслахъ длинныхъ кто-то,
Въ подушки утонувъ. Смотрю—не вѣрю!
Она—вотъ эта тѣнь полуживая?
А есть еще прекрасныя черты!
Она мнѣ тихо машетъ: «подойдите!
Садитесь! рада я вамъ, старый другъ!»
Рука какъ желтый воскъ, чуть внятенъ голосъ,
Взоръ мутенъ. Сердце сжалось у меня.
«Меня теперь вы вѣрно не узнали...
Да—я больна; но это все пройдетъ:
Весной поѣду непремѣнно въ Ниццу.»
Что отвѣчать? Нельзя же показать,

Что слезы хлынули къ глазамъ отъ сердца,
А слово такъ и мретъ на языкѣ.
Мужъ улыбнулся, что я такъ неловокъ.
Какую-то я пошлость ей сказалъ
И вышелъ. Трудно было оставаться—
Поѣхалъ. Мокрый снѣгъ мнѣ билъ въ лицо,
И небо было тускло...

Въ пирахъ безумно молодость проходитъ:
Стакановъ звонъ да шутки, смѣхъ да крикъ
Не умолкаютъ. А межъ тѣмъ не сходитъ
Съ души тоска ни на единый мигъ;
Межъ тѣмъ и жизнь идетъ, и тяготѣетъ
Надъ ней судьба, и страшной тайной вѣетъ.
Мнѣ пиръ наскучилъ — онъ не шлетъ забвенья
Душевной скорби; судорожный смѣхъ
Не заглушаетъ тайнаго мученья!..

Исповѣдь.

Мой другъ, тебѣ хотѣлъ бы я
Сказать, что̀ душу мучитъ;
Я знаю, исповѣдь моя
Тебѣ вѣдь не наскучитъ.
Да только лишь сказать хочу,
Какъ вдругъ въ лицѣ я вспыхну,
Займется духъ, и я молчу
И головой поникну.
А все бы я сказалъ тебѣ:
Люблю иль ненавижу,
Какъ я не вѣрую судьбѣ,
Какъ мало въ жизни вижу;
Да стыдно жаловаться мнѣ,
А въ томъ, что̀ какъ-то чудно
Живетъ въ душевной глубинѣ,
Мнѣ высказаться трудно.

Домой я воротился очень поздно;
Съ друзьями я весь день пропировалъ,
А не было мнѣ весело нисколько:
Тоска мнѣ тяжко угнетала душу.
Я воротился — ночь была безгласна
И обдавала черной тьмой меня
Враждебно такъ, что было страшно.
Одна свѣча горѣла предо мной —
Единый другъ среди пустынной ночи,
Единый другъ, но безотрадный!..

По тряской мостовой я ѣхалъ молча,
Усталый отъ дневныхъ заботъ и шума.
Мнѣ день, утраченный въ пустомъ чаду,
Холоднымъ падалъ на душу упрекомъ,
И ночь мнѣ не была отрадна...
На мѣсяцъ блѣдный облако нашло —
Онъ сквозь него просвѣчивалъ печально;
Пустыя улицы безмолвны были,
И только песъ съ досадою впросонкахъ
Навстрѣчу мнѣ сквозь зубы проворчалъ;
При поворотѣ бѣлый домъ угрюмо
Рядъ оконъ темныхъ на меня уставилъ.
Знакомый домъ!... Но вотъ свѣча блеснула
И въ комнатахъ задвигалася тихо...
Я встрепенулся. Сердце билось сильно - -
Я видѣлъ платье бѣлое
И чей-то медленно идущій образъ.
Свѣча исчезла — я проѣхалъ мимо,
И тяжело мнѣ было на душѣ.

Когда встрѣчаются со мной
Подъ парчевою пеленой
И съ упряжью печальной дроги,
А мнѣ нельзя свернуть съ дороги,—
Мнѣ мысль о смерти тяжела.
Не то, чтобъ жизнь была мила;
Жить скучно — горе да сомнѣнье,
Бѣда извнѣ, внутри мученье,—
Да вотъ, когда воображу,
Что мертвый я въ гробу лежу,
Что крышкою его накрыли
И въ крышку гвозди вколотили,
И въ землю гробъ спустили мой,
Да и засыпали землей—
Душѣ обидно такъ и больно,
И тѣло дрожь беретъ невольно.

На морѣ.

Бутылка выпита до дна—
Ее я брошу въ море,
И долго будетъ плыть она
Съ волной въ безсильномъ спорѣ.
А можетъ быть, когда-нибудь
Попутный валъ повалитъ,
Она, свершая дальній путь,
Къ роднымъ брегамъ причалитъ;
Къ ней склонится знакомый ликъ
И взоръ знакомый взглянетъ,
И сердце близкое въ тотъ мигъ
О странникѣ вспомянетъ.

Livorno.

Подъѣзжая подъ Livorno,
Видѣлъ я, какъ Аппенины
Цѣпью длинной и узорной
Растянулись вкругъ равнины.

Выѣзжая изъ Livorno
Съ сигаретами въ карманѣ,
Былъ обысканъ я позорно
На предательской заставѣ.

Экой дьяволъ ты проворный!
Экой ты мошенникъ скверный,
Возлѣ города Livorno
Надзиратель заставерный!

Ночь.

Когда во тьмѣ ночной, въ мучительной тиши,
Мои глаза дремотой не сомкнуты —
Я въ безотвязчивомъ томленіи души
Переживаю трудныя минуты.
Все лица прежнія, картины прежнихъ лѣтъ
Передо мной проносятся какъ тѣни;
Но чувства прежняго во мнѣ ужъ больше нѣтъ:
Я холодно гляжу на рядъ видѣній.
Напрасно силюсь я будить въ душѣ моей,
Что́ жило въ ней такъ сладко иль тревожно;
Любовь, страданіе, блаженство прежнихъ дней
Мнѣ кажется или смѣшно, иль ложно.
И мнѣ грядущее замѣны не сулитъ:
Вся жизнь пройдетъ несносною ошибкой...
И слезы горькія, текущія съ ланитъ,
Уста глотаютъ съ горькою улыбкой.

На сонъ грядущій.

Ночная тьма безмолвіе приноситъ
И къ отдыху зоветъ меня.
Пора, пора! покоя тѣло проситъ,
Душа устала въ вихрѣ дня.
Молю тебя, предъ сномъ грядущимъ, Боже:
Дай людямъ миръ; благослови
Младенца сонъ, и нищенское ложе,
И слезы тихія любви!
Прости грѣху, на жгучее страданье
Успокоительно дохни,
И всѣ твои печальныя созданья
Хоть сновидѣньемъ обмани!

Стансы.

(Изъ Байрона.)

Ни одна не станетъ въ споръ
Красота съ тобой,
И какъ музыка на морѣ
Сладокъ голосъ твой.
Море шумное смирилось—
Будто звукамъ покорилось;
Тихо лоно водъ блеститъ,
Убаюканъ вѣтеръ спитъ.

На морскомъ дрожитъ просторѣ
Лучъ луны, блестя,
Тихо грудь вздымаетъ море,
Какъ во снѣ дитя.
Такъ душа, полна вниманья,
Предъ тобой въ очарованьи —
Тихо все, но полно въ ней,
Будто лѣтомъ зыбь морей.

У моря.

(Изъ Гейне.)

Надъ моремъ позднею порой
Еще лучи блестѣли,
А мы близъ хижины съ тобой
Въ безмолвіи сидѣли.
Туманъ вставалъ, росла волна
И чайка пролетала,
А у тебя, любви полна,
Изъ глазъ слеза упала.
Катилась по рукѣ твоей —
И на колѣни палъ я,
И медленно съ руки твоей
Твою слезу спивалъ я.
Съ тѣхъ поръ сгараю тѣломъ я,
Душа въ тоскѣ изныла —
Ахъ, эта женщина меня
Слезою отравила!

Хандра.

Бываютъ дни, когда душа пуста;
Ни мыслей нѣтъ, ни чувствъ, молчатъ уста.
Равно печаль и радости постылы,
И въ тѣлѣ лѣнь, и двигаться нѣтъ силы.
Напрасно ищешь, чѣмъ бы умъ занять —
Противно видѣть, слышать, понимать,
И только безконечно давитъ скука,
И кажется, что жить такая мука!
Куда бѣжать? чѣмъ облегчить бы грудь?
Вотъ ночи ждешь — въ постель! скорѣй заснуть!
И хорошо, что стало все беззвучно...
А сонъ нейдетъ, а тьма томитъ докучно!

Я наконецъ оставилъ городъ шумный,
Изъ душныхъ стѣнъ я вырвался на мигъ;
За мною смолкнулъ улицъ трескъ безумный
И вдалекѣ докучный говоръ стихъ,
И вотъ поля равниною безбрежной
Въ вечернемъ блескѣ дремлютъ безмятежно.

Люблю я васъ, вечерніе отливы
И съ далью неба слитый край земли,
Цвѣтокъ лазурный между желтой нивы
И птички пѣсню звонкую вдали.
О, какъ давно уже въ тиши раздольной
Я не дышалъ безпечно и привольно!

Мнѣ хорошо... но отчего жъ такъ грустно?
Душа мягка и вмѣстѣ больно ей,
И сельскій бытъ невинный, безыскусный
Меня томитъ, какъ память дѣтскихъ дней.
Утратилось невинности значенье,
Тоскуетъ грудь въ тяжеломъ умиленьи.

О, по душѣ прошло съ тѣхъ поръ такъ много —
Гнетъ истины, ошибокъ суета,

Порокъ, страстей безумная тревога,
И сладкой жажды чувствовать тщета,
Разсудка власть и грозная работа,
И мелкой жизни мелкая забота.

Поля, поля! вашъ миръ меня объемлетъ,
Но кроткихъ чувствъ онъ не приноситъ мнѣ;
Какъ прежде сердце въ тихомъ снѣ не дремлетъ...
Вы мнѣ теперь, въ вечерней тишинѣ,
Растроганность болѣзненную дали,
Слезу души и внутренней печали.

Къ ***.

Разстались мы — то, можетъ, нужно,
То, можетъ, должно было намъ —
Ужъ мы давно не дѣлимъ дружно
Единой жизни пополамъ;
И можетъ, врознь намъ будетъ можно
Еще съ годами какъ-нибудь
Устроиться не такъ тревожно
И даже сердцемъ отдохнуть.
Я несть готовъ твои упреки,
Хотя и жгутъ они, какъ ядъ.
Конечно, я имѣлъ пороки,
Конечно, въ многомъ виноватъ;
Но было время — вѣдь я вѣрилъ,
Вѣдь я любилъ, быть счастливъ могъ.
Я будущность широко мѣрилъ,
Мой міръ былъ полонъ и глубокъ!
Но замеръ онъ среди печали;
И кто изъ насъ виновенъ въ томъ,
Какое дѣло — ты ли, я ли

Его назадъ мы не вернемъ.
Еще слезу зоветъ съ рѣсницы
И холодомъ сжимаетъ грудь
О прошломъ мысль, какъ у гробницы,
Гдѣ въ мукахъ дѣтскій вѣкъ потухъ.
Закрыта книга—наша повѣсть
Прочлась до крайняго листа;
Но не смутятъ укоромъ совѣсть
Тебѣ отнюдь мои уста.
Благодарю за тѣ мгновенья,
Когда я вѣрилъ и любилъ;
Я не далъ только бъ имъ забвенья,
А горечь радостно бъ забылъ.
О, я не врагъ тебѣ... Дай руку!
Прощай! Не дай тебѣ знать Богъ
Ни пустоты душевной муку,
Ни заблужденія тревогъ...
Прощай! на жизнь, быть можетъ, взглянемъ
Еще съ улыбкой мы не разъ,
И съ миромъ оба да помянемъ
Другъ-друга мы въ послѣдній часъ.

Монологи.

1.

И ночь и мракъ! Какъ все томительно-пустынно!
Безсонный дождь стучитъ въ мое окно,
Блуждаетъ лучъ свѣчи, мѣняясь съ тѣнью длинной,
И на сердцѣ печально и темно.
Былые сны! душѣ разстаться съ вами больно;
Еще ловлю я призраки вдали,
Еще желаніе въ груди кипитъ невольно;
Но жизнь и мысль убили сны мои.
Мысль, мысль! какъ страшно мнѣ теперь твое движенье,
Страшна твоя тяжелая борьба!
Грознѣй небесныхъ бурь несешь ты разрушенье,
Неумолима, какъ сама судьба.
Ты миръ невинности давно во мнѣ сломила,
Меня навѣкъ въ броженье вовлекла,
За вѣрой вѣру ты въ моей душѣ сгубила,
Вчерашній свѣтъ мнѣ тьмою назвала.
Отъ прежнихъ истинъ я отрекся правды ради,

Для свѣтлыхъ сновъ на ключъ я заперъ дверь,
Листъ за листомъ я рвалъ завѣтныя тетради,
И все, и все изорвано теперь.
Я долженъ надъ своимъ безсиліемъ смѣяться
И видѣть вкругъ безсиліе людей,
И трудно въ правдѣ мнѣ внутри себя признаться,
А правду высказать еще труднѣй.
Предъ истиной нагой исчезъ и....,
И гордость личная, и сны любви,
И впереди лежитъ пустынная дорога,
Да тщетный жаръ еще горитъ въ крови.

2.

Скорѣй, скорѣй топи средь дикихъ волнъ разврата
И мысль, и сердце, нашу чувствъ и думъ;
Насмѣйся надо всѣмъ, что такъ казалось свято,
И смѣло жизнь растрать на пиръ и шумъ!
Сюда, сюда бокалъ съ играющею влагой!
Сюда, вакханка! слухъ мнѣ очаруй
Ты пѣсней, полною разгульною отвагой!
На золото, продай мнѣ поцѣлуй...
Вино кипитъ во мнѣ и жжетъ меня лобзанье...
Ты хороша! о, слишкомъ хороша!...
Зачѣмъ опять въ груди проснулося страданье
И будто вздрогнула моя душа?
Зачѣмъ ты хороша? забытое мной чувство,
Красавица, зачѣмъ волнуешь вновь?
Твоихъ томящихъ ласкъ постыдное искусство

Ужель во мнѣ встревожило любовь?
Любовь, любовь!... о нѣтъ, я только сожалѣнье,
Погибшій ангелъ, чувствую къ тебѣ...
Поди, ты мнѣ гадка! я чувствую презрѣнье
Къ тебѣ, продажной, купленной рабѣ!
Ты плачешь? Нѣтъ, не плачь. Какъ? я тебя обидѣлъ?
Прости, прости мнѣ — это паръ вина;
Когда бъ я не любилъ, вѣдь я бъ не ненавидѣлъ.
Постой, душа къ тебѣ привлечена —
Ты болѣ съ устъ моихъ не будешь знать укора.
Забудь всю жизнь, прожитую тобой,
Забудь весь грязный путь порока и позора,
Склонись ко мнѣ прекрасной головой.—
Страдалица страстей, страдалица желанья,
Я на душу тебѣ навѣю сны,
Ее вновь оживитъ любви моей дыханье,
Какъ бабочку дыханіе весны.
Что жъ ты молчишь, дитя, и смотришь въ удивленьи,
А я не пью мой налитой бокалъ?
Проклятіе! опять ненужное мученье
Внутри души я гдѣ-то отыскалъ!
Но на плечо ко мнѣ она, склоняся, дремлетъ,
И что́ во мнѣ — ей непонятно то;
Недвижно я гляжу, какъ сонъ ей грудь подъемлетъ,
И глупо трачу сердце за ничто!

3.

Чего хочу?... чего?... О! такъ желаній много,
Такъ къ выходу ихъ силѣ нуженъ путь,

Что кажется порой — ихъ внутренней тревогой
Сожжется мозгъ и разорвется грудь.
Чего хочу? Всего со всею полнотою!
Я жажду знать, я подвиговъ хочу,
Еще хочу любить съ безумною тоскою,
Весь трепетъ жизни чувствовать хочу!
А втайнѣ чувствую, что всѣ желанья тщетны,
И жизнь скупа, и внутренно я хилъ,
Мои стремленія замолкнутъ безответны,
Въ попыткахъ я запасъ растрачу силъ.
Я самъ себѣ кажусь, подавленный страданьемъ,
Какимъ-то жалкимъ, маленькимъ глупцомъ,
Среди безбрежности затеряннымъ созданьемъ,
Томящимся въ броженіи пустомъ...
Духъ вѣчности обнять за разъ не въ нашей долѣ,
А чашу жизни пьемъ мы по глоткамъ,
О томъ, что выпито, мы все жалѣемъ болѣ,
Пустое дно все больше видно намъ;
И съ каждымъ днемъ душѣ тяжелѣ устарѣлость,
Больнѣе помнить и страшнѣй желать,
И кажется, что жить—отчаянная смѣлость;
Но биться пульсъ не можетъ перестать,
И дальше я живу въ стремленьи безотрадномъ,
И жизни крестъ беру я на себя,
И весь душевный жаръ несу въ движеньи жадномъ,
За мигомъ мигъ хватая и губя.
И все хочу!... чего?... О! такъ желаній много,
Такъ къ выходу ихъ силѣ нуженъ путь,

Что кажется порой—ихъ внутренней тревогой
Сожжется мозгъ и разорвется грудь.

4.

Какъ школьникъ на скамьѣ, опять сижу я въ школѣ
И съ жадностью внимаю и молчу;
Пусть длиненъ знанья путь, но духъ мой крѣпокъ волей,
Не страшенъ трудъ — я вѣрю и хочу.
Вокругъ все юноши: учительское слово,
Какъ я, они всѣ слушаютъ въ тиши;
Для нихъ все истина, имъ все еще такъ ново,
Въ нихъ судитъ пылъ неопытной души.
Но я уже сюда явился съ мыслью зрѣлой,
Сомнѣніемъ испытанный боецъ,
Но не убитый имъ... Я съ призраками смѣло
И искренно разсчелся наконецъ;
Я отстоялъ себя отъ внутренней тревоги,
Съ терпѣніемъ пустился въ новый путь,
И не собьюсь теперь съ разсчитанной дороги —
Свободна мысль и силой дышитъ грудь.
Что, Мефистофель мой, завистникъ закоснѣлый?
Отнынѣ власть твою разрушилъ я,
Болѣзненную власть насмѣшки устарѣлой;
Я скорбью многой выкупилъ себя.
Теперь товарищъ мнѣ иной духъ отрицанья—
Не тотъ насмѣшникъ черствый и больной,
Но тотъ всесильный духъ движенья и созданья,

Тотъ вѣчно юный, новый и живой.
Въ борьбѣ безстрашенъ онъ, ему губить — отрада,
Изъ праха онъ все строитъ вновь и вновь,
И ненависть его къ тому, что̀ рушить надо,
Душѣ свята, такъ какъ свята любовь.

Разговоръ.

(Изъ Мицкевича.)

Мой другъ, для насъ что̀ могутъ разговоры значить?
Что̀ я такъ чувствую—къ чему мнѣ говорить?
Когда нельзя всю душу въ душу перелить,
Къ чему въ словахъ ее дробить и тратить?
Еще до слуха и до сердца не касаясь
Слова уже остынутъ, съ устъ моихъ сдыхаясь.

Люблю, люблю тебя! сто разъ я повторяю;
Ты сердишься и хочешь ты бранить
Меня, что я любви моей совсѣмъ не знаю
Ни высказать, ни выразить, ни въ пѣснь излить,
И будто въ летаргіи не имѣю силу
Иной дать признакъ жизни, какъ сойти въ могилу.

Мой другъ, уста скучаютъ тщетнымъ изліяньемъ,
А я хочу мои уста съ твоими слить,
Хочу съ тобой біеньемъ сердца говорить,
Да вздохомъ только, да лобзаньемъ,
И такъ проговорю часы, и дни, и лѣта,
И до скончанія и по скончаньи свѣта.

Бываю часто я смущенъ внутри души
И трепетомъ исполненъ и волненьемъ:
Какой-то ходъ судьбы свершается въ тиши
И вѣетъ мнѣ отъ жизни привидѣньемъ.
Въ движеньи шумномъ дня, въ молчаньи тьмы ночной,
Въ толпѣ ль, одинъ ли, средь забавъ иль скуки—
Вездѣ болѣзненно я слышу за собой
Изъ жизни прежней схваченные звуки.
Мнѣ чувство каждое, и каждый новый ликъ,
И каждой страсти новое волненье,
Все кажется—уже давно прожитый мигъ.
Все стараго пустое повторенье.
И скука страшная лежитъ на днѣ души,
Межъ тѣмъ какъ я внимаю съ напряженьемъ,
Какъ тайный ходъ судьбы свершается въ тиши
И вѣетъ мнѣ отъ жизни привидѣньемъ.

Fatum.

Вхожу я въ церковь — тамъ стоятъ два гроба,
Окружены молящимися оба.
Одинъ былъ длинный гробъ, и видѣлъ въ немъ
Я мертвеца съ измученнымъ лицомъ,
Съ улыбкою отчаянья глухого,
И кости лишь да кожа — такъ худого.
Казался онъ не старъ, но былъ ужъ сѣдъ,
Какъ будто бы погибъ подъ ношей бѣдъ.
Блѣдна, какъ онъ, и столько же худая
Стояла возлѣ женщина, рыдая;
И дѣти-нищіе на мертвеца
Смотрѣли съ дѣтской глупостью лица.

А гробъ другой былъ малъ, и въ немъ лежало
Дитя — такъ тихо, будто задремало.
Отецъ и мать у гроба, а вокругъ,
Одѣтыхъ въ трауръ, было много слугъ.
Печально мать-красавица молчала,
То плакала, то тяжело вздыхала.

Отецъ въ себя казался углубленъ
И все шепталъ: «зачѣмъ онъ былъ рожденъ?»

И я тоски не въ силахъ былъ сносить;
Я вышелъ вонъ, и въ лѣсъ ушелъ бродить —
И вѣтеръ вылъ, и тучи тяготѣли,
И на корняхъ, треща, качались ели.

Забыто.

Я ему сказала:
«Возвратился милый!
Дни прошли и годы
Я не позабыла;
Я все такъ же, такъ же,
Какъ въ ту ночь — что знаешь,
Все люблю, какъ прежде,
Такъ, какъ ты желаешь.»
Онъ пожалъ плечами,
Не сказалъ ни слова,
И хотѣлъ онъ тутъ же
Удалиться снова.
Я его схватила,
Я его держала
За руки, за платье —
Все не отпускала.
Пала на колѣни,
Цѣловала руки,
Ноги цѣловала,

Плакала отъ муки.
Онъ взглянулъ мнѣ въ очи...
Тутъ мнѣ показалось,
Что меня онъ любитъ,
Что въ немъ сердце сжалось.
Онъ взглянулъ мнѣ въ очи —
Отвернулся снова,
И прошелъ онъ мимо
Не сказалъ ни слова.

Совершеннолѣтіе.

Спокойно вижу я годовъ минувшихъ даль,
Грядущее встрѣчаю безъ волненья,
И нѣтъ раскаянья, и прошлаго не жаль,
Нѣтъ передъ тѣмъ, что будетъ, опасенья.
На грезы юности смотрю я безъ презрѣнья:
Пусть было многое въ нихъ жалко и смѣшно,
Но подлости на нихъ не брошено пятно;
Развратъ, любовь, иль трудъ — пусть все безплодно
Въ душѣ кипѣло, но все было благородно.

Съ ошибкой дѣтскою раздѣлаться я радъ
И веселѣй встрѣчаю горечь истинъ,
Чѣмъ малодушіе мечтательныхъ отрадъ.
Я въ дѣлѣ счастья гордъ и безкорыстенъ!
Но міръ, который мнѣ какъ гнусность ненавистенъ,
Міръ угнетателей, обмана и рабовъ —
Его, пока я живъ, подкапывать готовъ
Съ горячимъ чувствомъ мести или права,
Не думая о томъ — что — гибель ждетъ иль слава.

Пусть иногда тоска тѣснитъ мнѣ жизнь мою,
И я шепчу проклятья или пени,

Но сердцемъ молодъ я. Еще я жизнь люблю,
Люблю я видѣть синей ночи тѣни
И мирный проблескъ дня; люблю внимать средь лѣни
Волны плесканіе, лѣсовъ зеленыхъ шумъ,
Съ восторгомъ предаюсь работѣ ясной думъ,
И все, что̀ живо полюбилъ когда-то,—
Осталось мнѣ навѣкъ и сладостно, и свято.

Искандеру.

Я ѣхалъ по полю пустому;
И свѣжъ, и сыръ былъ воздухъ, и луна
Скучая шла по небу голубому,
И плоская синѣлась сторона.
Въ моей душѣ мѣнялись скорбь и сила
И мысль моя съ тобою говорила.

Все степь, да степь! Нѣтъ ни души, ни звука;
И ѣду вдаль я гордъ и одинокъ —
Моя судьба во мнѣ. Ни скорбь, ни скука
Не утомятъ меня. Всему свой срокъ.
Я правды рѣчь велъ строго въ дружномъ кругѣ —
Ушли друзья въ младенческомъ испугѣ.

И онъ ушелъ — котораго какъ брата
Иль какъ сестру такъ нѣжно я любилъ!
Мнѣ тяжела, какъ смерть, его утрата;
Онъ духомъ чистъ и благороденъ былъ,
Имѣлъ онъ сердце нѣжное, какъ ласка,
И дружба съ нимъ мнѣ памятна, какъ сказка.

Ты мнѣ одинъ остался неизмѣнный,
Я жду тебя. Мы въ жизнь вошли вдвоемъ;
Таковъ остался нашъ союзъ надменный!
Опять одни мы въ грустный путь пойдемъ,
Объ истинѣ глася неутомимо,
И пусть мечты и люди идутъ мимо.

Упованіе.

Годъ 1848.

Anno cholerae morbus.

Всѣ говорятъ, что нынѣ страшно жить,
Что воздухъ зараженъ и смертью вѣетъ;
На улицу боятся выходить,
Кто встрѣтитъ гробъ — трепещетъ и блѣднѣетъ.
Я не боюсь. Я не умру. Я дней
Такъ не отдамъ. Всей жизнью человѣка
Еще дышу я, всею мыслью вѣка
Я жизненно проникнутъ до ногтей,
И впереди довольно много дѣла,
Чтобъ мысль о смерти силы не имѣла.

Что́ мнѣ чума? — Я слышу чуткимъ слухомъ
Со всѣхъ сторонъ знакомыя слова:
Вблизи, вдали—однимъ все полно духомъ,—
Всѣ воли ищутъ! Тихо голова
Приподнялась; проходитъ сонъ упрямый
И человѣкъ на вещи смотритъ прямо.

Встревоженъ онъ. На немъ такъ много лѣтъ
Рука преданья дряхлаго лежала,
Что страшно страшенъ новый свѣтъ сначала.
Но свыкнись, узникъ! Изъ тюрьмы на свѣтъ
Когда выходятъ — взору трудно, больно;
А послѣ станетъ ясно и раздольно.

О! изъ глуши моихъ родныхъ степей
Я слышу васъ, далекіе народы, —
И что-то бьется тутъ, въ груди моей,
На каждый звукъ торжественный свободы.
Мнѣ съ юга моря синяя волна
Лелѣетъ слухъ внезапнымъ колыханьемъ...
Роскошныхъ сновъ лѣнивая страна —
И ты полна вновь юнымъ ожиданьемъ!
Еще унылъ ave Maria гласъ
И дремлетъ вкругъ семи холмовъ поляна,
Но втайнѣ Цезарю въ послѣдній разъ
Готовится проклятье Ватикана.
Что жъ? Начинай! Ужъ гордый Рейнъ возсталъ,
Отъ долгихъ грезъ очнулся тихъ, но страшенъ,
Упрямо воли жаждущій вассалъ
Грозитъ остаткамъ феодальныхъ башенъ.
На западѣ какимъ-то новымъ днемъ
Изъ хаоса корыстей величаво,
Какъ разумъ свѣтлое, восходитъ право,
И нѣтъ заставъ, земля всѣмъ общій домъ.
Какъ волхвъ хочу съ востока въ путь суровый
Идти и я, дабы вѣщать о томъ,
Что видѣлъ я, какъ міръ родился новый!

И ты, о Русь! моя страна родная,
Которую люблю за то, что тутъ
Зналъ сердцу свѣтлыхъ нѣсколько минутъ,
Еще за то, что, вмѣстѣ изнывая,
Съ тобою я и плакалъ, и страдалъ,
И цѣпью насъ одною рокъ связалъ,—
И ты . . . . . .
. . . . . .
Что скажешь міру ты? Какой призывъ?
Не знаю я! Но всѣ твои страданья
И весь твой трудъ готовъ дѣлить съ тобой,
И вѣрю, что пробьюсь, какъ нашъ народъ родной,
Въ терпѣніи и съ твердостію многой
На новый свѣтъ невѣдомой дорогой!

Портреты.

Печально я смотрю на дружніе портреты —
Черты знакомыя и полныя тоски!
Такіе ль были мы, друзья, въ былыя лѣта,
Когда, еще унынья далеки,
Мы бодро вѣрили въ надеждѣ благородной,
Что близокъ новый міръ, широкій и свободный?
И вотъ теперь разсѣялися мы...
Иные въ гробъ сошли, окончивъ подвигъ трудный
Жить въ этомъ мірѣ хаоса и тьмы.
Мы проводили ихъ. Въ пустынѣ многолюдной
Не многіе остались въ живыхъ:
Они должны свершить остатокъ дней своихъ,
Томясь въ трудѣ безвѣстномъ и безплодномъ,
Въ уединеніи безцвѣтномъ и холодномъ.

Die Geschichte.

За днями идутъ дни, идетъ за годомъ годъ —
Съ вопросомъ на устахъ, въ сомнѣніи печальномъ
Слѣжу я робко ихъ однообразный ходъ.
И будто гдѣ-то я затерянъ въ морѣ дальнемъ —
Все тотъ же гулъ, все тотъ же плескъ валовъ
Безъ смысла, безъ конца, не видно береговъ;
Иль будто грежу я во снѣ безъ пробужденья,
И длинный рядъ бѣсовъ мятется предо мной:
Фигуры дикія, тяжелаго томленья
И злобы полныя, враждуя межъ собой,
Въ безвыходной и безконечной схваткѣ
Волнуются, кричатъ и гибнутъ въ безпорядкѣ.
И такъ за годомъ годъ идетъ, за вѣкомъ вѣкъ,
И дышитъ произволъ, и гибнетъ человѣкъ.

Арестантъ.

Ночь темна. Лови минуты!
Но стѣна тюрьмы крѣпка,
У воротъ ея замкнуты
Два желѣзные замка.
Чуть дрожитъ вдоль корридора
Огонекъ сторожевой
И звенитъ о шпору шпорой,
Жить скучая, часовой.

* * *

«Часовой!»—«Что, баринъ, надо?»
«Притворись, что ты заснулъ:
Мимо бъ я, да за ограду
Тѣнью быстрою мелькнулъ!
Край родной повидѣть нужно,
Да жену поцѣловать,
И пойду подъ шелестъ дружный
Въ лѣсъ зеленый умирать!...»

* *
*

«Радъ помочь! Куда ни шло бы!
Божья тварь чай тожъ и я!
Пуля, баринъ, ничего бы,
Да боюся батожья!
Посѣдѣлъ подъ шумъ военный...
А сквозь полкъ какъ проведутъ,
Только комъ окровавленный
На телѣжкѣ увезутъ!»

* *
*

Шопотъ смолкъ... Все тихо снова...
Гдѣ-то Богъ подастъ пріютъ?
То ль схоронятъ здѣсь живого?
То ль на каторгу ушлютъ?
Будетъ вѣчно цѣпь надѣта,
Да начальство станетъ бить...
Ни ножа! ни пистолета!...
И конца нѣтъ сколько жить!

Къ Н...

На нашъ союзъ святой и вольный —
Я знаю — съ злобою тупой
Взираетъ свѣтъ самодовольный,
Бродя обычной колеей.
Грозой намъ вѣетъ съ небосклона!
Уже не разъ терпѣла ты
И кару дряхлаго закона,
И кару пошлой клеветы.
Съ улыбкой грустнаго презрѣнья
Мы вступимъ въ долгую борьбу,
И твердо вытерпимъ гоненья,
И отстоимъ свою судьбу.
Еще не разъ весну мы встрѣтимъ
Подъ говоръ дружныхъ намъ лѣсовъ
И жадно въ жизни вновь отмѣтимъ
Счастливыхъ нѣсколько часовъ.
И день придетъ: морскія волны
Опять привѣтъ заплещутъ намъ,
И мы умчимся, волей полны,
Туда — къ свободнымъ берегамъ.

И — ру.

О! если бъ ты подумать только могъ,
Что̀ пробудилъ во мнѣ твой голосъ издалека,
Какъ вызвалъ тьму заглохнувшихъ тревогъ,
Какъ рану старую разбередилъ глубоко!
Въ испугѣ ты и съ воплемъ бы ко мнѣ
На шею кинулся, любя меня какъ прежде;
Но, свидясь вновь, мы въ скорбной тишинѣ
Уже не ввѣримся ребяческой надеждѣ.
Нѣтъ! проклятъ будетъ этотъ вѣкъ,
Гдѣ торжествуетъ все, что низко и лукаво,
И гдѣ себѣ хорошій человѣкъ
Страданья пріобрѣлъ убійственное право.
Но все жъ впередъ! Быть можетъ намъ дано
Прожить еще года въ безплодномъ этомъ спорѣ,
И — какъ святыня глупая — одно
Для насъ останется — безвыходное горе!

Aurora musae amica.

Зимой люблю я встать поутру рано,
Когда еще все тихо, какъ въ ночи;
Деревня спитъ, и снѣжная поляна
Морозомъ дышитъ; звѣздные лучи
Горятъ и гаснутъ въ ранней мглѣ тумана.
Одинъ, при дружномъ трепетѣ свѣчи,
Любимый трудъ уже свершать готовый —
Я бодръ и свѣжъ, и жажду мысли новой.

Передо мной знакомыя преданья,
Гдѣ собранъ опытъ трудный долгихъ лѣтъ
И разума пытливыя гаданья...
Спокойно шлю имъ утренній привѣтъ
И въ тишинѣ, исполненный вниманья,
Я слушаю, ловя летучій слѣдъ,
Біенье жизни отъ начала вѣка,
И новый міръ творю для человѣка.

Но гонитъ день туманы ночи сонной,
Проснулся гулъ — подобіе волнѣ,

Зоветъ звонокъ къ работѣ обыденной,
И все, что́ могъ создать я въ тишинѣ,
Развѣетъ дико день неугомонный...
И въ жизни вновь звучитъ уныло мнѣ
Одно и то же непрерывной цѣпью,
Какъ вѣтра шумъ надъ безконечной степью.

А ввечеру, всѣхъ дѣлъ окончивъ смѣту,
Засядемъ мы, мой другъ, предъ камелькомъ:
Намъ принесутъ печальную газету,
И грустно мы всѣ новости прочтемъ
И ничего по цѣлу бѣлу-свѣту
Отраднаго ни капли не найдемъ,
И молча мы пожмемъ другъ-другу руку,
Чтобъ выразить любовь, и скорбь, и скуку.

Старикъ, какъ прежде, въ часъ привычный
Сидѣлъ за книгою обычной,
Но не тревожила слегка
Страницъ безсильная рука;
Взоръ устремленъ былъ, но безъ цѣли;
Уста какъ бы шептать хотѣли,
Но мысль не находила словъ.
Старушка, глядя сквозь очковъ,
Въ оцѣпенѣньи отупѣломъ
Съ чулкомъ сидѣла у окна—
И не вязала. Въ домѣ цѣломъ
Была нѣмая тишина.

Межъ тѣмъ давно ли здѣсь, бывало,
Все свѣжей жизнію дышало,
И дѣвушка въ осьмнадцать лѣтъ
Вносила мирно въ домъ старинный
Даръ звонкихъ пѣсенъ, смѣхъ невинный
И милый, ласковый привѣтъ?
И что жъ? такъ просто, такъ ничтожно!
Морозъ дохнулъ неосторожно,

И вотъ горячка; ей во слѣдъ
Томящій жаръ, тяжелый бредъ,
Потомъ и кровь чуть бьется въ жилахъ,
Потомъ и грудь дышать не въ силахъ,
Потомъ и блескъ въ глазахъ потухъ,
И блѣдный трупъ и нѣмъ и глухъ.

И старики остались оба,
Какъ-будто тяжкой жизни нить
Пресѣчена, а ихъ сложить
Забыли въ мирный холодъ гроба.
И въ домѣ царствуетъ одна
Теперь нѣмая тишина;
И если есть хоть что живое,
Такъ развѣ солнце золотое,
Когда играетъ здѣсь и тамъ,
И на полу, и по стѣнамъ,
Да бродятъ мѣрно, какъ живыя,
По кругу стрѣлки часовыя...

Купанье.

Чьей легкой ножки при рѣкѣ
Слѣды остались на пескѣ?
Зачѣмъ раздвинутъ кусть прибрежный?
Чья шаловливая рука
Листки цвѣтовъ его слегка
Щипала въ рѣзвости мятежной?
Чу! спрячься — брызнула струя —
И стой, дыханье притая.
Смотри, какъ, воды разсѣкая,
Встаетъ головка молодая
Съ улыбкой дѣтской на устахъ
И нѣгой южною въ очахъ.
А солнце утреннее блещетъ
На черный лоскъ ея волосъ;
Плечо изъ водъ приподнялось
И грудь роскошная трепещетъ.
Вотъ косу бѣлою рукой
Она сжимаетъ надъ водой,
И влага — медленно стекая —

Звенитъ, по каплѣ упадая.
Вотъ повернулась и плыветъ —
Съ змѣиной ловкостію вьётся,
То прячется въ прохладу водъ,
То чуть касаясь ихъ несется.
Остановилась и, шутя,
Волною плещетъ, какъ дитя,
Потомъ задумалась и — видно,
Пора оставить ей потокъ —
Выходитъ робко на песокъ,
Какъ-будто ей кого-то стыдно.
Уже одну изъ рѣзвыхъ ногъ
Сжимаетъ узкій башмачекъ,
Уже и ткань рубашки бѣлой
Легла на трепетное тѣло...
Не подходи теперь ты къ ней —
Она дика и боязлива
И, серны вѣтреной быстрѣй,
Отъ насъ умчится торопливо.
Но знаю я, предъ кѣмъ она
Всегда покорна и смирна;
Я знаю, кто рукой небрежной
Ласкаетъ станъ красотки нѣжной,
Кому на грудь во тьмѣ ночей
Разсыпанъ шелкъ ея кудрей.

Кавказскому офицеру.

Огни, и музыка, и балъ!
Красавицъ рой, кружась, сіялъ.
Среди толпы, кавказскій воинъ,
Ты мнѣ казался одинокъ!
Твой взглядъ былъ грустенъ и глубокъ,
Отъ тайнаго движенья неспокоенъ.

Тупой ли долгъ, любви ль печаль
Тебя когда-то гнали вдаль?
Или безвыходное горе?
Иль жажда молодой мечты—
Увидѣть горные хребты
И посмотрѣть на югъ и сине-море?

И, возвратясь изъ тѣхъ сторонъ,
Ты, можетъ, мыслью удрученъ,
Что—рабъ безумія и вѣка—
Ты на войнѣ былъ палачемъ,

И стало жаль тебѣ потомъ,
Что ни съ чего зарѣзалъ человѣка?

А впрочемъ, можетъ быть, что ты —
Питомецъ праздной пустоты —
Сидѣлъ усталый и бездушный,
А я сочувствіе къ тебѣ
Смѣшно натягивалъ въ себѣ —
По-прежнему мечтатель простодушный.

Сплинъ.

(Посвящено Н....)

Да! къ осени сворачиваетъ лѣто!
Ужъ ночью былъ серебряный морозъ,
И воздухъ свѣжъ, и — грустная примѣта —
Желтѣетъ листъ сквозь зелени березъ,
Какъ волосокъ сѣдой сквозь локонъ темный
Красавицы кокетливой и томной;
Уже и вѣтръ брюзгливый и сырой
Колеблетъ лѣсъ и свищетъ день-деньской,
И облаковъ отрядъ сгоняетъ сѣрый;
И вечера становятся безъ мѣры.

Уже пришла печальная пора:
Туманами окрестности покрыты,
И мелкій дождь съ утра и до утра
Сырою пылью сыплетъ, какъ сквозь ситы;
Чернѣясь, грязь по улицамъ видна,
День холоденъ, глухая ночь темна.—
Затопимъ мы каминъ. Средь позднихъ бдѣній
Люблю, когда причудливыя тѣни

Враждебнымъ мракомъ дышатъ по угламъ,
А красный блескъ трепещетъ по стѣнамъ.

Но въ этотъ часъ я не люблю бесѣды
И многихъ лицъ шумливый разговоръ:
Меня томитъ, какъ длинные обѣды,
Хоть умный, но всегда безплодный споръ.
Иное дѣло — заниматься дѣломъ,
Или хотѣть, въ тщеславьи законснѣломъ,
Сомнительной ученостью блеснуть
И времени теченье обмануть,
Праздноглагольствуя литературно
О томъ, что въ мірѣ хорошо иль дурно.

У стариковъ есть дѣтская черта —
Разсказывать отлично анекдоты,
Гдѣ на концѣ всегда есть острота;
Но этотъ родъ погибъ среди зѣвоты.
Что жъ дѣлать, другъ, намъ въ эти вечера?
Болтать о томъ, что дѣлалось вчера?
Нашъ statu quo такъ глупъ, что лучше мимо.
Ужъ не заняться ль намъ дѣлами Крыма?
Но вѣдь ни вы, ни я не офицеръ —
Изгнать враговъ не сыщемъ новыхъ мѣръ.

Не вдаться ль въ жаръ сердечныхъ изліяній?
Но вѣдь оно покажется смѣшно:
Къ лицу ли намъ исканіе страданій
И радостей, замолкнувшихъ давно...
Не вынуть ли бутылку изъ подвала?

Не принести ль два розовыхъ бокала?
За здравье что ль, не то за упокой
Намъ чокнуться?... А лучше намъ, другъ мой,
Безмолвствовать и думать. Грустно это,
Но, кажется, прилично въ наши лѣта.

И вѣтръ и дождь всю ночь въ окно стучатъ,
Колеблются таинственныя тѣни,
Дрова, горя, блѣднѣютъ и трещатъ,
И вновь встаетъ забытый рядъ видѣній.
Вотъ дѣтство глупое—какъ и всегда
Бываютъ глупы дѣтскіе года,
Но многое въ нихъ мирно улыбалось
И сохранить иное бы желалось...
Вотъ юность — вотъ играетъ кровь,
И сердце жжетъ ненужная любовь.

А тамъ идутъ подъ-рядъ все гробъ за гробомъ:
Вотъ мретъ старикъ, сердяся и крехтя,
Вотъ другъ погибъ съ чахоточнымъ ознобомъ,
Въ волнахъ морскихъ умолкнуло дитя,
И милое и свѣтлое созданье
Туда жъ пошло на вѣчное молчанье!
Но вы, мой другъ, ни слова ни о чемъ;
Вы знаете — вѣдь лучше намъ вдвоемъ
Безмолвствовать и думать. Грустно это,
Но, кажется, прилично въ наши лѣта.

Опять знакомый домъ, опять знакомый залъ
И счастья дѣтскія воспоминанья!
Я отвыкалъ отъ нихъ... и снова грустно радъ
Подслушивать неясный звукъ преданья.
Люблю ли я людей, которыхъ больше нѣтъ,
Чья жизнь истлѣла здѣсь въ тиши досужной?
Но въ памяти моей давно остылъ ихъ слѣдъ,
Какъ слѣдъ любви случайной и ненужной.
А все же здѣсь меня преслѣдуетъ тоска —
Припадокъ безыменнаго недуга,
Все будто предо мной могильная доска
Какого-то отвергнутаго друга...

Бѣгство.

«Ступай,—сказалъ онъ,—подъ вѣнецъ!»
А я: — Не принуждай, отецъ!
Мнѣ рано замужъ; дай подолѣй
Потѣшиться дѣвичьей волей!—
Отецъ сдержалъ привычный гнѣвъ
И, злобы дрожь преодолѣвъ,
Сказалъ, что я сама не знаю,
Какъ глупо счастіе теряю.
Я все свое; но наконецъ
Личину сбросилъ мой отецъ
И закричалъ, что вовсе мнѣнья
Онъ моего не хочетъ знать,
Что долгъ мой есть повиновенье,
Что онъ привыкъ повелѣвать.
Я въ страхѣ на колѣни стала,
И плакала, и умоляла,
Чтобы меня онъ пощадилъ,
Ужъ лучше бъ въ монастырь пустилъ.

Онъ топнулъ... А ему я снова:
Отецъ! вѣдь я люблю другого!
А онъ меня ударилъ... Какъ,
Что послѣ — помню какъ сквозь мракъ.
Вскочивъ, отца не видя болѣ,
Тайкомъ ушла я садомъ въ поле,
Забыла холодъ, голодъ, трудъ —
Ушла искать себѣ пріютъ...

Проклясть бы могъ свою судьбу,
Кто весь свой вѣкъ, какъ жалкій нищій,
Велъ безконечную борьбу
Изъ-за куска вседневной пищи;
Кто въ ветхомъ рубищѣ встрѣчалъ
Зимы суровые морозы;
Кто въ отупѣньи забывалъ
Пролить надъ милымъ прахомъ слезы,
Не слушалъ томно при лунѣ
Ни шумъ ручья, ни звукъ свирѣли,
А ждалъ въ печальной тишинѣ
Пустого дня подъ свистъ мятели;
Кто ликованій и пировъ
Не зналъ на жизненномъ просторѣ,
Не вѣдалъ сладкой грусти сновъ,
А зналъ одно сухое горе.
Но много сноситъ человѣкъ
Средь жажды жить неутолимой,
И какъ бы жалокъ ни былъ вѣкъ —
Страшитъ конецъ неотразимый.

Первая любовь.

Въ вечернемъ сумракѣ долина
Синѣла тихо за ручьемъ,
И запахъ розы и жасмина
Благоухалъ въ саду твоемъ;
Въ кустахъ прибережныхъ влюбленно
Перекликались соловьи.
Я близъ тебя стоялъ смущенный,
Томимый трепетомъ любви.
Уста отъ полноты дыханья
Остались нѣмы и робки,
А сердце жаждало признанья,
Рука — пожатія руки.

Пусть этотъ сонъ мнѣ жизнь смѣнила
Тревогой шумной пестроты;
Но память вѣрно сохранила
И образъ тихій красоты,
И садъ, и вечеръ, и свиданье,
И нѣгу смутную въ крови,
И сердца жаръ и замиранье —
Всю эту музыку любви.

Старикъ.

Еще я бодръ! Еще, тоскуя,
Желанье разжигаетъ кровь,
Еще я жажду поцѣлуя,
Еще я грежу про любовь!

Но дѣвы отъ моихъ нападокъ
Бѣгутъ, исполнены стыда,
И старый видъ мой сталъ имъ гадокъ,
Страшна сѣдая борода.

Подчасъ ищу попасться въ сѣти
Иной красавицы лихой,
Но вижу — юноши и дѣти
Тишкомъ смѣются надо мной;

И опустивъ безмолвно руки,
Воспоминаніемъ томимъ,

Средь тайной злобы или скуки
Я мыслю, тихъ и нелюдимъ:

«Постой, красавица! увянешь
И посѣдѣешь наконецъ,
И если страстнымъ взоромъ взглянешь —
Отвѣтитъ смѣхомъ молодецъ».

Кокеткѣ.

Зачѣмъ томишь ты друга моего?
Дитя! его ты ни за что погубишь!
Прошу тебя: ты пощади его!
Рѣшись сказать: ты любишь иль не любишь?
Ты знаешь ли? онъ сердцемъ простъ и смѣлъ,
И умъ его широкъ и благороденъ,
Но страсти ядъ имъ страшно овладѣлъ
И вѣкъ его печаленъ и безплоденъ.
Еще вчера — когда передъ тобой
Стоялъ, красуясь, юноша другой
И, на тебя глядя орлинымъ взоромъ,
Смѣшилъ тебя безпечнымъ разговоромъ, —
Въ углу сидѣлъ онъ мраченъ и угрюмъ,
Убитый горечью ревнивыхъ думъ,
Желая и не слышать и не видѣть,
И все жъ любилъ, стараясь ненавидѣть...
Ты поняла ль, безумное дитя,
Какъ ты его замучила шутя?

Ты помнишь ли, какъ онъ на пышномъ балѣ
Бродилъ въ толпѣ, не видя никого,
И трепетно тебя искалъ по залѣ,
А ты, рѣзвясь, скрывалась отъ него?
Какъ онъ тогда былъ блѣденъ и разстроенъ!
А ликъ твой былъ сіяющъ и спокоенъ!
Ты знаешь ли? когда ты на него
Привѣтно взоръ уронишь одобренья,
Иль за руку, какъ другъ, возьмешь его,
Иль съ лаской бросишь слово безъ значенья —
Онъ цѣлый день проходитъ какъ въ чаду,
И радъ, и веселъ, какъ ребенокъ малый,
И ночью ждетъ, отъ счастія усталый,
Твоей любви въ обманчивомъ бреду.
Ужель тебѣ его не жаль нисколько?
Неужто шутишь ты, дитя, — и только?
Но тщетно! Ты не слушаешь меня
И, тихо къ ручкѣ бѣленькой и гибкой
Задумчиво головку наклоня,
Ты блещешь вся тщеславною улыбкой.

Барышня.

Въ деревнѣ барышня стыдливо,
Какъ ландышъ майскій, расцвѣла,
Свѣжа, застѣнчива, красива,
Душой младенчески мила.
Она за чтеніемъ романа
Чего-то въ будущемъ ждала,
Играла вальсъ на фортепьяно
И даже съ чувствомъ пѣть могла.
Привычки жизни, барству сродной,
Невольно какъ-то отклонивъ,
Она имѣла благородный,
Хоть безсознательный порывъ,
И плакала, когда, бывало,
На слугъ сердясь, шипѣла мать,
И иногда отцу мѣшала
Сурово власть употреблять;
Любила лѣтомъ водъ паденье
И сада трепетную тѣнь,
Катанья зимняго движенье

И вечеровъ тоску и лѣнь.
И гдѣ она? и что съ ней сталось?
Въ ней сохранился ль сердца жаръ?
Иль замужъ вышла какъ попалось?
Заѣзжій ли плѣнилъ гусаръ,
Или чиновникъ вороватый —
Смиренно-гаденькій чудакъ?
Иль баринъ буйный и богатый —
Любитель водки и собакъ?
Иль, можетъ, по-сердцу героя
Въ степной глуши не находя,
Себя къ хозяйству не пристроя,
Свой міръ заоблачный щадя —
Она осталась дѣвой чинной
Все съ тѣмъ же вальсомъ и умомъ,
Съ душой младенчески невинной,
Но съ увядающимъ лицомъ;
И вѣчно входитъ въ умиленье
И романтическую лѣнь,
Встрѣчая лѣтомъ водъ паденье
И сада трепетную тѣнь?

На мосту.

Я на мосту стоялъ. Рѣка
Въ ночи, недвижно-широка,
Подъ ледянымъ своимъ покровомъ
Свѣтилась пологомъ свинцовымъ.
Далеко трепетнымъ огнемъ
Въ туманѣ фонари мерцали;
Высоко въ воздухѣ ночномъ
Дома угрюмые стояли,
И рѣдко въ тишинѣ звучалъ
По жесткимъ плитамъ шагъ пустынный,
Иль стукъ кареты дребезжалъ,
Спѣшащей путь покончить длинный.
Рождало чувство пустоты
Вопросъ — подобіе мечты,
И не могла мнѣ до разсвѣта
Пустая ночь подать отвѣта.

Къ Лидіи.

Когда ты, грустная, слезу стеревъ съ рѣсницы,
Задумчиво глядишь на прошлый путь,
Не видишь въ будущемъ ни проблеска зарницы,
И ищешь день убить бы какъ-нибудь:
Вѣдь я сочувствую тебѣ, и мнѣ обидно,
Что жить тебѣ такъ страшно тяжело,
А между тѣмъ, мой другъ, и самому мнѣ стыдно,
Насколько жить мнѣ вольно и свѣтло!
Печаленъ я теперь; но вдругъ шипучей влагой,
Иль улицы движеньемъ увлеченъ,
Я полонъ становлюсь разгульною отвагой
И въ эту жизнь младенчески влюбленъ.

Весною.

Брожу я по лѣсу тропою каменистой:
Трепещутъ и блестятъ въ вѣтвистой вышинѣ
Зеленые листы подъ влагою росистой,
И сосенъ молодыхъ духъ свѣжій и смолистый
Въ весеннемъ воздухѣ отрадно вѣетъ мнѣ;
Пчела жужжитъ, и ранній лучъ денницы
Встрѣчаютъ пѣснями ликующія птицы.

Схожу я къ берегу на мшистый край стремнины,
Смотрю—внизу рѣка клокочетъ и шумитъ,
За нею озимей спокойныя равнины
Съ ихъ юной зеленью... Все нѣжныя картины!
И столько счастливый, и столько ясный видъ,
Что, весело смотря на все живое,
Я чувствую въ себѣ раздолье молодое.

Ты сѣтуешь, что послѣ долгихъ лѣтъ
Ты встрѣтился съ своимъ старинымъ другомъ,
И общаго межъ вами вовсе нѣтъ...
Не мучь себя ребяческимъ недугомъ!
Люби прошедшее! Его очарованій
Не осуждай! Подъ старость грустныхъ дней
Придется жить на днѣ души своей
Весенней свѣжестью воспоминаній.

Не многимъ.

Я покидалъ васъ, но безъ слезъ —
Лѣта навѣяли мнѣ стужу,
И тайный взрывъ сердечныхъ грозъ
Уже не просится наружу.
А сердце ныло въ тишинѣ
Въ часъ разставанья, часъ печали,
И въ сокровенной глубинѣ
Нѣмыя скорби осѣдали.
Такъ подъ корою ледяной
Зимою скрытый — осторожно,
Никѣмъ не слышимъ — ключъ живой
Трепещетъ сжато и тревожно.

Будущность.

Я видѣлъ дѣвочку съ кудрями золотыми
И личкомъ бѣленькимъ, и глазками живыми;
Она, въ движеніяхъ безпечна и мила,
Вся дѣтской рѣзвостью проникнута была,
Дрожалъ по плечикамъ волнуясь локонъ зыбкой
И ротикъ маленькій былъ озаренъ улыбкой;
А гости не могли восторга превозмочь,
Твердя родителямъ, какъ хороша ихъ дочь.
Я на нее глядѣлъ, волнуемъ думой вѣщей,
Какъ нѣкогда въ толпѣ, предвидя день тревогъ,
На шумномъ праздникѣ стоялъ пророкъ зловѣщій
И побѣдить въ себѣ унынія не могъ.
Я думалъ, что дитя роскошно разовьется
Какъ роза пышная,—а изъ подземной тьмы
И страсть подкрадется, и горе принесется;
Умрутъ отецъ и мать, какъ всѣ умремъ и мы,
И дѣва робкая взойдетъ въ семью чужую,
И жизнь ея пройдетъ средь перемежныхъ ссоръ,—
Какъ въ длинномъ снѣ порой, сжимая грудь больную,
Съ какимъ-то призракомъ ведется глупый споръ;

Потомъ, отъ старости сердяся и хилѣя,
Умретъ она сама, о чемъ-то пожалѣя,
И только на стѣнѣ останется портретъ,
Написанный давно, когда-то, въ цвѣтѣ лѣтъ...
Быть можетъ, внукъ тупой на ликъ случайно взглянетъ
И имя бабушки разсѣянно помянетъ;
А тамъ пройдутъ еще безвѣстные года —
И имени ея не будетъ и въ поминѣ,
И въ мірѣ отъ нея не сыщется слѣда,
Какъ послѣ голоса, замолкшаго въ пустынѣ...

И—ру.

Die Rothweine regen die
Kreislaufsorgane stark auf.
(*Фармакологія Курта Шпренгеля.*

Въ унынии медленномъ недуга и лѣченья
Скучаетъ умъ, молчатъ уста,
И жду я съ жадностью минуты исцѣленья,
Конца тяжелаго поста.
Удастся ль помянуть намъ доблестное время
Упругихъ мышцъ и свѣжихъ силъ,
Когда безъ устали ночей безсонныхъ бремя
Нашъ бодрый возрастъ выносилъ?
До устъ, взлелѣянныхъ вакхической отвагой,
Коснется ль снова, жаръ тая,
И мягкимъ запахомъ, и бархатною влагой
Вина пурпурная струя?
Садись! Достану я изъ-подъ сѣдого слоя
Бутылку мшистую мою
И, на бокъ наклоня, съ падучаго отстоя

Въ стаканы бережно солью.
Но годы ужъ не тѣ! И кровь напиткомъ жгучимъ
Безплодно въ жилахъ разогрѣвъ,
Уже мы не пойдемъ въ волненіи могучемъ
На праздникъ сладострастныхъ дѣвъ.
Ни плечи бѣлыя, ни косы развитыя,
Ни взоръ полу-приподнятой
Уже не пробудятъ въ насъ страсти прожитыя
И тѣла трепетъ молодой.
Отъ фавна стараго таятся робко дѣвы
Въ зелено-свѣжей мглѣ дубровъ
И внемлютъ юношей влюбленные напѣвы
Сквозь шумъ колеблемыхъ листовъ.

Боюсь, не вызвать бы средь нашихъ возліяній,
Перебирая жизни даль,
И горечь ѣдкую иныхъ воспоминаній,
И современную печаль!
Не вспомнить бы людей враждующія лица,
Ихъ злобы грубыя черты,
И ихъ любовь, дряблѣй изношенной тряпицы, —
Прикрытье жалкой клеветы;
Не встрѣтить бы въ вѣкахъ насилій и стяжанья
Неисцѣлимую болѣзнь,
Не вспомнить бы утратъ могильныя преданья
И счастья смолкнувшую пѣснь.
Скорѣй—давай шутить! Пусть шутки даръ нескромный
Дастъ волю блесткамъ острыхъ словъ,
Ярко-мелькающихъ—какъ искры ночью темной

Надъ пепломъ тлѣющихъ костровъ.
Да! шутка насъ спасетъ. Ее мы за послугу
Сравнимъ съ красавицей больной,
Въ предсмертный часъ еще дарящей другу
Привѣтъ улыбки молодой.

Сушь и дождь.

I.

Нѣтъ ни тучки, солнце пышетъ,
Ярко блещетъ синева,
Воздухъ душный знойно дышитъ,
Блекнетъ бѣдная трава;
Нива рано пожелтѣла,
Сохнетъ колосъ, цвѣтъ убитъ;
Наша рѣчка обмелѣла,
Наша мельница молчитъ.
Роща листья опустила,
Птицѣ дышится съ трудомъ,
Стадо тощее уныло
Дремлетъ въ снѣ полуживомъ.
Людямъ жутко въ эту пору:
Будетъ голодъ, жизнь тяжка;
По блестящему простору
Всюду мертвая тоска.

2.

Сіяло звѣздное мерцанье,
А вѣтра влажнаго дыханье
Изъ-за морей, издалека,
Сгоняло въ тучу облака.
И туча тихо подступала,
И звѣзды мракомъ застилала:
Сверкнула молнія, и громъ
Пронесся въ трепетѣ глухомъ.
И ближе грозное движенье,
И, видя тучи приближенье,
Все наше бѣдное село
Въ отрадномъ ужасѣ ждало.
Пришла и небо обложила,
И дождь обильный пролила,
И землю влагой напоила,
И въ путь торжественно ушла.

3.

Воздухъ мягокъ, утро блещетъ
И прозрачна синева,
Въ капляхъ радужныхъ трепещетъ
Окропленная трава.
Снова рѣчка зашумѣла,
Въ рощѣ свѣжесть, листъ пахучъ,
Птица весело запѣла,
Стадо за ночь поюнѣло,
Вышло встрѣтить ранній лучъ...

Но пропала наша нива,
Наша мельница пуста;
Не сойдетъ миролюбиво
Къ намъ улыбка на уста.
Слѣдъ тяжелый жизни скудной
Ляжетъ усталью на насъ...
Хоть дѣтей бы рокъ нашъ трудный
Миновалъ, не повторясь,
Чтобъ у нихъ былъ плодотворенъ
Вешній дождь и лѣтній зной,
Нивы колосъ многозеренъ,
Днемъ веселымъ трудъ проворенъ,
Миренъ сонъ въ тиши ночной!

Мертвому другу.

То было осенью унылой...
Средь урнъ надгробныхъ и камней
Свѣжа была твоя могила
Недавней насыпью своей.
Дары любви, дары печали —
Рукой твоихъ учениковъ
На ней разсыпаны, лежали
Вѣнки изъ листьевъ и цвѣтовъ.
Надъ ней, суровымъ днямъ послушна,—
Кладбища сторожъ вѣковой, —
Сосна качала равнодушно
Зелено-грустною главой,
И рѣчка, берегъ омывая,
Волной безслѣдною вблизи
Лилась, лилась, не отдыхая,
Вдоль нескончаемой стези.

Твоею дружбой не согрѣта,
Вдали шла долго жизнь моя,

И словъ послѣдняго привѣта
Изъ устъ твоихъ не слышалъ я.
Размолвкой нашей недовольный,
Ты, можетъ, глубоко скорбѣлъ;
Обиды горькой, но невольной
Тебѣ простить я не успѣлъ.
Никто изъ насъ не могъ быть злобенъ,
Никто, тая строптивый нравъ,
Былъ повиниться неспособенъ,
Но каждый думалъ, что онъ правъ.
И ѣхалъ я на примиренье,
Я жаждалъ искренно сказать
Тебѣ сердечное прощенье
И отъ тебя его принять...
Но было поздно!...
Въ день унылый,
Въ глухую осень, одинокъ,
Стоялъ я у твоей могилы
И все опомниться не могъ.
Я, стало, не увижу друга?
Твой взоръ потухъ, и навсегда?
Твой голосъ смолкъ среди недуга?
Меня отнынѣ никогда
Ты въ часъ свиданья не обнимешь?
Не молвишь въ проводъ ничего?
Ты сердцемъ любящимъ не примешь
Признаній сердца моего?
Все кончено, все невозвратно,
Какъ правды ужасъ ни таи!

Шептали что-то непонятно
Уста холодныя мои;
И дрожь по тѣлу пробѣгала,
Мнѣ кто-то говорилъ укоръ,
Къ груди рыданье подступало,
Мѣшался умъ, мутился взоръ,
И кровь по жиламъ стыла, стыла...
Скорѣй на воздухъ! дайте свѣтъ!
О! это страшно, страшно было,
Какъ сонъ гнетущій или бредъ...

Я пережилъ—и вновь блуждаетъ
Жизнь между дѣла и утѣхъ,
Но въ сердцѣ скорбь не заживаетъ
И слезы чуятся сквозь смѣхъ.
Въ наслѣдье мнѣ дала утрата
Портретъ съ умершаго чела;
Гляжу — и будто образъ брата
У сердца смерть не отняла;
И вдругъ мечта на умъ приходитъ,
Что это только мирный сонъ,
Онъ это спитъ, улыбка бродитъ,
И завтра вновь проснется онъ;
Раздастся голосъ благородный,
И юношамъ въ завѣтный даръ
Онъ принесетъ и умъ свободный,
И мысли свѣтъ, и сердца жаръ...
Но снова въ памяти унылой
Рядъ урнъ надгробныхъ и камней

И насыпь свѣжая могилы
Въ цвѣтахъ и листьяхъ, и надъ ней,
Дыханью осени послушна, —
Кладбища сторожъ вѣковой —
Сосна качаетъ равнодушно
Зелено-грустною главой,
И волны, берегъ омывая,
Бѣгутъ, спѣшатъ, не отдыхая.

Отступницѣ.

(Посвящено гр. Р.....й.)

Теперь идетъ существованье
Съ однообразіемъ волны...
Но мигъ случайный, намеканье —
И будитъ вновь воспоминанье
Давно утраченные сны.
Такъ звукъ внезапный воскрешаетъ
Всю пѣснь забытую — и вотъ
Знакомый голосъ оживаетъ,
Знакомый образъ возстаетъ;
Изъ-за тумановъ ночи мрачной
Восходитъ жизнь прошедшихъ лѣтъ,
Облечена въ полупрозрачный,
Полузадумчивый разсвѣтъ.
Все это только родъ вступленья,
Чтобы сказать, что какъ-то разъ,
Тревожа тѣни изъ забвенья,
Случайно вспомнилъ я о васъ.
Воскресло въ памяти унылой
То время свѣтлое, когда
Вы жили барышнею милой
Въ Москвѣ, у Чистаго пруда.
Мы были въ той порѣ счастливой,

Гдѣ юность началась едва,
И жизнь нова, и сердце живо,
И вѣра въ будущность жива.
Дворомъ широкимъ проѣзжая,
Къ крыльцу невольно торопясь,
Скакалъ, бывало, я, мечтая —
Увижу ль васъ, увижу ль васъ!
Я помню... (годы миновали!)...
Вы были чудно хороши;
Черты лица у васъ дышали
Всей юной прелестью души.
Въ тѣ дни, когда неугомонно
Искало сердце жаркихъ словъ,
Вы мнѣ вручили благосклонно
Тетрадь завѣтную стиховъ.
Не помню — слогъ стихотвореній
Хорошъ ли, не хорошъ ли былъ,
Но ихъ свободы гордый геній
Своимъ наитьемъ освятилъ.
. . . . . .
Листы тетради той завѣтной
Я перечитывалъ не разъ,
И снился мнѣ вашъ ликъ привѣтный,
И блескъ, и живость черныхъ глазъ.
Промчалась, полная невзгоды,
Отъ васъ далеко жизнь моя;
Вашъ милый образъ въ эти годы
Какъ бы въ туманѣ помнилъ я.
И какъ-то случай свелъ насъ снова

Въ порѣ печальной зрѣлыхъ лѣтъ...
Уже хотѣлъ я молвить слово,
Сказать вамъ дружескій привѣтъ;
Но вы какому-то французу
Свободу поносили вслухъ
И русскую хвалили музу
За подлый складъ, за рабскій духъ . . . .
Меня тогда вы не узнали,
И я былъ радъ: я увидалъ,
Какъ низко вы душою пали,
И васъ глубоко презиралъ.
Скажите — въ этотъ вечеръ скучный,
Когда вернулись вы домой,
Ужель могли вы равнодушно
На ложѣ сна найти покой?
Въ тиши угрюмой ночь глухая,
Тоску и ужасъ навѣвая,
Вамъ не шептала ли укоръ,
Что вы отступница святыни,
Что вы съ корыстію рабыни
Свой голосъ продали за вздоръ?
  Мнѣ жалко васъ. Съ иною дамой
Я расквитался бъ эпиграммой,
Но передъ вами смѣхъ молчитъ
И грозно рѣчь моя звучитъ:
Покайтесь грѣшными устами,
Покайтесь искренно, тепло,
Покайтесь съ горькими слезами,
Покуда время не ушло!

Просите доблестно прощенья
Въ измѣнѣ вѣтреной своей
У молодого поколѣнья,
У всѣхъ порядочныхъ людей.
Давно разстроенную лиру
Наладьте вновь на чистый строй;
Покайтесь, — вамъ, быть можетъ, міру
Сказать удастся стихъ иной, —
Не тотъ напыщенный, жеманный,
Гдѣ дышитъ холодъ, вѣетъ тьма,
Гдѣ все для сердца чужестранно
И нестерпимо для ума;
Но тотъ, который, слухъ лаская,
Звучалъ вамъ въ трепетной тиши
Въ тѣ дни, когда вы, расцвѣтая,
Такъ были чудно хороши.
Не бойтесь снять съ себя личину
И обвинить себя самихъ:
Христосъ Марію Магдалину
Поставилъ выше всѣхъ святыхъ!
И нѣтъ стыда просить прощенья,
И сердцу сладостно прощать...
И даже я на примиренье
Готовъ по правдѣ вамъ сказать —
И словъ моихъ тѣмъ не ослаблю:
Я бъ и Клейнмихелю простилъ,
Когда бъ онъ дѣвственную саблю
За безкорыстность обнажилъ.

У моря.

Дождь и холодъ! А ты все сидишь на скалѣ.
Посмотри на себя — ты босая!
Что на море глядишь? Въ этой пасмурной мглѣ
Не видать словно ночью, родная!
Шла домой бы, ей-Богу!

«О! я знаю, зачѣмъ я сижу на скалѣ!
Что за нужда, что сыро и скверно, —
А его различить я сумѣю во мглѣ,
Онъ сегодня вернется навѣрно.
Въ бурю ловля чудесна!

«Онъ когда уѣзжалъ, вѣтеръ страшно свисталъ,
Чайка сѣрая съ крикомъ летала;
Онъ мнѣ руку пожалъ и смѣяся сказалъ:
«Ты не бойся знакомаго шквала,
Въ бурю ловля чудесна!»

«Отвязалъ онъ и лодку, и парусъ поднялъ,
Чайка сѣрая съ крикомъ летала;
Издалека еще онъ платкомъ мнѣ махалъ,
Буря лодку свирѣпо качала...
Въ бурю ловля чудесна!

«Вѣтеръ парусъ его на клочки изорвалъ,
Чайка сѣрая съ крикомъ летала;
И поднялся такой нескончаемый валъ,
Что я лодку за нимъ не видала.
Въ бурю ловля чудесна!

«Я поутру, и днемъ, и въ полночь на скалѣ;
Что за нужда, что сыро и скверно,
А его различить я сумѣю во мглѣ,
Онъ сегодня вернется навѣрно.
Въ бурю ловля чудесна!»

Разлука.

Ночь была прозрачна:
Мирный блескъ луны,
Синей мглы мерцанье,
Кротость тишины...
Нашей старой ивы
Не качался листъ
И висѣлъ безмолвно —
Свѣжъ и серебристъ.
Думала я долго:
Живъ ли милый мой?
Что-то онъ не пишетъ
Съ стороны чужой!
Видно, все не время,
Много все заботъ...
А вотъ мнѣ до утра
Сонъ на умъ нейдетъ.
Утро проглянуло
Золотымъ лучемъ,

Мнѣ въ окно пахнуло
Раннимъ вѣтеркомъ.
Нашей старой ивы
Встрепенулся листъ
Шорохомъ дрожащимъ —
Зеленъ и росистъ.
Встала я съ постели...
Что-то милый мой?
Скоро ли напишетъ
Съ стороны чужой?

Осенью.

Какъ были хороши порой весенней нѣги
И свѣжесть мягкая зазеленѣвшихъ травъ,
И листьевъ молодыхъ душистые побѣги
По вѣтвямъ трепетнымъ проснувшихся дубравъ,
И дня роскошное и теплое сіянье,
И яркихъ красокъ нѣжное сліянье!

По сердцу ближе вы, осенніе отливы,
Когда усталый лѣсъ на почву сжатой нивы
Свѣваетъ съ шопотомъ пожелклые листы,
А солнце позднее съ пустынной высоты,
Унынья свѣтлаго исполнено, взираетъ...
Такъ память мирная безмолвно озаряетъ
И счастье прошлое, и прошлыя мечты.

Напутствіе.

Научите немудрыхъ.
Евангеліе.

Забудь унынія языкъ!
Хочу — помимо произвола
Чтобъ ты благоговѣть привыкъ
Передъ святынею глагола.

Мнѣ надо, чтобы съ устъ твоихъ,
Непраздныхъ и нелживыхъ,
Звучалъ потокъ рѣчей живыхъ,
Какъ разумъ ясныхъ и правдивыхъ.

Отбрось рабовъ обычныхъ школъ —
И книжника, и фарисея:
Предъ ними истины глаголъ
Проходитъ, власти не имѣя.

Учи того, кто не успѣлъ
Съ ума сойти въ ихъ жизни дикой,
Кто жаждетъ, искрененъ и смѣлъ,
Разсудка простоты великой.

Глаголъ — орудіе свободы,
Живая жизнь, которой дчесь
И вѣчно движутся народы...
Проникнись этой мыслью весь!

Готовъ ли?... Ну! теперь смотри—
Ступай по городамъ и селамъ
И о грядущемъ говори
Животрепещущимъ глаголомъ.

Весною.

Весною и зеленью пахнетъ въ саду,
Брожу я въ какомъ-то чаду...
Что дѣлать?... Я попросту лягу въ траву,
Я грезить хочу наяву,
Чтобъ было дышать хорошо и раздольно
И на сердцѣ ясно и вольно.

Но вотъ что бѣда — если вспомнишь, какъ жилъ,
Напрасно страдалъ и любилъ,
Да вздумаешь нехотя, такъ, невзначай,
Отбросивъ мечтаемый рай,
Что родъ человѣческій, дикъ и безплоденъ,
Не будетъ, не будетъ свободенъ; —
Такъ лучше бъ ужъ въ этой травѣ задремать,
Да такъ, чтобъ потомъ не вставать.

Я помню—въ тиши ясно-лунныхъ ночей
Съ утеса катился ручей,
Серебряной нитью, чиста, холодна,
Сверкала, сверкала волна,
Серебряной нитью, чиста, холодна,
Шумѣла, шумѣла она.
И видя паденія трепетный блескъ
И слушая трепетный плескъ,
На сердце безвыходно, странно-тяжка,
Ложилась нѣмая тоска.

Внизу отъ утеса, широко-ровна,
Шла степь—и по ней тишина,
И сколько бы гулъ отъ ручья ни звучалъ,
Но въ этой дали пропадалъ.
И глядя сквозь мглу и мерцанье окрестъ
Въ пустынную тишь этихъ мѣстъ,
И глядя все выше и выше отъ нихъ
Въ пустыню небесъ голубыхъ,—
На сердце безвыходно, странно-тяжка,
Ложилась нѣмая тоска.

Лѣтомъ.

Мой другъ, не вижу я средь англійскихъ полей
Станицы сторожкой высокихъ журавлей,
И посвистомъ тройнымъ въ травѣ, всегда скошенной,
Не свищетъ перепелъ, отрадно затаенный,
Не стонетъ коростель въ вечерней тишинѣ;
Одинъ — космополитъ — трепещетъ въ вышинѣ,
Какъ точка малая, веселый жаворонокъ,
И здѣсь его напѣвъ все такъ же чистъ и звонокъ;
Да воробей еще — другой космополитъ —
По кровлямъ и въ садахъ и скачетъ, и пищитъ.
На Темзѣ не видать, чтобъ дикихъ утокъ стая
Садилась на воду, кругами налетая;
Ручные лебеди надъ грязью тусклыхъ водъ
Одни бѣлѣются, минуя пароходъ.
Сурово осудилъ невинныя созданья
Жестокій человѣкъ на дальнія изгнанья,
Пугая злобно ихъ и силой, и враждой,
И смертью дикою — зане онъ царь земной.
Зато промышленность развита у народа,
И рабство тайное, и для иныхъ свобода;
Все это хорошо, я скоро въ прозѣ самъ
Развитію хвалу торжественно воздамъ.

Но сердцемъ я дикарь! Мнѣ хочется на лоно
Раздольной роскоши моихъ родныхъ степей,
Гдѣ взору нѣтъ конца до края небосклона,
Гдѣ дремлетъ въ знойный день станица журавлей,—
Одинъ на сторожѣ стоитъ, поднявши ногу,
И въ мигъ опасности готовъ поднять тревогу;
Гдѣ слышенъ дергача протяжный, грустный стонъ,
Когда уходитъ день за дальній небосклонъ;
Гдѣ перепелъ свиститъ, таясь въ зеленомъ морѣ
Некошенной травы; гдѣ жить имъ на просторѣ
Привольно и легко, при ясномъ, тепломъ днѣ,
Въ благоухающей, безбрежной сторонѣ.
Иль нашъ дремучій лѣсъ, и шумъ и колыханье,
И въ чащѣ пѣнье птицъ, и пчелъ и мухъ жужжанье...
И вновь мнѣ хочется, чтобъ мирно, безъ тревогъ,
Въ тѣнистой зелени я заплутаться могъ,
Дождаться вечера... Закатъ въ мерцаньи дальнемъ
По листьямъ золотымъ блеститъ лучемъ прощальнымъ,
За птицей птица вслѣдъ смолкаетъ въ тишинѣ,
И лѣсъ таинственный почіетъ въ свѣжемъ снѣ;
Одни кузнечики, по вѣтреной привычкѣ,
Трепещутъ у корней въ болтливой перекличкѣ,
Да гдѣ-то явственнѣй становится слышна
Ручья журчащаго безсонная волна.
И жду я мѣсяца... Онъ всталъ надъ лѣсомъ мглистымъ,
Прокрался сквозь вершинъ отливомъ серебристымъ —
И призрачно встаютъ, какъ бы изъ міра грезъ,
Всѣ бѣлые, стволы развѣсистыхъ березъ,
Задумчиво въ тиши понурились вѣтвями

И робко шепчутся пахучими листами...
Но мѣсяцъ клонится, свѣтлѣй лѣсная мгла,
Проснулась иволга, жужжа летитъ пчела,
И вновь, разбуженный алѣющей зарею,
Заколебался лѣсъ подъ влажною росою.

«Дитятко! милость Господня съ тобою!
Что ты не спишь до полночи глухой?
Дай я тебя хоть шубенкой прикрою,
Весь ты дрожишь, а горячій какой...»
«Мама! гляди-ка — отецъ-то, ей Богу,
Съ розгой стоитъ и стучится въ окно...»
«Полно! отецъ твой уѣхалъ въ дорогу,
Полно! отецъ твой насъ бросилъ давно».
«Мама! а видишь — вонъ черная кошка
Злыми глазами косится на насъ...»
«Полно же ты, моя милая крошка,
Кошка издохла — вотъ мѣсяцъ какъ-разъ».
«Мама! а видишь — вонъ бабушка злая
Пальцемъ грозитъ на тебя изъ угла...»
«Полно же — съ нами будь сила святая!
Бабушка съ годъ ужъ у насъ умерла».
«Мама! гляди-ка — все свѣчи, да свѣчи,
Такъ вотъ въ глазахъ и блеститъ, и блеститъ...»

«Полно, родимый, какія тутъ свѣчи,
Сальный огарокъ послѣдній горитъ».
«Мама!... темнѣетъ!... мнѣ душно, мнѣ душно!...
Мама!» — «Тс!... спитъ. А огарокъ погасъ.
До свѣту долго, и страшно, и скучно!...
Крестная сила, помилуй ты насъ!»

Къ ***

Когда въ цѣпи каретъ, готовыхъ для движенья,
Нашли вы мѣсто наконецъ,
И пріютились какъ мудрецъ,
Межъ дѣвственныхъ старухъ избѣгнувъ искушенья,
И взвизгнулъ роковой свистокъ
И въ дальній путь васъ паръ увлекъ,—
Смущенъ, какъ человѣкъ предъ дикимъ приговоромъ,
За быстрымъ поѣздомъ слѣдилъ я долгимъ взоромъ,
Пока онъ скрылся — и за нимъ,
Помедливъ, разлетѣлся дымъ;
Пустынно двѣ бразды желѣзныя лежали,
И я пошелъ домой, исполненный печали...

Такъ вы уѣхали!... А длинный разговоръ
Еще звучитъ въ ушахъ, какъ дружелюбный споръ;
Но обоюдные запросы и сомнѣнья
Уныло на душѣ остались безъ рѣшенья.
Что эти сумерки — пророчатъ ли разсвѣтъ?
Иль это вечеръ нашъ, и ночь идетъ во слѣдъ?
Что міру — жизнь иль смерть готова?
Возникнетъ ли живое слово?

Нѣмое множество откликнется ль на зовъ?
Иль вѣру сохранитъ въ ношеніе оковъ?
Какъ это знать!... Такъ сѣятель усталый
Надъ пашнею, окончивъ трудъ немалый,
Безмолвствуя въ раздумін стоитъ,
И на небо и на землю глядитъ:
Прольется ль свѣжій дождь надъ почвой оживленной,
Или погибнетъ сѣвъ, засухою спаленный?...

Я знаю: съ родины попутный вѣтръ пошелъ,
Заря проснулася надъ тишиною селъ;
Какъ древній Ной — корабль причалилъ къ Арарату,
И въ море тихое мы пролагаемъ путь,
Какъ мирный мостъ, какъ связь востоку и закату,
И плавно хочетъ Русь всѣ силы развернуть.
Я знаю—съ берега Британіи туманной
Живою жилою подъ моремъ нить прошла
До міра новаго... И вотъ союзъ желанный!
И такъ и кажется, что разступилась мгла —
И наши племена, съ побѣдной властью пара,
Дорогу проведутъ вокругъ земного шара.
Оно торжественно! И воздухъ свѣжихъ силъ
Такъ дышитъ вѣрою въ громадность человѣка...
А тутъ сомнѣніе и вѣянье могилъ
Невольно чуется при замираньи вѣка.

И вижу я иныя племена —
Тутъ — за моремъ... Ихъ жажда — кровь, война,
И хвастая знаменами свободы,

Хоть завтра же они скуютъ народы.
Во имя равенства все станетъ подъ одно,
Во имя братства всѣмъ они наложатъ цѣпи,
Взамѣнъ лѣсовъ и нивъ — все выжженныя степи,
И просвѣщеніе штыками рѣшено,
И будетъ управлять съ разбойничьей отвагой
Нахальный генералъ безсмысленною шпагой.

Чѣмъ это кончится? Возьметъ ли верхъ палачъ
И рабства уровень по насъ промчится вскачь?
Иль міръ поднимется изъ хаоса и муки
При свѣтѣ разума, при ясности науки?
Какъ это знать? Надъ пашнею стою,
Какъ сѣятель, и голову мою
Готовъ сложить безъ сожалѣнья;
Но что же мой послѣдній мигъ —
Онъ будетъ ли тяжелый крикъ,
Иль миръ спокойнаго прозрѣнья?..

Васъ проводя, такъ думалъ я, другъ мой,
Въ безмолвіи, когда я шелъ домой;
Но обоюдные запросы и сомнѣнья
Уныло на душѣ остались безъ рѣшенья.

Тайна.

... That you at such times seeing me, never shall
With arms encumber'd thus, or this headshake...
... Or such ambiguous giving out to note
That you know aught of me: this do you swear...
Shakespeare (Hamlet).

Тебя ищу я цѣлый день:
Я задыхаюся отъ счастья...
Садись сюда, вотъ въ эту тѣнь —
И слушай! Я хочу участья.
Когда бъ я волю далъ мечтамъ —
Въ бреду, какъ школьникъ, побѣжалъ бы
И хоть бы рощамъ и полямъ
Или небеснымъ облакамъ
Я тайну сердца разсказалъ бы.
Да! я любимъ. Живу я, братъ,
Въ какомъ-то вѣяніи мая,
И на душѣ весна такая,

Все пѣсни нѣжныя звучатъ...
Но, другъ,—все это между нами,
Не проболтнися сгоряча
Ни полусловомъ, ни глазами,
Ни-же движеніемъ плеча.
Вчера мы съ ней въ саду сидѣли,
А мужъ былъ дома... Изъ окна
Двѣ свѣчи трепетно блестѣли
И брань его была слышна.
Весь вѣкъ свой безъ нужды корыстенъ,
За полночь старый лиходѣй
Все счетъ сводилъ, ругалъ людей,
Все золъ какъ звѣрь и ненавистенъ.
А ночь безлунная была
И многозвѣздна и тепла,
И темныхъ листьевъ вѣялъ ропотъ
И охранялъ нашъ тихій шопотъ,—
И ночь промчалась какъ стрѣла.
Еще отъ жаркаго лобзанья
Уста остыть могли едва,
Отъ одного воспоминанья
О нѣгѣ близкаго дыханья
Еще кружится голова...
Но къ дѣлу! Знаешь — я беззлобенъ,
Но жить во лжи я неспособенъ,
Да неспособна и она;
Такъ участь наша рѣшена:
Сегодня ночью наши кони
Ждутъ у моста — и птицъ быстрѣй

На волю вольную мы съ ней
Умчимся, не боясь погони.
Напрасно въ помощь станетъ звать
Тупой законъ старикъ сердитый, —
Ему слѣдовъ не отыскать,
Гдѣ отпечатались копыты.
А завтра — завтра въ поздней мглѣ,
Коней погладивъ на прощанье,
Отчалимъ мы на кораблѣ —
И въ даль, въ безвѣстное скитанье!...
Весь людъ заснетъ; угрюмъ и нѣмъ
На стрѣлку кормчій склонитъ очи, —
И вотъ, невидимы никѣмъ,
Какъ развѣ лишь звѣздами ночи,
На палубѣ мы сядемъ съ ней;
Подруга ко груди моей
Прижмется милой головою,
И я плащемъ ее прикрою,
Чтобы отъ влаги уберечь
Красу и роскошь нѣжныхъ плечъ,
Чтобы ко мнѣ она прильнула,
Въ моихъ объятіяхъ заснула
И тихо грезила бы сны
Подъ колыханіе волны.
Но, другъ,—все это между нами,
Не проболтнися сгоряча
Ни полусловомъ, ни глазами,
Ни-же движеніемъ плеча.

Возвращеніе.

Что навстрѣчу вѣтеръ стонетъ
Полуночною порой?
Прочь ли съ неба тучи гонитъ,
Иль сбираетъ надо мной?
Мнѣ бѣды бы ждать не надо,
Жизнь раздольна и вольна;
Есть жена — моя отрада,
Есть богатая казна.

Въ лѣсъ дорога повернула,
Шумно ропщутъ дерева,
Встрепенулась, промелькнула
Съ крикомъ жалобнымъ сова.
Что за странную тревогу
Сердце бьетъ въ моей груди?...
Лѣсъ къ концу! Ну — слава Богу!
Домъ ужъ виденъ впереди.

Вѣтеръ стихнулъ. Въ небѣ чистомъ
Мѣсяцъ катится свѣтло,
Спитъ въ туманѣ серебристомъ
Наше длинное село.
Тѣни стелются неровно
Съ боку улицъ въ тишинѣ,
Изъ-за кровель крестъ церковный
Блещетъ въ ясной вышинѣ.

Вотъ онъ, вотъ у поворота
Мой просторный, новый домъ
И тесовыя ворота
Съ крѣпко ввинченнымъ кольцомъ.
Что̀ могло бы значить это —
Словно пусто все въ дому?
Я стучу, и нѣтъ отвѣта
Нетерпѣнью моему.

Что̀ не лаетъ съ гнѣвной силой
Вѣрный песъ передъ крыльцомъ —
Длинношерстный, тонкорылый
И съ размашистымъ хвостомъ?
Что̀ нейдетъ бобыль-работникъ
Черезъ мой широкій дворъ —
Отодвинуть подворотникъ,
Снять увѣсистый затворъ?

Что̀ хозяйка молодая,
Встрепенувшися отъ сна,

Зову дружнему внимая,
Не посмотритъ изъ окна?
Я стучу кольцомъ чугуннымъ, —
Все какъ-будто замерло,
Безотрадно въ блескѣ лунномъ
Дремлетъ длинное село.

Чу! въ избѣ сосѣдней глухо
Чья-то поступь мнѣ слышна:
Одинокая старуха
Показалась у окна.
Сѣдина дрожитъ и вьется
Изъ-подъ бѣлаго платка,
Протянулась и трясется
Худощавая рука:

«Ты въ тесовыя ворота
Понапрасну не стучи,
И казны съ скупой заботой
За замками не ищи;
Волѣ радъ, хвостомъ махая,
Глупый песъ покинулъ домъ,
И хозяйка молодая
Убѣжала съ бобылемъ».

Бабушка.

Я помню какъ сквозь сонъ—когда являлась въ залѣ
Старуха длинная въ огромной черной шали
И бѣломъ чепчикѣ, и локонахъ сѣдыхъ, —
То каждый, кто тутъ былъ, вдругъ становился тихъ,
И дѣти малыя, рѣзвившіеся внучки,
Шли робко къ бабушкѣ прикладываться къ ручкѣ.
Отецъ ихъ — сынъ ея — уже почтенныхъ лѣтъ,
Стоялъ въ смиреніи, какъ-будто на отвѣтъ
За шалость позванъ былъ и зналъ, что онъ виновенъ
И прахъ передъ судьей, а вовсе съ нимъ не ровенъ.
А хитрая жена и бойкая сестра,
Потупясь, какъ рабы средь царскаго двора,
Украдкой лишь могли язвить другъ-друга взглядомъ,
Пропитаннымъ насквозь лукаво-желчнымъ ядомъ.
Старуха свысока ихъ съ головы до ногъ
Оглядывала всѣхъ, и взоръ ея былъ строгъ...
И такъ и чуялось — умри она, старуха, —
Всѣ завтра жъ врозь пойдутъ и домъ замолкнетъ глухо.
Да это и сама чай вѣдала она,
И оттого была жестка и холодна,
И строгій взоръ ея былъ полонъ сожалѣнья,
Пожалуй что любви, а болѣе презрѣнья.

Мнѣ снилося, что я въ гробу лежу,
А самъ стою у собственнаго гроба
И на себя на мертваго гляжу,
Самъ отъ себя поставленный особо.
Въ тиши ночной, какъ стражи на часахъ,
Горѣли двѣ свѣчи въ паникадилахъ —
Одна у ногъ, другая въ головахъ —
И таяли въ мерцаніяхъ унылыхъ.
Ихъ блѣдный лучъ, колеблясь, упадалъ
На мертвый ликъ, на флеръ, на покрывалы,
А далѣе туманно исчезалъ,
Теряяся въ холодномъ мракѣ залы.
И думалъ я: какая тишина!
Какъ счастливъ я, что умеръ на чужбинѣ,
А то-бъ . . . . . .
. . . . . .
И думалъ я: у гроба никого,
Всѣ близкіе теперь пошли на отдыхъ,
Усталые, и не найдутъ его:
Покоя жизнь не вѣдаетъ, какъ воздухъ...
Спокоенъ я: я болѣе не живъ!
Но, милые, зачѣмъ съ такимъ терзаньемъ
Глядѣть на смерть и, голову склонивъ,

Себя томить безпомощнымъ страданьемъ?
Вы знаете такъ ясно, наизусть,
Что умереть для всѣхъ необходимо,
Какъ звуку замолчать... Къ чему же грусть?
Простясь со мной, свѣтло грядите мимо.
Безсильными не будьте предъ судьбой;
Ты — женщина! вы, дѣти-малолѣтки!
И ты, о другъ, товарищъ вѣрный мой!
Не бейтесь горестно, какъ птицы въ клѣткѣ;
Въ постеляхъ, гдѣ теперь не спится вамъ,
Не лейте слезъ въ подушки, не рыдайте,
И сердца мнѣ не рвите пополамъ,
И мертвымъ быть, молю васъ, не мѣшайте!
Я радъ, что нѣтъ у гроба никого,
И наблюдать могу я безъ волненья
Мое лицо, покуда отъ него
Не вѣетъ смрадъ обычнаго гніенья.
Мое лицо бѣло и холодно,
Живой водѣ застывшей въ ледъ подобно;
Что было мнѣ иль горько, иль смѣшно —
Все стерлося безчувственно, беззлобно.
И съ просѣдью густая борода,
И волосы — расчесаны пристойно,
Морщинъ едва два легкіе слѣда,
Улыбки нѣтъ и все лицо спокойно;
Лишь тѣнь рѣсницъ опущенныхъ — чуть-чуть
Отъ этихъ свѣчъ, ихъ глупаго мерцанья,
Колеблется и хочетъ обмануть
Нѣмую смерть подобьемъ трепетанья...

Ну, что жъ, мертвецъ? Все обошлось легко:
Ты миновалъ горячку и заразу,
Съ удушіемъ не кашлялъ глубоко,
А такъ — упалъ, да взялъ и умеръ сразу.
И думалъ я: мнѣ близкій человѣкъ,
Старикъ-полякъ, мужъ чистый, благородный,
Въ страданіяхъ недавно кончилъ вѣкъ
И жизни трудъ великій, но безплодный.
Почилъ, скорбя о родинѣ своей,
Болѣзненно, въ безвыходной кручинѣ,
Обманутый въ надеждахъ жизни всей,
Въ друзьяхъ, въ женѣ, и въ дочери, и въ сынѣ...
Да! эта смерть конечно тяжела!
А мертвый ликъ, худой и изнуренный
Былъ такъ же тихъ; спокойствіе чела
Дружилось въ немъ съ улыбкой благосклонной...
А я — застылъ съ надеждой на успѣхъ
И съ вѣрой въ жизнь грядущихъ поколѣній,—
Чего жъ тутъ страшнаго?... Но тайный смѣхъ
Смутилъ во мнѣ разумность помышленій:
Ну — какъ, мертвецъ, въ твоей землѣ сырой,
Какая вѣсть дойдетъ тебѣ до слуха?
Могильный червь, иль сторожъ твой ночной
Тебѣ шепнутъ въ твое глухое ухо —
«Воскресла Русь! . . . . . .
И новый міръ возникъ—широкій, сильный,
Мысль выросла и трудъ твой не пропалъ...»
Тебѣ-то что? Ты только остовъ пыльный!
И стало вдругъ такъ дико-холодно

И страшно мнѣ, и трупъ мой ужаснулся,
И будто съ нимъ слилися мы въ одно,
И онъ изъ гроба всталъ, — и я проснулся.
Ощупался: я живъ и невредимъ!
Взглянуть въ окно вскочилъ съ моей постели:
Туманы по полю, какъ желтый дымъ,
Носилися и медленно рѣдѣли.

Магдалина.

Въ дни печали, дни гоненій
За святыню убѣжденій,
Новой вѣры правоту,
Умиралъ Спаситель свѣта,
Плотникъ — житель Назарета,
Пригвожденный ко кресту.
И сказалъ Онъ: «Совершилось!»
И чело Его склонилось —
И остался мертвый ликъ,
Какъ при жизни, тихъ и ясенъ,
Такъ же благостью прекрасенъ,
Такъ же помысломъ великъ.

Солнце мирно предъ закатомъ
Надъ зелено-мягкимъ скатомъ
И гранитами хребта
Шло въ пути златоподобномъ
И, блестя на мѣстѣ лобномъ,
Озаряло три креста:
Двухъ воровъ, съ Христомъ распятыхъ,

Палача въ желѣзныхъ латахъ,
Грозномъ шлемѣ и съ копьемъ,
И людей, на казнь взиравшихъ,
И трехъ женщинъ, близъ стоявшихъ
Въ безутѣшіи своемъ.

Двѣ старухи: мать рыдала
И сестра ея шептала,
Что вотъ распятъ нашъ Христосъ;
Третья съ ними, молодая,
Стала, взоръ на крестъ вперяя,
Неподвижна и безъ слезъ,
Съ опущенными руками,
Съ распущенными власами,
Блѣднымъ ужасомъ лица,
Вся — безмолвное рыданье,
Иль нѣмое изваянье
Скорби, скорби безъ конца.

Къ ночи площадь опустѣла,
И два друга сняли тѣло,
Мать съ сестрой была при нихъ
И прощалась съ трупомъ сына;
И Марія Магдалина
Для лобзанья устъ святыхъ
Наклонилась и припала,
Сердце мягче биться стало,
И заплакала она.
И лились и орошали

Слезы тихія печали
Мертвый ликъ и рамена.

Трупъ покрыли пеленою;
Двое медленной стопою
На носилкахъ понесли
Безъ напѣвовъ погребальныхъ,
И три женщины печальныхъ
За покойникомъ пошли.
Шла она и вспоминала,
Что подобныхъ не бывало
Въ этомъ мірѣ никогда...
Вспоминала все былое,
Быстро ей пережитое
Въ эти краткіе года:

Какъ по торжищамъ Магдалы,
Выставляя въ дни бывалы
Свѣжесть персей молодыхъ,
Знала въ вихрѣ шутокъ сальныхъ
Только юношей нахальныхъ
Да безстыдниковъ сѣдыхъ:
И вотъ встрѣтила случайно
Взглядъ, смирившій силой тайной
Бредъ желаній, пылъ въ крови,
И ей слышать было ново
Человѣческое слово
Всепрощенья и любви;

Какъ Ему омыла ноги,
Запыленныя съ дороги,
Умягчила жесткій зной
Масломъ мирры благовонной,
Осушила распущенной
Свѣтло-русою косой;
Какъ у ногъ Его садилась
И внимала и молилась,
Не сводя съ Него зѣницъ,
Очищалась покаяньемъ,
Выростала пониманьемъ
И любила безъ границъ.

Близъ оливъ въ саду тѣнистомъ,
Подъ утесомъ каменистымъ,
Съ фонаремъ во тьмѣ ночной,
Тѣло въ гробъ они сложили,
Къ гробу камень привалили
И, скорбя, пошли домой.
Но чуть ранняя прохлада
Пронеслась по листьямъ сада
Передъ брезжущей зарей,
А Марія шла изъ дому
Хоть бы къ камню гробовому
Преклониться головой!

Видитъ — гробъ отверстый снова,
Голосъ, точно у живого,
Звалъ по имени ее...

Оглянулась... Сонъ блаженный!
Это самъ Онъ — вожделѣнный —
Навѣстилъ дитя свое!
И она Его узнала!
Передъ Нимъ она стояла
Въ обожаніи нѣмомъ,
И Онъ рекъ, благословляя:
«Имъ скажи, душа родная,
О видѣніи твоемъ».

Свѣтлый образъ, духъ привѣта,
Потонулъ въ лучахъ разсвѣта.
И она на сходъ друзей
Въ путь пошла, благоговѣя
И едва повѣрить смѣя,
Что Онъ ей явился — ей,
Шедшей грѣшною дорогой,
Но любить умѣвшей много,
Но чья мысль была чиста,
Почва сердца благодатна,
Чьей простой душѣ понятна
Правды ширь и простота.

Воспоминанія дѣтства.

I.

Разсвѣтъ.

Мнѣ дѣтство предстаетъ, какъ въ утреннемъ туманѣ
Долина мирная. Подъ дымчатый покровъ,
Сливаясь, прячутся среди прохлады ранней
Лѣса зеленые и линіи холмовъ,
А утро юное бросаетъ въ ликованьи
Сквозь клубы сизые румяное сіянье.
Всѣ образы свѣтлы и всѣ неуловимы.
Знакомаго куста тревожно ищетъ взоръ,
Подслушать хочется, какъ шепчетъ листъ незримый,
Студеный ключъ ведетъ знакомый разговоръ;
Но смутно все... Душа безгрѣшный сонъ лелѣетъ,
Отвсюду свѣжесть ей благоуханно вѣетъ.

2.

Лѣсъ.

На горной крутизнѣ я помню шумный лѣсъ,
Вѣками взрощенный въ торжественности дикой,
И тамъ былъ темный гротъ между корней древесъ,
Поросшій влажнымъ мхомъ и свѣжей павликой.
Его тѣнистый сводъ незримо пробивая,
Студеный падалъ ключъ лепечущей струей...
Ребенкомъ, помнится, здѣсь лѣтнею порой
Въ безмолвной праздности я сиживалъ, внимая.
Тонули шелесты и каждый звукъ иль шумъ
Въ широкомъ ропотѣ лѣсного колыханья,
И смутнымъ помысломъ объятъ былъ дѣтскій умъ
Средь грезъ таинственныхъ и робкаго желанья.

3.

Кривая береза.

У насъ въ большомъ лѣсу глубокій былъ оврагъ
Съ зеленымъ дномъ изъ травъ, а къ верху въ свѣжихъ
силахъ
Росъ густолиственно орѣшникъ и дубнякъ,
Пріютъ пѣвучихъ птицъ и мухъ прозрачнокрылыхъ.
А черезъ весь оврагъ, начавъ съ кривыхъ корней,
Береза бѣлая, клонясь дугою гибкой,
Шептала листьями повиснувшихъ вѣтвей
И гнулась на тотъ край къ землѣ вершиной зыбкой.
О, какъ же я любилъ вдоль по ея спинѣ,
Цѣпляяся, вползать до самой середины,
И тамъ, качаяся въ воздушной вышинѣ,
Смотрѣть на свѣтъ и тѣнь въ сырую глубь стремнины!

4.

Двѣ любви.

Я помню барышню въ семействѣ намъ родномъ—
То было юное и стройное созданье
Съ весеннимъ голосомъ, привѣтливымъ лицомъ,
Радушно отроку даривщее вниманье.
Съ благоговѣніемъ я на нее смотрѣлъ,
Блаженствуя въ мечтахъ стыдливыхъ и спокойныхъ;
Но образъ мною всѣмъ иной тогда владѣлъ—
То женщина была въ порѣ томленій знойныхъ.
Прикосновенье къ ней, привѣтъ ея любви,
И ласка мягкая, и долгое лобзанье
Рождали тайный жаръ въ ребяческой крови,
На млѣющихъ устахъ стѣснялося дыханье...

5.

Первая дружба.

Я помню отрока съ кудрявой головой,
Съ большими сѣрыми и грустными глазами...
Тропой росистою мы шли съ горы крутой,
Въ туманѣ за рѣкой былъ городъ передъ нами.
И дальній колоколъ кого-то звалъ къ мольбѣ;
А мы, обнявшися, при утренней денницѣ,
Мы дружбы таинство повѣдали себѣ,
И чистая слеза блеснула на рѣсницѣ.
Разстались мы дѣтьми, не знаю, живъ ли онъ...
Но дружбы первый мигъ храню я и донынѣ
Въ воспоминаніи — какъ мой весенній сонъ,
Какъ пѣснь сердечную, подобную святынѣ.

6.

Новый годъ.

То было за полночь на самый Новый годъ,
А я одинъ безъ сна лежалъ въ моей постели
И слушалъ тишины дыханіе и ходъ...
Лучи лампадные въ бродячей тьмѣ блестѣли,
Въ окно виднѣлся дворъ; онъ былъ и пустъ, и тихъ,
По снѣгу бѣлому съ небесъ луна мерцала...
И мнѣ пришелъ на умъ мой первый, робкій стихъ,
И рѳома, какъ струи паденіе, звучала.
Я сердце посвящалъ задумчивой тоскѣ,
Въ моемъ едва быломъ ловилъ напѣвъ унылый,
А мысль какой-то свѣтъ искала вдалекѣ,
И звали къ подвигамъ невѣдомыя силы.

7.

Дувръ.

У моря шумнаго, на склонѣ бѣлыхъ скалъ,
Гдѣ слышны вѣчныхъ волнъ таинственныя пѣни,
Въ унылой памяти я тихо вызывалъ
Моихъ прошедшихъ дней исчезнувшія тѣни.
Изъ отдаленныхъ мѣстъ, изъ смолкнувшихъ временъ
Онѣ передо мной, ласкаясь, возникали,
И я, забывшися, поникъ въ блаженный сонъ
Про счастье дѣтское и дѣтскія печали.
О, погодите же, вживитесь въ жизнь мою,
Давноминувшаго привѣтливыя тѣни!..
Но вы уноситесь... и я одинъ стою,
И слышу вѣчныхъ волнъ тоскующія пѣни.

Забытье.

Я сплю иль нѣтъ?... Что это: ночь иль день?
Пора ли встать? Иль медленная лѣнь
Дастъ мнѣ понѣжиться и члены порасправить
И полусонный мозгъ на волю грезъ оставить?...
День безъ утра, иль утро безъ зари...
Опять туманъ! Куда ни посмотри—
Сырое рѣянье въ протяжномъ колебаньи...
Все зыбь—какъ на морѣ. Я, точно на-яву,
Куда-то вдаль на кораблѣ плыву—
Съ волны и на волну въ размѣренномъ качаньи.
Исчезли берега, въ туманѣ небеса,
И только плескъ кругомъ, все только плескъ безсвязный,
Безостановочный, глухой, однообразный,
Да вѣтеръ свищетъ въ паруса.

Куда плыву? Съ чего сердечный трепетъ?
Не близки ли знакомые края?
И ты не лжешь, надежды тайный лепетъ?
Чу—въ воздухѣ морозная струя!
Туманъ упалъ подъ ледянымъ дыханьемъ
И ярко блещетъ день ликующимъ сіяньемъ.
Передо мной лежитъ и искрится вдали

Равнина бѣлая въ серебряной пыли;
По ней, гдѣ кучками, а гдѣ по одиночкѣ,
Чернѣются разсѣянныя точки—
Дома, деревни, города,
И люди жмутся, какъ стада.

. . . . . .

И я на тройкѣ быстроногой
Скачу по скатамъ и холмамъ,
Да по бревенчатымъ мостамъ,
То полемъ безрубежно-бѣлымъ,
То боромъ мрачно-посѣдѣлымъ.
По глади снѣжной тройка мчитъ,
Черезъ ухабъ, нырнувъ, летитъ,
Мятетъ и жмется по сугробью,
И колокольчикъ мелкой дробью
И замираетъ, и звенитъ.
И гаснетъ день, и звѣзды ночи—
Небесъ безчисленныя очи—
Сквозь тьму глядятъ на бѣлый путь.
Но мнѣ не время отдохнуть.
Пусть дни и ночи, свѣтъ со тьмою,
Бѣгутъ, чредуясь межъ собою,—
Не успокоюсь до конца,
Съ упорствомъ вѣчнаго гонца;
Пренебрегу, покуда можно,
Пока не слегъ въ тиши гробовъ,
Дороги усталью тревожной,
Сѣдою усталью годовъ.

И идутъ дни, и слѣдомъ идутъ ночи,
Ужъ холодъ сдалъ, и слышу я весну;
Посыпалъ дождь въ замѣну мокрыхъ клочій
И рыхлый снѣгъ утратилъ бѣлизну.
Полозья въ земь ударились съ упоромъ...
Сѣдлай коня! и дальше въ путь!
И въ топь и вплавь, по кочкамъ и зажорамъ
Я проберуся какъ-нибудь!
Чернѣетъ почва изъ-подъ снѣгу,
Ручьи сбѣгаютъ въ глубь долинъ,
И рѣчка мутная съ разбѣгу
Уноситъ вдаль обломки льдинъ.
Уже поля рядиться стали
Въ зеленый пологъ озимей,
Листомъ по рощѣ зашептали
Побѣги свѣжіе вѣтвей;
Ужъ первый громъ затихъ съ раскатомъ,
Облекся вечеръ мирнымъ златомъ;
При лунномъ трепетѣ лучей
Защелкалъ первый соловей.

О, какъ баюкаетъ томленьемъ сладострастья
Весенней нѣги мягкій звукъ!
Но мнѣ не до него! я выросъ вонъ изъ счастья,
Мнѣ нуженъ толкъ да сила рукъ.
Мой путь съ утра идетъ дремучимъ боромъ...
А вотъ и ночь, и скатъ береговой,
Рѣка—что море—не окинешь взоромъ,
И мѣсяцъ всплылъ надъ синей мглой.

Внизу у отмели пологой
Стоитъ бурлакъ съ ладьей убогой.
Бурлакъ, вези! пора пришла!
Ладья скользитъ и волны мчатся,
И брызги искрами дробятся
Подъ взмахомъ мощнаго весла.
Плыву, молчу отъ ожиданья,
Отъ нетерпѣнья и желанья,
А тутъ и волны, и луна,
И плескъ, и блескъ, и тишина.

Свѣжѣетъ воздухъ, ночь блѣднѣетъ
И сумракъ трепетный рѣдѣетъ.
Заря! заря! я различить могу
Кусты на дальнемъ берегу.
И вижу я: стоитъ толпа народа,
Кричатъ: . . . . . .
И голосъ, точно дальній зовъ,
Поетъ... и пѣсня такъ знакома!
И подхватили съ силой грома
Ее сто тысячъ голосовъ:
. . . . . .

Ладья причалила, я выпрыгнулъ на берегъ ..

Музыканту.

За совершенство исполненья
Глубоко-звучнаго творенья
Вамъ въ похвалу я могъ едва
Сказать обычныхъ слова два;
Но если бъ вы подозрѣвали,
Какъ эти звуки взволновали
Всю память сердца моего,
То вы... Ну, что жъ бы?... Ничего!...
Пришельцы оба издалече,
Что́ намъ въ минутной нашей встрѣчѣ?...

Такъ двухъ прохожихъ, на мгновенье
Сходясь при проблескѣ луны,
Двѣ тѣни тихо вдоль стѣны
Расходятся въ два направленья,
И въ тьмѣ окружной навсегда
Вдругъ исчезаютъ безъ слѣда.

Юношѣ.

(Подражаніе Полонію.)

Ступай, мой сынъ! Пространствуй! Погляди!
Мнѣ, старику, оно уже не лестно!...
Какъ сонный котъ, забившись въ уголъ тѣсный,
Я не ищу отрады впереди;
А молодежь, съ своимъ орлинымъ взоромъ,
Летитъ впередъ за волей и просторомъ.

Учись! Пойми, что знаніе есть власть;
Умѣй страдать вопросомъ и сомнѣньемъ,
Умѣй людей любить съ благоговѣньемъ,
И претворяй бунтующую страсть
Въ смыслъ красоты и вѣры благородной:
Живи умно, какъ человѣкъ свободный!

Пора любви придетъ своей чредой, —
Умѣй любовь проникнуть свѣтомъ дружбы,
Но избѣгай, какъ гнета рабской службы, —
Тяжелой свычки, праздной и тупой,
Гдѣ женщина, весь день дыша разладомъ,
Тревожитъ жизнь докучно-мелкимъ ядомъ.

За истину снóси обидный гнетъ
Безъ хвастовства, но гордо и достойно,
Будь твердъ въ борьбѣ и смерть встрѣчай спокойно
Не злобствуя и зная напередъ:
Народы всѣ, помимо всѣхъ уроковъ,
Сперва казнятъ, а послѣ чтутъ пророковъ.

Итакъ, ступай! мужайся и расти!
На все кругомъ смотри пытливымъ взглядомъ
И, дѣйствуя наперекоръ преградамъ,
Не уходи съ завѣтнаго пути...
Забудь въ трудѣ и страхѣ утомленье —
И вотъ тебѣ мое благословенье.

Вихрь.

Мчится вихрь издалека,
Вѣтеръ гонитъ облака;
Облака какъ одурѣли —
Мчатся по небу безъ цѣли.
Вдоль дороги пыль, какъ дымъ,
Мчится облакомъ сухимъ.
Рожь, какъ волны, бьется, гнется,
Съ поля прочь куда-то рвется.
Замахалъ вѣтвями садъ,
Листья дико говорятъ;
Листъ оторванный кружится,
И уносится, и мчится.
И смотрю я, самъ не свой,
Съ безпокойною тоской, —
Міръ безумный мчится мимо...
Устою ль я невредимо,
Иль ужъ взялъ меня разгромъ
Вслѣдъ за пылью и листомъ?

Грановскому.

Вспомнилъ я, товарищъ,
Ты сошелъ въ могилу,
Міру лучшей доли
Было ждать не въ силу.

Я схожу въ могилу,
Полный утомленья,
Не дождусь я тоже
Міру обновленья.

А настанетъ время,
Время жизни новой,
Въ мірѣ отзовется
Истинное слово.

Истинное слово
Въ мірѣ повторится,
Истинное дѣло
Въ мірѣ совершится.

Но не встрепенутся
На глухомъ погостѣ
Нами вѣковѣчно
Сложенныя кости.

Предисловіе
къ неизданному и недоконченному.

Не унывай среди томящей скуки
Движенья мелкаго минутъ,
Не унывай отъ ежедневной муки
Скрипящихъ звуковъ, пошлыхъ смутъ.
Не унывай, не находя исхода
Среди пустынной ширины
Праздношатанія людского рода,
Праздношатанія волны.
Не унывай и думай безъ испуга,
Что рвутся жизненные швы,
И не склоняй подъ тяжестью недуга
Полустолѣтней головы.
Спѣши въ строкахъ послѣдняго сказанья,
Гдѣ завершится жизнь сама,
Отмѣтить всю работу пониманья,
Весь опытъ явственный ума.
А тамъ умри, съ спокойнымъ чувствомъ мѣры,
Вперивъ на міръ послѣдній взглядъ,
Безъ помысловъ отчаянья иль вѣры,
Безъ сожалѣній и отрадъ.

---

* * *

О, если бъ мнѣ пришлось прожить еще года,
До сгорблой старости, вѣнчанной сѣдиною,
Съ восторгомъ юноши я вспомню и тогда
Тѣ дни, гдѣ разомъ все явилось предо мною,
О чемъ мнѣ грезилось въ безмолвіи труда,
Въ безцвѣтной тишинѣ унылаго изгнанья,
Къ чему душа рвалась въ годину испытанья:
И степь широкая, и горные хребты —
Величья вольнаго громадные размѣры,
И дружбы молодой надежды и мечты,
Союзъ незыблемый во имя тайной вѣры;
И лица тихія, спокойныя черты
Изгнанниковъ иныхъ, тѣхъ первенцевъ свободы,
Создавшихъ нашу мысль въ младенческіе годы.
Съ благоговѣніемъ взирали мы на нихъ
Пришельцевъ....., несокрушимыхъ духомъ,
Ихъ сѣрую шинель — одежду рядовыхъ...
Съ благоговѣніемъ внимали жаднымъ слухомъ
Разсказамъ...., про узниковъ святыхъ
И преданность ихъ женъ, про свѣтлыя мгновенья

Подъ скорбный звукъ цѣпей, подъ гнетомъ заточенья.
И тотъ изъ нихъ, кого я глубоко любилъ,
Тотъ—мужъ по твердости и нѣжный какъ ребенокъ,
Чей взоръ былъ милосердъ и полонъ кроткихъ силъ,
Чей стихъ мнѣ былъ какъ пѣснь серебряная звонокъ,—
Въ свои объятія меня онъ заключилъ,
И память мнѣ хранитъ сердечное лобзанье,
Какъ брата старшаго святое завѣщанье.

Первая любовь.

Въ вечернемъ сумракѣ долина
Синѣла тихо за ручьёмъ,
И запахъ розы и ясмина
Благоухалъ въ саду твоёмъ;
Въ кустахъ прибрежныхъ влюблённо
Перекликались соловьи... —
Я ждалъ тебя стоялъ смущённый,
Томимый трепетомъ любви.
Уста отъ полноты дыханья
Остались нѣмы и робки,
А сердце радостно признанья,
Рука пожатія руки. —
Пусть этотъ сонъ мнѣ жизнь смѣнила
Тревогой шумной суеты,
Но память вѣрно сохранила
И образъ тихой красоты,
И садъ, и вечеръ, и свиданье,
И нѣгу смутную въ крови,
И сердца жаръ и замиранье,
Всю эту музыку любви.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

* * *

Онѣ торжественны, минуты вдохновенья,
Какъ голосъ неба на землѣ,
Прекрасны, какъ любовь,—какъ радости мгновенья,
Такъ сердцу сладостны онѣ.
Заботы мелкія отходятъ,
Несносный голосъ ихъ молчитъ,
И вдохновенье говоритъ
И небо на душу низводитъ.

Алхимикъ.

Въ убогой кельѣ въ часъ ночной
Сидѣлъ одинъ монахъ сѣдой.
Свѣча горѣла передъ нимъ;
Онъ пальцемъ тощимъ и сухимъ
Въ фольянтѣ листъ ужъ пожелтѣлый
Ворочалъ тихо и несмѣло.

Потомъ реторту робко взялъ
И горнъ съ усильемъ раздувалъ.
Кипѣла жидкость, — смрадъ и дымъ
Носились въ воздухѣ надъ нимъ.
Но трудъ, надеждою богатый,
Былъ тщетенъ вновь — не вышло злата.

Еще блѣднѣе сталъ старикъ
И головой на грудь поникъ.
«Я цѣлый вѣкъ мой съ юныхъ лѣтъ
Жить для науки далъ обѣтъ.
Я сердца сжалъ въ себѣ движенья,
Отвергъ любовь и наслажденье.

«Да судитъ Богъ! я не искалъ,
Когда я злато добывалъ,
Ни денегъ, ни людскихъ похвалъ.
Въ природѣ лишь узнать желалъ
Я пульса каждое біенье
И тайный ходъ всего творенья.

«Трудился днемъ, не спалъ ночей!
И черный лоскъ съ моихъ кудрей
Уже давнымъ-давно сбѣжалъ,
И ничего я не узналъ!
Къ чему жъ я былъ влеченью вѣренъ?
Надежды нѣтъ — мой трудъ потерянъ!»

Старикъ средь гнѣва и тоски
Разбилъ реторту на куски,
И книгу сжегъ, и на полъ палъ,
Закрылъ глаза и не вставалъ...
И только смрадный дымъ изъ горна
Надъ нимъ носился клубомъ чернымъ.

* *
*

Съ моей измученной душою
Слился какой-то злобы ядъ,
И непрерывной чередою
Въ ней съ своенравіемъ кипятъ
Тоска и желчь негодованья;
Въ ней духъ смиренія истлѣлъ,
И ангелъ Божій отлетѣлъ
Отъ недостойнаго созданья.

Гдѣ жъ вѣра въ будущій удѣлъ,
Въ мое святое назначенье —
Свершить чредою смѣлыхъ дѣлъ
Народовъ бѣдныхъ искупленье?
Гдѣ міръ любви, въ которомъ я
Пилъ чашу наслажденій рая,
Въ которомъ жизнь была моя —
Какъ утро радостнаго мая?

О нѣтъ! еще въ душѣ моей
И вѣра, и любовь святая
Таятся, вѣкъ не угасая,
Какъ звѣзды въ сумракѣ ночей.
Но въ ней тоска негодованья,
Но духъ смиренья въ ней истлѣлъ,
Но ангелъ Божій отлетѣлъ
Отъ недостойнаго созданья.

Моя лампада.

I.

Я помню свѣтъ лампады томный
Передъ иконою святой.
Онъ озарялъ мой уголъ скромный
И мой младенческій покой;
Тутъ няня старая крестилась
Передъ грядущимъ тихимъ сномъ
И въ землю съ шопотомъ молилась,
И спать ложилася потомъ.
Спокойны были наши ночи,
Спокойны были наши сны,
И не бывали наши очи
Тоской души растворены.
Тогда съ младенчества порою
Сдружилась старость, и они
Шли беззаботною стопою,
Въ дорогѣ жизнью сведены.
Но няни нѣтъ. Давно зарыта
Она въ могилѣ подъ крестомъ,

И дѣтство мирное забыто,
И стало все неяснымъ сномъ.

2.

Другой я помню блескъ лампады:
Онъ укоризною свѣтилъ
Мнѣ въ отуманенные взгляды,
И мнилось, будто говорилъ:
«Мнѣ данъ среди предназначеній
Удѣлъ — быть другомъ тайныхъ думъ,
Иль скорби сердца, иль видѣній,
Мечтой навѣянныхъ на умъ;
А ты, разврата сынъ ничтожный,
Удѣлъ прекрасный измѣнилъ,
И тихій лучъ рукой безбожной
Въ самозабвеньи засвѣтилъ
Предъ строемъ буйныхъ безначалій,
Передъ грозой страстей земныхъ,
При звукахъ шумныхъ вакханалій
Или лобзаній покупныхъ...»
И часто видѣлъ лучъ денницы,
Какъ были раннею порой
Овлажены мои рѣсницы
Святой раскаянья слезой.

3.

Когда же снова лучъ лампады
Въ ночи безсонной мнѣ сіялъ,

Онъ, какъ страдалецъ, безъ отрады
Огнемъ тоскующимъ дрожалъ,
Или, какъ ангелъ сожалѣнья,
Горя участіемъ живымъ,
Души несноснаго волненья
Бывалъ свидѣтелемъ нѣмымъ,
Когда таинственной тоскою
Сжималось сердце — я страдалъ —
И надъ усталой головою
Сомнѣнья демонъ пролеталъ.

4.

Теперь лампады лучъ завѣтный
Мнѣ тихо свѣтитъ въ часъ ночной
И смотритъ съ радостью привѣтной
На поцѣлуй любви святой,
На взоръ, исполненный душою,
И на склоненную ко мнѣ,
Съ улыбкой яснаго покоя,
Головку въ мирномъ полуснѣ.
И душу радость наполняетъ,
Слеза дрожитъ въ глазахъ моихъ,
И тихій ангелъ навѣваетъ
Рой сновидѣній неземныхъ.

А. С. Б.....ъ.

Я въ храмѣ былъ, и много тамъ людей
Толпилися у Божьихъ алтарей.
Я сталъ въ углу, гдѣ нѣкогда со мной
Молился другъ, сочувствуя душой.
Мы горько плакали; тогда я былъ
Несчастливъ: я терялъ, что я любилъ.
Но нашихъ нѣтъ слѣдовъ на мѣстѣ томъ,
Гдѣ такъ тепло молились мы вдвоемъ.
И въ этомъ храмѣ много—думалъ я—
Молящихся стояло до меня,
И много свѣтлыхъ думъ, и много слезъ
Иной изъ нихъ предъ Господа принесъ,
Но ихъ прекрасныя, ихъ чистыя мечты
Забыты всѣ рабами суеты,
Или, какъ неразсказанные сны,
Онѣ прошли, никѣмъ не узнаны.

Христіанинъ.

I.

Жизнь! много ты сулила мнѣ,
Когда я на твое призванье
Твоей обманчивой волнѣ
Ввѣрялся, полонъ упованья.
Все было сладко для очей:
И небо свѣтло-голубое,
И солнце въ золотѣ лучей,
И звѣзды въ темнотѣ ночей
Съ обворожительной луною,
И въ звучно льющихся водахъ
Струи змѣистое волненье,
И на зеленыхъ берегахъ
Цвѣтовъ роскошныхъ прозябенье.
Все слухъ плѣняло той порой:
Напѣвы птички перелетной,
И шопотъ листьевъ въ часъ ночной,
И подъ разбрызганной волной
Плесканье рыбки беззаботной.

Легко дышала грудь моя,
Какъ-будто ангелы слетѣли
Рукой небрежною меня
Баюкать въ дѣтской колыбели,
И мнѣ младенческіе сны
Живою кистью рисовали
Картину радостной весны...
Но въ безднахъ скрытой глубины
Дремали бури и печали.

2.

И вотъ челнокъ мой занесенъ
Далеко въ жизненное море;
Проснулась буря. Утлый, онъ
Не станетъ съ грозной въ смѣломъ спорѣ,
Погибнетъ, вихрями гонимъ,
Влекомъ ко дну пучины силой,
Погибнетъ онъ съ пловцомъ своимъ,
И волны съ ропотомъ надъ нимъ
Заплещутъ хладною могилой.
Смотрю: кругомъ густая мгла
И небо тучами обвито,
Змѣею молнія прошла,
На мигъ все страшное раскрыто,
И снова ночь. Свирѣпъ, могучъ,
Во мракѣ вѣтеръ завываетъ,
И рѣдко, рѣдко изъ-за тучъ
Немногихъ звѣздъ чуть видный лучъ
Отрадно съ неба ниспадаетъ.

Вы, звѣзды въ дальней вышинѣ,
Вы, спутники печальной жизни,
Во мракѣ зла вы мнѣ однѣ
Моей заоблачной отчизны
Напоминаете края...
О, неземное упованье
Взлелѣю свято въ сердцѣ я,
И душу свѣтомъ озаря,
Пройду сквозь мглу безъ содраганья.

3.

И свѣтъ души мнѣ указалъ,
Что жизнь дана не въ наслажденье,
Чтобъ радость твердо я изгналъ
И съ вѣрой избралъ путь спасенья.
Вотъ я зажегъ въ груди моей
Огонь любви неугасимый,
И съ нимъ пройду среди морей
Житейскихъ бѣдствій и скорбей,
Страдалецъ ввѣкъ непобѣдимый.
Чтобы спасти въ грозахъ земныхъ
Безсильно гибнущаго брата,
Не пожалѣю рукъ своихъ;
А если онъ ужъ безъ возврата,
Несчастный, робкою душой
Погибъ среди житейской битвы —
Удѣлъ его почту слезой
И принесу за упокой
Смиренно къ Господу молитвы.

Какъ Іисусъ, я за людей
Хочу переносить гоненья,
Чтобы замолкнулъ звукъ цѣпей
И часъ ударилъ примиренья.
И все, что можетъ бѣдный умъ,
И все, что можетъ сила воли,
Всѣ, всѣ плоды трудовъ и думъ
Отдамъ, забывъ веселій шумъ,
Чтобъ братья были въ лучшей долѣ.
А если сильный изъ людей
И братства врагъ себялюбивый
Захочетъ гибели моей—
Я грудь открою терпѣливо
И брызнетъ кровь... и, можетъ быть,
Всю черноту его гоненій
Успѣетъ передъ нимъ открыть,
Чтобъ могъ раскаяньемъ онъ смыть
Всѣ пятна долгихъ преступленій.

4.

И пусть мой утлый челнъ возьметъ
Тогда на зло пучина злая,—
Есть лучшій міръ! Душа живетъ
Въ немъ никогда не умирая.
Изъ горнихъ странъ, гдѣ все свѣтлѣй,
Быть можетъ, полонъ состраданья,
Еще не разъ слезой моей
Я освѣжу среди страстей
Скорбящій духъ въ земномъ изгнаньи.

* *
*

Я видѣлъ васъ, пришельцы дальнихъ странъ,
Гдѣ жили вы подъ ношею страданья,
Гдѣ сѣвера свирѣпый ураганъ
На васъ кидалъ холодное дыханье,
Гдѣ сердце знало много тяжкихъ ранъ,
А слухъ внималъ печальному рыданью.

Скажите мнѣ: какъ прожили вы тамъ,
Что грустнаго въ душѣ вы сохранили
И какъ тепло взывали къ небесамъ?
Скажите: сколько горькихъ слезъ пролили,
Какъ прахъ жены вы предали снѣгамъ
И ангела на небо возвратили?

Скажите мнѣ: среди печальныхъ дней,
Не правда ль, были свѣтлыя мгновенья?
И, вспоминая, какъ среди людей
Страдалъ Христосъ за подвигъ искупленья,
Вы забывали ль гнеть своихъ скорбей,
Вы плакали ль тогда отъ умиленья?

Я видѣлъ васъ! Тогда клонился день,
Сѣдая туча по горѣ ходила,
Бросая внизъ причудливую тѣнь,
И сквозь нея съ улыбкою свѣтила
Заря, сходя на крайнюю ступень,
Какъ ясный лучъ надежды за могилой.

А между тѣмъ кипѣли суетой
Безпечно жители земного міра,
Поклонники съ заглохшею душой
Тщеславія бездушнаго кумира;
И только музыка звучала той порой,
Какъ бы съ небесъ заброшенная лира.

Я видѣлъ васъ! Прекрасная семья
Страдальцевъ, полныхъ чуднаго смиренья,
Вы собрались смотрѣть на западъ дня,
Природы тихое успокоенье,
Во взорѣ ясномъ радостно храня
Всепреданность святому Провидѣнью.

Я видѣлъ васъ въ бесѣдѣ вашихъ женъ,
Я видѣлъ ихъ! Страдалицы святыя
Перенесли тяжелый жизни сонъ!...
Но имъ чужды проклятія земныя,
Любовь, смиренье, вѣру только онъ
Имъ нашепталъ въ минуты роковыя.

Я видѣлъ васъ, и думалъ: проблескъ дня,
Исполненный святого упованья,

Поля въ лучахъ вечерняго огня
И музыки и громъ, и замиранье —
Не для дѣтей земного бытія, —
Для васъ однихъ, очищенныхъ въ страданьи.

И ты, поэтъ съ прекрасною душой,
Съ душою свѣтлою, какъ лучъ денницы,
Былъ тутъ, — и я на вашъ союзъ святой,
Далеко отъ людей докучливой станицы,
Смотрѣлъ, не зналъ, что дѣлалось со мной —
И вотъ слеза пробилась на рѣсницы.

Моя молитва.

Молю тебя, святое Бытіе, —
Дай силу мнѣ отвергнуть искушенья
Мірскихъ суетъ, желаніе мое
Укрыть отъ бурь порочнаго волненья
И духъ омыть волною очищенья.

Дай силу мнѣ трепещущей рукой
Хоть край поднять нѣмого покрывала,
На истину надѣтаго тобой,
Чтобы душа, смиряясь, созерцала
Величіе предвѣчнаго начала.

Дай силу мнѣ задуть въ душѣ моей
Огонь себялюбиваго желанья,
Любить, какъ братьевъ, какъ себя — людей,
Любить тебя и всѣ твои созданья, —
Я буду твердъ подъ ношею страданья.

* * *

Среди могилъ я въ часъ ночной
Брожу одинъ съ моей тоской,
Съ вопросомъ тайнымъ на устахъ
О томъ, что̀ духъ, о томъ, что̀ прахъ,
О томъ, что̀ жизнь и здѣсь, и тамъ,
О всемъ, что̀ такъ безвѣстно намъ.
Но безотвѣтенъ предо мной
Крестовъ надгробныхъ темный строй;
Безмолвно кости мертвецовъ
Лежатъ на днѣ своихъ гробовъ,
И мой вопросъ не разрѣшенъ,
Стоитъ загадкой грозной онъ.

Среди могилъ еще одна
Разрыта вновь — и вотъ она
Недавній трупъ въ себя взяла.
Еще вчера въ немъ кровь текла,
Дышала грудь, душа жила;
Еще вчера моимъ отцомъ
Его я звалъ — сегодня въ немъ

Застыла кровь, жизнь замерла,
И гдѣ душа, куда ушла?
Боялась робкая рука
Коснуться трупа хоть слегка,—
Такъ страшенъ холодъ мертвеца,
Такъ блѣдность мертваго лица,
Закрытый взоръ, сомкнутый ротъ
Наводятъ страхъ на умъ. А вотъ
И гробъ, и тѣло въ немъ
Закрыто крышкой и гвоздемъ
Три раза крѣпко по бокамъ
Заколочено... Душно тамъ,
Въ могилѣ душно подъ землей...
Ничтожество!... О, Боже мой,—
Ничтожество! И вотъ конецъ,
И вотъ достойнѣйшій вѣнецъ
Тому, кто силенъ мыслью жилъ,
И кто желалъ и кто любилъ,
Страдалъ и чувствовалъ въ свой вѣкъ
И гордо звался — человѣкъ!

А я любилъ его. Межъ мной
И имъ таинственной рукой
Любви завязанъ узелъ былъ.
Отецъ! о, я тебя любилъ!
Скажи жъ, мертвецъ, скажи же мнѣ,
Что̀ есть душа? И въ той странѣ
Живешь ли ты? Нашелъ ли тамъ
Ты мать мою? Пришлось ли вамъ

Обняться снова и любить?
И вѣчно ль будете вы жить?

Сомнѣнье вѣчно! Знанья нѣтъ!
Все сумерки... Когда же свѣтъ?
Сомнѣнье! Боже, какъ я малъ,
Ничтоженъ! Тотъ, Кто умиралъ
Когда-то на крестѣ, — страдалъ —
А вѣрилъ. Я не вѣрю, я —
Сомнѣнья слабое дитя...
О нѣтъ, я вѣрю, вѣрю. Нѣтъ!
Я знаю! Для меня есть свѣтъ, —
Я знаю — вѣчная душа,
Одною мыслію дыша,
Мѣняя формы, все живетъ,
Изъ вѣка въ вѣкъ она идетъ
Все лучше, лучше, и съ Тобой
Въ одно сольется, Боже мой!

Маріи, Александру и Наташѣ.

Благодарю Тебя, о Провидѣнье,
Благодарю, благодарю Тебя,
Ты мнѣ дало чудесное мгновенье,
Я дожилъ до чудеснѣйшаго дня.
Какъ я желалъ его! Въ душѣ глубоко
Я, какъ мечту, какъ сонъ, его ласкалъ —
Сбылась мечта, и этотъ мигъ высокій
Я не во снѣ, я на-яву узналъ.
Любовь и дружба — вы теперь со мною,
Теперь вы вмѣстѣ, вмѣстѣ у меня —
О, Боже мой, я радостной слезою
Благодарю, благодарю Тебя,
Благодарю! О, съ самаго рожденья
Ты два зерна мнѣ въ душу посадилъ,
И вотъ я два прекрасныя растенья
Изъ нихъ, мой Боже, свято возрастилъ.
Одно — то дубъ съ зелеными листами,
Высокій, твердый: гордою главой
Онъ съединился дивно съ небесами
И тѣнь отрадно бросилъ надъ землей.

Другое — то роскошное явленье,
То южныхъ странъ душистое дитя,
Магнолія — вѣнецъ всего творенья...
О, Боже мой, благодарю Тебя!
Любовь и дружба, вы теперь со мною!
Друзья! такъ обнимите же меня!
Вотъ вамъ слеза, пусть этою слезою
Вамъ скажется, что ощущаю я...

Пѣсня.

— Ты откуда, туча, туча,
Пролетаешь надъ горой?
Не встрѣчался ли могучій
Воинъ гдѣ-нибудь съ тобой?
Свѣжъ, какъ утро молодое,
Прямъ, какъ тополь средь полей,
Смѣлъ, какъ левъ въ отвагѣ боя,
Конь его тебя быстрѣй
Пролетаетъ средь степей? —

Туча мрачно отвѣчала:
«Нѣтъ, его я не видала.»

Плачетъ дѣва надъ рѣкой:
«Ахъ, ему я говорила,
Не ходи, мой милый, въ бой,
Не бросай своей ты милой.
Иль милѣй тебѣ война
Тайныхъ въ полночи свиданій,
Съ дѣвой сладостнаго сна,

Съ дѣвой пламенныхъ лобзаній?
Но коня онъ осѣдлалъ
И на битву ускакалъ.»

— Ты отколь летишь, орлица?
Не видала ли порой —
Въ блескѣ утренней денницы
Скачетъ воинъ молодой?
Гордо смотритъ подъ чалмою,
Нѣтъ усовъ его чернѣй,
Брови высятся дугою,
И еще твоихъ очей
Очи воина ярчѣй? —

И орлица отвѣчала:
«Нѣтъ, его я не видала.»

Плачетъ дѣва надъ рѣкой:
«Ахъ, ему я говорила,
Не ходи, мой милый, въ бой,
Не бросай своей ты милой,
И когда взойдетъ луна,
Сонъ мы стражи околдуемъ,
Ты придешь на ложе сна,
Ты придешь за поцѣлуемъ.
Но коня онъ осѣдлалъ
И на битву ускакалъ.»

— Ты отколь въ пути летучемъ,
Буря, мчишься надо мной?

Буря! съ витяземъ могучимъ
Не встрѣчалась ли порой?
Пылко сердце молодое,
Нѣтъ любви его жарчѣй,
Онъ спѣшитъ на праздникъ боя,
Конь его тебя быстрѣй
Пролетаетъ средь степей. —

Буря съ свистомъ отвѣчала:
«Въ полѣ мертваго видала.»

Плачетъ дѣва надъ рѣкой:
«Ахъ! ему я говорила,
Не ходи, мой милый, въ бой,
Не бросай своей ты милой.
Унесла его война!
Не дождусь его лобзанья!
Такъ умчи жъ меня, волна,
Къ другу, къ другу на свиданье.»

И надъ трупомъ злобный валъ
Бѣлой пѣной заплескалъ.

Е. Г. Л.

Я съ юныхъ лѣтъ зналъ тяжкія гоненья
И, истины въ душѣ смиренный жрецъ,
Изъ рукъ ея, въ залогъ благословенья,
Я получилъ страдальческій вѣнецъ.
Я отчужденъ былъ отъ моихъ собратій
Въ глухихъ стѣнахъ безжалостной тюрьмы;
Но отъ молвы и отъ ея проклятій
Уже тогда меня спасали вы.
Уже тогда вы, юному страданью
Сочувствуя прекрасною душой,
Смягчали скорбь и горечь испытанья
Таинственно, невѣдомой рукой.
И съ той поры всегда, какъ добрый геній,
Носились вы надъ жизнію моей,
И длили жаръ высокихъ вдохновеній,
Вводя меня въ семью моихъ друзей.
Благодарю! Вы много мнѣ послали
Минутъ святыхъ въ моемъ пути земномъ,
И вы не разъ свѣвали мнѣ печали,
Мой скорбный духъ давившія свинцомъ.

Теперь васъ нѣтъ. Мнѣ не было судьбою
Васъ знать дано, — а я мечталъ не разъ,
Какъ хорошо мы братственной толпою
Когда-нибудь стѣснились бы вкругъ васъ.
Теперь васъ нѣтъ! Васъ ждалъ удѣлъ высокій,
Теперь вы тамъ — вы ангелъ въ небесахъ;
И, можетъ быть, изъ области далекой
Вы видите меня въ земныхъ краяхъ.
Смотрите! Вамъ душа моя открыта,
Теперь печаль живетъ уныло въ ней,
По васъ она вся трауромъ покрыта,
Груститъ, какъ сынъ о матери своей.
О, вы меня съ небесъ своихъ призрите,
Пошлите миръ душѣ въ тяжелый часъ
И тихо вы меня благословите,
Какъ я теперь благословляю васъ.

Тучкову.

(21-го іюля.)

Я знаю, другъ, что значитъ слово мать,
Я знаю — въ немъ есть міръ любви чудесный,
Я знаю — мать прискорбно потерять
И сиротой докончить путь безвѣстный.
Я матери лишился съ дѣтскихъ лѣтъ,
И нѣтъ ея въ моемъ воспоминаньи,
Но сколько разъ, забывъ земной нашъ свѣтъ,
Носился къ ней я въ пламенномъ желаньи!
И знаешь, другъ, — душѣ въ ея скорбяхъ
Есть тайное, святое утѣшенье
Знать, что душа родная въ небесахъ
Ее хранитъ и въ горѣ, и въ смятеньи.
И вотъ, когда вечернею порой
Ты взглянешь вдругъ на небо голубое —
Подумаешь: вотъ матери родной
Съ любовью тѣнь несется надо мною.
И вотъ, когда толпу людей пустыхъ
Вдругъ оскорбилъ въ порывѣ благородномъ
Ты правды чистой голосомъ свободнымъ, —
Тебѣ не страшны будутъ козни ихъ:
Вѣдь на тебя изъ горняго селенья
Взираетъ мать съ улыбкой одобренья.

На могилѣ друга.

(Посвящено іерею Михаилу.)

Я посѣтилъ твою могилу,
Твой юный прахъ благословилъ,
И вспомнилъ: нѣкогда таила
Твоя душа въ избыткѣ силъ
Зерно высокихъ помышленій,
И полный сильныхъ убѣжденій
Его ты въ колосъ возрастилъ.
Но бурей вдругъ перенесенный
Въ страну безплодную степей,
Какъ злакъ на почвѣ раскаленной
Сгораетъ, — такъ въ огнѣ скорбей,
Такъ въ пламени негодованья
Сгорѣлъ и ты въ твоемъ изгнаньи
Межъ чуждыхъ для тебя людей.

И вотъ, когда служитель Бога
Среди разбросанныхъ могилъ
Къ твоей мнѣ указалъ дорогу —
Твой прахъ слезой я оросилъ

И далъ въ твое воспоминанье
Меня приведшему лобзанье:
Какъ я, и онъ тебя любилъ...
И вѣрилъ въ это я мгновенье,
Что ты насъ свыше увидалъ
И неземное утѣшенье
Въ любви друзей твоихъ узналъ.
А мы домой пошли угрюмо
И каждый молча грустной думой
Твой ликъ забытый воскрешалъ.

Твой черный крестъ — символъ страданья
И примиренія символъ —
Навѣкъ въ моемъ воспоминаньи
Черту глубокую провелъ.
Теперь уже изъ нѣдръ могилы
Тебя спасительною силой
Къ духовной жизни онъ возвелъ.

Ночь.

Тихо въ моей комнаткѣ
И кругомъ все спитъ,
Свѣчка одинокая
Предо мной горитъ.

Посмотрю ль въ окошечко —
Все темно кругомъ,
Не видать и улицы
Въ сумракѣ ночномъ.

Звѣздочки попрятались,
На небѣ темно,
Тучами подернулось
Черными оно.

Вѣтеръ воетъ жалобно
Подъ моимъ окномъ,
И метель суровая
Все стучитъ по немъ.

Страшно мнѣ смотрѣть туда,
Въ сумрачную даль,
И ложится на душу
Тайная печаль.

Тихо въ моей комнаткѣ
И кругомъ все спитъ,
Свѣчка одинокая
Предо мной горитъ.

Молдаваны.

Ночь луною озарило,
Подъ снѣгами спитъ земля,
И бѣлѣются уныло
Безконечныя поля.
Ѣдемъ... тройка удалая
Снѣгъ копытами мететъ,
И ямщикъ, кнутомъ махая,
Пѣсню грустную поетъ.
У дороги, средь поляны,
Разложенные костры;
Кочевые молдаваны
Здѣсь раскинули шатры.
Собрался передъ огнями
Отвратительной толпой
Съ распущенными власами
Рядъ старухъ полунагой;
И на палку опираясь,
Въ хитрыхъ замыслахъ, старикъ,
Молча, злобно улыбаясь,
Головой на грудь поникъ;

Дѣти въ рваномъ одѣяньи
И съ запачканнымъ лицомъ
Съ крикомъ просятъ подаянья,
Обступивъ меня кругомъ.
Стала тройка удалая
И испуганно храпитъ:
Молдаванка молодая,
Смуглоликая стоитъ,
Освѣщенная огнями,
Освѣщенная луной,
Съ ярко-черными глазами
И разметанной косой.
Хочетъ смуглою рукою
Руку взять мою она
И сказать, какой судьбою
Жизнь моя надѣлена.
Прочь, коварная смуглянка!
Ну, ямщикъ, пошелъ живѣй!
Страшно очи молдаванки
Блещутъ въ сумракѣ ночей.

Зимняя ночь.

Ночь темна, вѣтеръ въ улицѣ дуетъ широкой,
Тускло свѣтитъ фонарь, снѣгъ мѣшаетъ идти.
Я усталъ! а до дому еще такъ далеко...
Дай къ столбу прислонюсь, отдохну на пути.

Что за домикъ печально стоитъ предо мною!
Полуночники люди въ немъ, видно, не спятъ;
Есть огонь, заболтались, знать, поздней порою!
Вонъ двѣ свѣчки на столикѣ дружно горятъ.

А за столикомъ сидя старушка гадаетъ...
И объ чемъ бы гадать ей на старости дней?...
Возлѣ женщина тихо младенца качаетъ;
Видно, мать! Сколько нѣжности въ взорѣ у ней!

И какъ милъ этотъ ангелъ, малютка прелестный!
Онъ съ улыбкой заснулъ у нея на рукахъ;
Можетъ, сонъ ему снится веселый, чудесный,
Можетъ, любо ему въ его дѣтскихъ мечтахъ.

Но старушка встаетъ, на часы заглянула,
Съ удивленьемъ потомъ потрясла головой,
Вотъ цѣлуется, крестится и будто вздохнула...
И пошла шагъ за шагомъ дрожащей стопой.

Свѣчки гасятъ, и въ домѣ темно уже стало,
И фонарь на столбѣ догорѣлъ и погасъ...
Видно, въ путь ужъ пора, ночь глухая настала.
Какъ на улицѣ страшно въ полуночный часъ!

А старушка недолго побудетъ на свѣтѣ!
И для матери будетъ сѣдинъ череда,
Развернется младенецъ въ плѣнительномъ свѣтѣ,—
Ахъ, Богъ вѣсть, я и самъ живъ ли буду тогда.

Sérénade.

Пѣснь моя летитъ съ мольбою
Тихо въ часъ ночной.
Въ рощу легкою стопою
Ты приди, другъ мой.
При лунѣ шумятъ уныло
Листья въ поздній часъ,
И никто, о другъ мой милый,
Не услышитъ насъ.
Слышишь, въ рощѣ зазвучали
Пѣсни соловья;
Звуки ихъ, полны печали,
Молятъ за меня.
Въ нихъ понятно все томленье,
Вся тоска любви,
И наводятъ умиленье
На душу они.
Дай же доступъ ихъ призванью
Ты къ душѣ своей,
И на тайное свиданье
Ты приди скорѣй!

Разладъ.

Есть много горестныхъ минутъ,
Томится умъ, и сердцу больно,
Недоумѣнія растутъ,
И грудь стѣсняется невольно.
Въ душѣ вопросовъ длинный рядъ,
Все тайна — нѣту разрѣшенья,
Съ людьми, съ самимъ собой разладъ,
И душатъ горькія сомнѣнья.
Но все-жъ на днѣ души больной
Есть вѣра съ силою могучей...
Такъ солнце бурною порой
Спокойно свѣтитъ изъ-за тучи.

Прощанье съ краемъ, откуда я не уѣзжалъ.

Прощай, прощай, моя Россія!
Еще недолго — и ужъ я
Перелечу въ страны чужія,
Въ иные, свѣтлые края.
Благодарю за день рожденья,
За ширь степей и за зиму,
За сердцу сладкія мгновенья,
За горькій опытъ, за тюрьму,
За благородныя желанья,
За равнодушіе людей,
За грусть души, за жажду знанья,
И за любовь, и за друзей, —
За все блаженство, всѣ страданья;
Я все люблю, всѣ святы мнѣ
Твои, мой край, воспоминанья
Въ далекой будутъ сторонѣ.
И о тебѣ не разъ вздохну я,
Вернусь — и съ теплою слезой
На небо сѣрое взгляну я,
На степь подъ снѣжной пеленой...

Nocturno.

Волна течетъ, волна шумитъ,
И лодка при лунѣ,
Махая веслами, бѣжитъ
И плещетъ по волнѣ.
И въ каждомъ брызгѣ отъ весла
Мерцаетъ свѣтъ луны,
И по рѣкѣ, гдѣ лодка шла,
Еще слѣды видны.

Кругомъ все тихо, берегъ спитъ...
Но кто же въ лодкѣ той
Въ плащѣ задумчиво стоитъ
Съ открытой головой?
Развиты кудри, блѣденъ видъ
Печальнаго лица,
Весь самъ въ себѣ, и не глядитъ
На стараго гребца.

Онъ все глядитъ туда, туда
На дальній небосклонъ.
И если падаетъ звѣзда,
Тогда въ раздумьи онъ
Качаетъ грустно головой,
Вздыхаетъ тяжело,
Какъ-будто бы ему съ собой
Сравненье въ мысль пришло.

Ахъ, видно, много онъ страдалъ
И много онъ любилъ,
И много горя въ жизни зналъ
И счастья схоронилъ...
Волна течетъ, волна шумитъ,
И лодка при лунѣ,
Махая веслами, бѣжитъ
И плещетъ по волнѣ.

* * *

Старикъ.

Постой! не рви цвѣтка, дитя, —
Онъ украшеніе могилы;
Здѣсь схоронилъ когда-то я
Все, что душѣ такъ близко было. —
Я испугалъ тебя,—прости!
Вотъ ты и плакать ужъ готова...

Дѣвочка.

Нѣтъ! ты сердитъ—пусти, пусти!

Старикъ.

Ну полно! улыбнись же снова.
Дай ручку мнѣ.

Дѣвочка.

А дашь цвѣтокъ?

Старикъ.

Онъ дорогъ мнѣ.

Дѣвочка.

Ты скупъ.

Старикъ.

Малютка!
Не скупъ, а грустенъ, одинокъ...
Тебѣ пока еще все шутка, —
Отраденъ блескъ твоихъ очей
И щечки съ краскою живою,
И русый шелкъ твоихъ кудрей
Не заплетенъ еще косою.
Я старъ и сѣдъ, мой взглядъ угрюмъ,
Наморщенъ лобъ отъ горькихъ думъ.
Ты — утро съ свѣжими лучами,
Какъ этотъ грустный вечеръ — я...
Мой свѣтъ угасъ, мое дитя.
Кругомъ все насыпи съ крестами,
Да ветхій храмъ; тамъ степь, — ручей
Шумитъ у ногъ струей печальной,
Уныло свищетъ соловей,
Тоскуетъ отголосокъ дальній,
И на душѣ у старика
Все безконечная тоска...

Дѣвочка.

Что жъ это, дѣдушка, съ тобою?
Вотъ у отца родная мать, —
Стара какъ ты, больна порою,
А грусти въ ней и не видать.
Когда смеркаться начинаетъ, —
Передъ избой, по вечерамъ,
Все сказки сказываетъ намъ
И, какъ дитя, съ дѣтьми играетъ.

Старикъ.

Да у нея есть ты, есть сынъ,—
Все есть, дитя, что сердцу мило;
Но въ цѣломъ мірѣ я одинъ,
Что я любилъ — взяла могила.
Цвѣтокъ — мнѣ другъ. Одно и то же
Мы оба любимъ; я, какъ онъ,
Приросъ къ могилѣ... Но, мой Боже!
Я этой жизнью утомленъ;
На отдыхъ, къ нимъ, душа желаетъ, —
Страдальца Богъ не прибираетъ.

Старикъ умолкъ, поникъ главой;
Дитя цвѣтка просить не смѣетъ,
Уходитъ тихо и душой
О старикѣ еще жалѣетъ;
И сердце дѣтское полно
Тревогой тайною впервые,
И смутно чувствуетъ оно
Страданья, имъ непонятыя...
Погасъ послѣдній блескъ лучей,
Ночная тьма надъ степью дальней,
Уныло свищетъ соловей,
Шумитъ ручей струей печальной —
И на душѣ у старика
Все безконечная тоска.

Осень.

Когда осеннею порою
Холоднымъ воздухомъ пахнетъ,
И тучи сѣрой пеленою
Угрюмо въ небѣ разовьетъ,
И тускло станетъ днемъ печальнымъ,
И стелется туманъ кругомъ,—
Люблю я ѣхать лѣсомъ дальнимъ,
Шагъ за шагъ, на конѣ верхомъ, —
А конь шумитъ, по листьямъ сбитымъ
Ступая кованымъ копытомъ.

Люблю я слушать вѣтра свистъ,
Слѣдить его опустошенья,
Смотрѣть, какъ рвется желтый листъ,
И слушать шумъ его паденья.
Тогда лишь воронъ средь лѣсовъ
Живетъ въ безмолвьи одинокомъ;
Услыша съ дуба звукъ шаговъ,
Глядитъ кругомъ онъ зоркимъ окомъ,
Махаетъ крыльями, и вдругъ
Въ глуши скрываетъ свой испугъ.

Все такъ печально, такъ уныло,
Все такъ прощается со мной
И говоритъ, что ужъ отжило...
Воспоминанье той порой
Весну мнѣ прежнюю рисуетъ,
Мечта несется къ старинѣ,
И сердце любитъ и тоскуетъ,
И грустно такъ бываетъ мнѣ,
И воскресаютъ изъ забвенья
Былые люди и видѣнья.

Рыбачка.

(Изъ Гейне.)

Прекрасная рыбачка,
Причаль свою ладью,
Приди и сядь со мною,
Дай руку мнѣ свою.
Не бойся, и головкой
Склонись на сердце мнѣ,
Ты жъ на морѣ безпечно
Ввѣряешься волнѣ.
Что море — мое сердце,
То тихо, то кипитъ,
И свѣтлыхъ въ немъ немало
Жемчужинокъ лежитъ.

Ея портретъ.

(Изъ Гейне.)

Стоялъ я въ мрачной думѣ
И на портретъ глядѣлъ,
И милый ликъ, казалось,
Жизнь тайную имѣлъ.
Чудесная улыбка
Явилась на устахъ
И грустно двѣ слезинки
Блеснули на глазахъ.
И слезы по ланитамъ
Лилися у меня,
И не могу я вѣрить,
Что потерялъ тебя.

Изъ Гейне.

Звѣзды съ ножками златыми
Ходятъ робкою стопой,
Разбудить боятся землю,
Что заснула въ тьмѣ ночной.

Лѣсъ стоитъ, вниманья полный,
Чутко листъ зеленый спитъ;
Отъ горы, какъ-будто призракъ,
Тѣнь угрюмая лежитъ.

Но что слышу, что за звуки
Отдались въ душѣ моей?
Голосъ ли то дѣвы милой
Или только соловей?

Изъ Фауста.

I.

Тюрьма. Въ стѣнѣ образъ всескорбящей Божіей Матери. Передъ нимъ кружка съ цвѣтами.

Гретхенъ (ставитъ свѣжіе цвѣты въ кружку).

Воззри, ты,
О всескорбящая,
На скорби сердца моего!

Съ сердечной мукой
Въ тоскѣ взираешь
На смерть ты сына твоего.

Къ отцу взираешь,
И все вздыхаешь
И за себя, и за него.

Кто пойметъ,
Какъ жжетъ
Все тѣло мнѣ тоской?

Какъ сердце бѣдное страдаетъ,
О чемъ трепещетъ, какъ желаетъ —
Открыто для тебя одной.

Куда ни йду — тоскою,
Тоской, тоской одною
Вся грудь моя полна;
Останусь ли одна —
Слеза все льется, льется, льется,
А сердце такъ и рвется.

Я стекла у окошка
Слезами орошала,
Когда по утру рано
Цвѣты тебѣ срывала.

Когда лучи дневные
Въ окно мнѣ заблестѣли,
Ужъ я, полна мученій,
Сидѣла на постели.

Спаси! не дай мнѣ смерть, не дай позоръ!
Склони, ты,
О всескорбящая,
На скорбь мою пречистый взоръ!

II.

Церковь. Служба; органъ; хоръ. Гретхенъ въ толпѣ. Злой духъ позади Гретхенъ.

Злой духъ.

О, такъ ли, Гретхенъ, прежде
Невинная стояла
Ты здѣсь предъ алтаремъ?
По старой книжечкѣ молитвы
Ты лепетала —
Порой забавы,
Порой Богъ въ сердцѣ.
Гретхенъ!
Гдѣ голова твоя?
А въ сердцѣ скрыто
Какое преступленье?
Ты молишься ль за душу матери,
Что́ ты для долгой, долгой муки усыпила,
Чей кровью твой порогъ облитъ?
И у тебя подъ сердцемъ
Не движется ли что?
Не мучитъ ли тебя, себя
Пророческимъ присутствіемъ?

Гретхенъ.

О, горе мнѣ!
Какъ отогнать мнѣ думы,
Что бродятъ въ головѣ
Невольно?

Хоръ.

Dies irae, dies illa
Solvet saeclum in favilla. (Органъ звучитъ.)

Злой духъ.

О, горе тебѣ!
Гласъ трубный несется,
И гробы трясутся!
И сердце твое,
Изъ пепла возникнувъ
На вѣчное пламя,
Трепещетъ.

Гретхенъ.

О, какъ бы уйти!
Органъ этотъ будто
Дышать мнѣ мѣшаетъ;
Отъ пѣнія сердце
Въ груди замираетъ.

Хоръ.

Judex ergo cum sedebit,
Quidquid latet adparebit,
Nil inultum remanebit.

Гретхенъ.

О, душно мнѣ!
Колонны эти
Тѣснятъ меня,
Тяжелый сводъ
Гнететъ меня...
На воздухъ!

Злой духъ.

Сокройся! Грѣхъ и стыдъ
Не остаются въ тайнѣ.
Какъ? — воздухъ? свѣтъ?
О, горе тебѣ!

Хоръ.

Quid sum miser tunc dicturus?
Quem patronum rogaturus?
Cum vix justus sit securus.

Злой духъ.

Отъ грѣшницы лицомъ
Святые отвращаются,
И руку дать тебѣ
Пречистые гнушаются.
Горе!

Хоръ.

Quid sum miser tunc dicturus?

Гретхенъ.

Сосѣдка! вашу стклянночку! (Падаетъ въ обморокъ.)

1841 — 1845.

* *
*

Тебѣ я счастья не давалъ довольно,
Во многомъ я тебя не понималъ,
И мучилъ я тебя и самъ страдалъ...
Теперь я ѣду, другъ мой! сердцу больно...
И я съ слезой скажу тебѣ — прощай!

Никто тебя такъ не любилъ глубоко...
И я молю тебя: ты вспоминай
Меня, мой другъ, безъ желчи, безъ упрека,
Минутамъ скорбнымъ ты забвенье дай
И помни лишь, что я любилъ глубоко
И съ грустію сказалъ тебѣ — прощай!

Теперь блуждать въ странѣ я стану дальней!...
Мнѣ тяжело. Еще лѣта мои
Такъ молоды; но въ жизни я печальной
Растратилъ много вѣры и любви.
Живу я большей частью одиноко,
Все самъ въ себѣ. Но ты не забывай,
Что я, мой другъ, тебя любилъ глубоко
И съ грустію сказалъ тебѣ — прощай!...

* *
*

Туманъ упалъ на снѣгъ полей
И утро дышитъ холодно,
И въ небѣ солнце безъ лучей
Стоитъ, какъ блѣдное пятно.

И горе страннику, чей взоръ
Не видитъ далѣ — близорукъ —
И чьи уста твердятъ укоръ,
Кто духомъ палъ подъ ношей мукъ.

Но вѣрю я, что тамъ лежитъ
Безбрежно-тихій, теплый край,
Гдѣ солнце яркое блеститъ,
Цвѣтетъ и дышитъ вѣчный май.

Сквозь мглу унылую смотрю, —
Душѣ ясна иная даль,
И Бога я благодарю
И за туманъ, и за печаль.

* * *

Когда среди людей стою я одинокъ
И взоръ нечаянно встрѣчаетъ въ нихъ собраньи
Красавицу — едва раскрывшійся цвѣтокъ,
Граціозно-легкое, роскошное созданье, —
Мнѣ вдругъ становится такъ страшно за нее!
Я думаю — какъ локонъ русый посѣдѣетъ,
Чело наморщится, согнется станъ ея,
Померкнетъ ясный взоръ и жизнь оцѣпенѣетъ...
И мало ли съ чего намъ можно постарѣть!
Есть тайная тоска, съ нея старѣютъ рано;
И мало ли съ чего намъ можно умереть!
Есть скорби тайныя, съ нихъ умираютъ рано.

Изъ альбома Е***.

I.

Я поздно легъ, усталый и больной,
Тревожимый моей печальной жизнью;
Но тихо сонъ сомкнулъ мои глаза...
И вотъ внезапно я себя увидѣлъ
Среди ея семьи. Кругомъ стола
Мы всѣ въ большой сидѣли залѣ,
Она сидѣла близъ меня. Невольно
Встрѣчались наши взоры; трепетно
Касалися другъ-друга наши руки.
Семья ея смотрѣла на меня
Съ учтивостью какою-то холодной.
Потомъ всѣ уходили понемногу,
Я наконецъ остался съ ней одинъ.
И нѣжно мы глядѣли другъ на друга.
Склонясь ко мнѣ головкою, она
Сказала, что давно меня ужъ любитъ...
Я чувствовалъ, какъ по щекѣ моей
Скользитъ ея развитый мягкій локонъ,
Уста коснулись устъ, мы обнялись
И плакали, блаженствуя въ лобзаньи.

Потомъ опять мы оба чинно сѣли,
Пришли ея родные и на насъ
Смотрѣли косо. Но что могъ значить намъ
Ихъ скрытый гнѣвъ? Мы такъ глубоко жили
Всей безконечной полнотой любви...
Проснулся я, и вѣрить сну хотѣлось,
И радъ я былъ, какъ глупое дитя,
И зналъ, что это невозможно...

II.

Я сорвалъ вѣтку кипариса
Съ могилы женщины святой,
И слезы теплыя лилися,
И духъ исполнился мольбой.

И тѣнь ея на помощь звалъ я
И, изнывая въ скорби, ей
Тревожно тайну повѣрялъ я
Любви тоскующей моей.

И преклоняясь надъ могилой,
Молилъ, чтобъ изъ страны иной
Мою любовь благословила
Она невидимой рукой.

И скорби сердца улеглися;
Я вѣры тайной полонъ былъ,
И тихо вѣтку кипариса
Я въ книгу эту положилъ.

III.

Залогъ блаженства въ жизни скучной,
Залогъ спасенія отъ мукъ,
Ношу съ собой я безотлучно
Вашъ даръ, работу вашихъ рукъ.

Еще съ собой ношу всегда я
Всѣ тѣ страницы, что ко мнѣ
Шутя писали вы, не зная,
Какъ драгоцѣнны мнѣ онѣ.

Еще ношу я, какъ святыню,
Вашъ образъ въ памяти моей
И оживляю имъ пустыню
Моихъ безплодно-длинныхъ дней.

IV.

Вчера я въ церковь dell' Annunziata
Пришелъ. Была вечерняя молитва.
Монахи пѣли и гремѣлъ органъ;
Подъ темнымъ сводомъ звуки сотрясались
Таинственно. Толпились люди, тихо
И набожно колѣна преклоняя.
Я сталъ у ногъ знакомой мнѣ статуи
И очи поднялъ къ ней съ любовью грустной.
Свѣтъ падалъ на нее задумчиво
Сквозь окнъ купола. Надъ ней носился
Духъ Божій въ видѣ голубиномъ.
И мнѣ казалося, что кто-то свыше
Меня благословляетъ. Что хотѣлъ
Въ ней выразить художникъ неизвѣстный?
Не знаю. Ключъ у ней въ рукѣ, у ногъ
Ея собачка съ умнымъ, добрымъ взглядомъ.
Казалось мнѣ, собачка на меня
Смотрѣла будто съ ласкою печальной.
Быть можетъ, что она внутри меня
Любви читала повѣсть и жалѣла.

А статуя взирала только къ небу.
Звала ль меня? Сулила ли блаженство
Или меня замѣтить не хотѣла?...
Такъ вашей жизнью я одушевлялъ,
Въ безумiи, нѣмое изваянье;
Искалъ любви и знать судьбу хотѣлъ,
И горько насмѣхался надъ собою!
Въ то время дѣвочка, ребенокъ милый,
Взошла и стала возлѣ на ступени
И глазками невинными смотрѣла
На статую. А я благодарилъ
Внутри души прекраснаго ребенка
За симпатiю. Послѣ сталъ я долго,
Внимательно разсматривать лицо
И находить все, что на васъ похоже,
И что не такъ. И вы такъ живо, полно,
Въ моемъ воображеньи создались,
Что я забылся, не хотѣлъ уйти...
Мнѣ хорошо на этомъ мѣстѣ было.
Но смолкъ органъ, народъ сталъ расходиться,
Дѣйствительность разрушила мой сонъ,
И медленно пошелъ я, скорбнымъ взоромъ
Со статуей прощаяся до завтра.

V.

Въ тиши ночной аккордъ печальный
Тревожитъ миръ души моей,
Какъ-будто отголосокъ дальній
Былого счастья, лучшихъ дней.

Опять тоска, опять стремленья,
И страсть, и скорбь проснулись вновь,
Опять нѣтъ вѣры въ сновидѣнья,
Опять мучительна любовь.

О, если бъ вамъ въ отчизнѣ дальней
Случайно, какъ-нибудь, во снѣ
Раздался мой аккордъ печальный —
Вы вспомянули бъ обо мнѣ?

И не любя, но сострадая,
Подумали бъ, какъ въ поздній часъ,
Подъ скорбный звукъ изнемогая,
Я втайнѣ думаю объ васъ?

Рейнъ.

Рейна широкаго воды зеленыя
Блещутъ въ ночной тишинѣ,
Свѣтомъ задумчивымъ луны золоченыя,
Льются и плещутъ онѣ.

Замковъ развалины, скалы пустынныя
Дремлютъ въ туманѣ ночномъ;
Вѣютъ таинственно саги старинныя
Въ ихъ запустѣньи глухомъ.

Люди могучіе, латы желѣзныя,
Копья, щиты и мечи,
Пѣсни влюбленныя, страстныя, нѣжныя,
Тихо воскресли въ ночи.

Слушаю, слушаю съ тайнымъ волненіемъ:
Пѣснь Лорелеи слышна!
Вотъ на верху скалы свѣтлымъ видѣніемъ,
Вижу, явилась она.

Очи лазурныя, русые волосы,
Ликъ, озаренный луной,
Звуки волшебные звонкаго голоса
Страстно владѣютъ душой.

Хочется броситься въ волны мнѣ мутныя,
Къ ней я плыву и тону,
Гибну — и сладко мнѣ, съ нѣгой безумною
Пью студеную волну.

Эмсъ.

Горы спятъ подъ дымкой
Легкаго тумана,
И волной лѣнивой
Звучно льется Лана.
Мѣсяцъ лучезарный
Свѣтитъ на вершины;
Тянутся безмолвно
Темныя долины.
Въ синевѣ небесной
Звѣзды блещутъ ясно;
Вѣтеръ притаился,
Ночь лежитъ безгласно.
Думы возникаютъ,
Да мольбы, да грезы;
На душѣ такъ полно,
Что катятся слезы.

Танталъ.

Вокругъ меня журчитъ струя,
Но до воды хочу лишь я
Коснуться жаркими устами,
Она ужъ льется прочь волнами;
Съ деревъ прибережныхъ ко мнѣ
Съ плодами вѣтви гнутся, гнутся,
Но лишь хочу сорвать, онѣ
Вдругъ зашумятъ и разогнутся,
И, насмѣхаясь въ вышинѣ,
Плоды далеко остаются.
И страшнымъ голодомъ томимъ,
И страшной жаждою палимъ,
Дышу тревожно я, дыханье
Мое — огонь, внутри горитъ,
Гортань суха, тоска томитъ,
И даже слезъ нѣтъ на страданье!
О! если бы когда-нибудь
Съ своихъ высотъ взглянули боги —
Какъ у меня ввалилась грудь,
Какъ исхудали руки, ноги,

Наружѣ ребра, желчина
Покрыла впалыя ланиты,
Глаза безумные открыты,
Ни день, ни ночь не зная сна, —
Имъ стало бъ жаль... Но, безъ вниманья
Къ моей страдальческой судьбѣ,
Они ѣдятъ и пьютъ себѣ,
Всегда довольны, безъ желанья.
А я томлюся день и ночь
И мукъ не въ силахъ превозмочь,
И въ вашъ Олимпъ недостижимый
Проклятье, боги, вамъ я шлю
За голодъ мой неутолимый,
За жажду вѣчную мою,
За то, что вы всегда въ покоѣ
И что мученье — жизнь моя,
И, наконецъ, проклятье вдвое
За то, что все-жъ безсмертенъ я!

Le Cauchemar.

Мой другъ! меня ужъ нѣсколько ночей
Преслѣдуетъ какой-то сонъ тревожный;
Встаетъ предъ взоромъ внутреннимъ очей
Насмѣшливо и злобно призракъ ложный,
И смутно такъ все въ головѣ моей,
Душа болитъ, едва дышать мнѣ можно,
И стынетъ кровь во мнѣ... Хочу я встать,
И головы не въ силахъ приподнять.

То Фаустъ вдругъ, безсмѣнною тоской,
Желаньемъ и сомнѣніемъ убитый,
Идетъ ко мнѣ задумчивой стопой
Съ погубленной, безумной Маргаритой;
И Мефистофель тутъ; на нихъ рукой
Онъ кажетъ мнѣ съ улыбкой ядовитой,
Другую руку мнѣ кладетъ на грудь —
Я трепещу и не могу дохнуть.

Потомъ я вдругъ Манфредомъ увлеченъ,
Тащитъ меня, твердя о преступленьи,

Которому давно напрасно онъ
У Бога и чертей просилъ забвенья...
Ужъ вотъ на край я бездны приведенъ.
Стремглавъ мы внизъ летимъ—и нѣтъ спасенья. .
Я замираю, и по тѣлу ледъ
Съ губительнымъ стремленіемъ идетъ.

Но вдругъ стоитъ принцъ Гамлетъ предо мной,
Стоитъ и хохотомъ смѣется дикимъ...
Безумный, нерѣшительный герой
Не могъ любить, ни мстить, ни быть великимъ,—
И говоритъ, что точно я такой
Съ характеромъ такимъ же блѣдноликимъ...
И я мечтой въ прошедшихъ дняхъ ношусь,
И самъ себѣ такъ гадокъ становлюсь...

Насилу сонъ слетѣлъ съ тяжелыхъ вѣкъ!...
Я Байрона и Гете начитался
И мнѣ дался Шекспировъ человѣкъ —
И только!... Въ жизни жъ я и не сближался
Съ ихъ лицами, да и не сближусь ввѣкъ.
Но холодъ долго въ тѣлѣ разливался,
И долго я еще не могъ вздохнуть,
И въ темные углы не смѣлъ взглянуть.

* *
*

Какъ звукъ, замолкнувшій безслѣдно,
Какъ пробѣжавшая струя,
Огонь, потухшій, вспыхнувъ блѣдно,
Исчезнетъ жизнь моя.

Но звукъ исполненъ былъ стремленья,
Кипѣла волею струя,
Въ огнѣ мелькнуло вдохновенье, —
И вотъ что жизнь моя!...

Пустой домъ.

Стоитъ опустѣлый
Большой бѣлый домъ;
Давно жить не хочетъ
Никто уже въ немъ.
Все въ домѣ безмолвно,
Пока длится день,
Но бродитъ тамъ ночью
Тревожная тѣнь.
Всѣ темныя залы
Обходитъ она,
И бѣлая въ мракѣ
Одежда видна.
Въ старинную спальню
Проходитъ потомъ:
Предъ стертой иконой
Мгновеннымъ огнемъ
Вспыхаетъ лампада,—
И видно, какъ тамъ
Клочками обои
Висятъ по стѣнамъ.

Тамъ брачное ложе
Осталось одно,
Надъ нимъ занавѣски
Слиняли давно.
Садится на ложе
Подъ ветхую сѣнь,
Садится и плачетъ
Печальная тѣнь,
И русой косою
Въ безмолвьи ночей
Слезу утираетъ
Съ потухшихъ очей.
Слыхалъ я о мертвой
Отъ старыхъ людей, —
Съ чего на томъ свѣтѣ
Покоя нѣтъ ей;
Слыхалъ, кто жестоко
Ей жизнь отравилъ,
Кто даже поминокъ
По ней не творилъ.

* *
*

Онъ ужъ былъ испытанъ
Жизнью да сомнѣньемъ,
Рѣчь его дышала
Злобой и презрѣньемъ.
Дѣва взоръ невинный,
Свѣтлая душою,
Къ небу устремила
Съ тихою мольбою.
Онъ, скрестивши руки,
Сталъ предъ ней угрюмый,
И глядѣлъ ей въ очи,
Полный горькой думой.

Ожиданіе.

Открылась даль, заря зажглась,
И море засверкало;
Свѣжа, какъ утро въ ранній часъ,
Она у водъ стояла.
«Сегодня срокъ, сегодня срокъ!
Корабль ужъ вѣрно недалекъ!»

А въ полночь тучи нанеслись
При воплѣ вѣтра дикомъ,
И чайки сѣрыя взвились
Надъ бурнымъ моремъ съ крикомъ.
Волна кипитъ, волна шумитъ...
«О, да Господь его хранитъ!»

Но снова буря улеглась,
Затихло море снова,
И вечеръ ясный мирно гасъ
На ткани бирюзовой.
Бѣлѣлся парусъ рыбарей...
«Мой милый другъ! скорѣй! скорѣй!»

Но вотъ звѣзда уже видна
И море темно стало;
Какъ ночь безлунная грустна,
Она у водъ стояла.
Не видно вдаль, волна растетъ...
«Корабль сегодня не придетъ!...»

Огаревъ — Грановскому.

Римъ, апрѣля $^{18}/_{6}$ (1843 г.).

Твое печальное посланье
Я принялъ къ сердцу, и опять
Въ святую даль воспоминанья
Я взоромъ началъ проникать, —
И стало грустно! Сквозь тумана
Безмолвно прошлое встаетъ;
Больнѣй и глубже сердце жжетъ
Незатворяемая рана!...
Зачѣмъ же скорбь, когда въ быломъ
Такъ много счастливыхъ мгновеній,
И свѣтлыхъ лицъ такъ много въ немъ,
И задушевныхъ впечатлѣній,
И свѣжей жизнь блеститъ красой —
Цвѣтокъ подъ утренней росой?
Иль только знаемъ въ горькой думѣ
О прошломъ мы, что нѣтъ его,
Что жизнь все гаже и угрюмѣй,
И впредь не видимъ ничего?
Иль все теперь иначе мѣримъ,

И въ прежнемъ счастьи, горѣ тожъ,
Обидную мы видимъ ложь
И даже прошлому не вѣримъ?
Мечтаній тщетныхъ грустный рядъ,
Надежды, полныя измѣны,
Да скорбныхъ нѣсколько утратъ,
Которымъ больше нѣтъ замѣны,—
Ужель изъ странствія сего
И все тутъ — больше ничего?
Ужель и вправду намъ осталось
Одно лишь только, чтобъ душа
Im Allgemeinen затерялась,
Для жизни личной не дыша?
Чтобъ мы бѣжали ежедневно
Отъ нашихъ чувствъ, отъ нашихъ грезъ,
Воспоминаній или слезъ,
Ото всего, что задушевно —
Затѣмъ, что стали мы стары
Въ томъ, что намъ лично, жить устали,
И насъ болѣзненной хандры
Волнуютъ смутныя печали?
Да ужъ и самый общій міръ
Не есть ли съ жизнью ложный миръ?
Не можетъ быть,— мы юны вѣчно,
И о быломъ твоя тоска
Не есть нисколько знакъ предтечный
Увядшей жизни старика.
Нѣтъ! скорбь надъ тяжкою утратой,
О прошломъ чувствѣ, прежнихъ дняхъ, —

Она любовь у насъ въ душахъ
Къ тому, что въ жизни было свято.
Когда же значила любовь
Не юность сердца? Изъ страданій
Для насъ спокойно встанетъ вновь
Чреда надеждъ и упованій!
Мой другъ, повѣрь, онѣ не лгутъ,—
Насъ много свѣтлыхъ ждетъ минутъ.
Но ты, въ столицѣ философской
Учившись съ молодыхъ годовъ,
Отрекся, можетъ быть, Грановскій,
Отъ дидактическихъ стиховъ.
Прости мнѣ ихъ! Я въ поученьи
Хотѣлъ утѣшить лишь тебя,
Какъ утѣшаю самъ себя
Среди тяжелаго волненья.
Я, можетъ, правъ, — да дѣло въ томъ,
Что жизнь-то мучитъ, и жалѣешь
Невольно пуще о былом,
Его болѣзненно лелѣешь,
Какъ мать безумная въ слезахъ
Съ младенцемъ мертвымъ на рукахъ.
Но мнѣ-то что жъ тужить такъ много
О прежнемъ? Свѣтлаго найти
Что́ я, скажи мнѣ ради Бога,
Могу на пройденномъ пути?
Что? Дружбу?... Но она есть вѣчность;
Она была, она и есть,
И не пройдетъ. Мы вмѣстѣ несть

Должны всю жизни безконечность.
Еще я тихимъ былъ дитей,
Когда она меня сыскала,
Взяла довѣрчивой рукой
И пріютила, приласкала,
И первый симпатіи мигъ
Навѣкъ всю жизнь мою проникъ.
Изъ всѣхъ же тѣхъ, что смертью взяты,
Я только матери моей
Глубоко чувствую утрату,
Хотя не зналъ ея.. Но въ ней
Привыкъ я видѣть, будто свыше
Мнѣ кто-то смотритъ въ жизни путь,
И какъ-то легче дышитъ грудь,
И скорби дѣлаются тише.
Привыкъ я съ мыслію о ней
Соединять еще мечтанье,
Что за предѣломъ жизни сей
Намъ будетъ новое свиданье...
Оно, быть можетъ, неумно,
Да такъ мнѣ чувствовать дано.
Воспоминанье жизни дальней
Не о любви ль мнѣ шлетъ печаль,
И стало череды печальной
Ошибокъ глупыхъ сердцу жаль?
Но укорять себя въ забвеньи,
Будить отжившую мечту
И видѣть прошлыхъ чувствъ тщету —
Все это, другъ мой, оскорбленье.

Кто виноватъ? Я ль не обрѣлъ
Того, чего искалъ такъ нѣжно?
Иль вѣтренъ былъ и только шелъ
За ложью прихоти мятежной?
Ужель во мнѣ лишь пышетъ кровь
И недоступна мнѣ любовь?
О, нѣтъ! Ошибки, увлеченье —
Во мнѣ не легкій пылъ въ крови,
Но задушевное стремленье,
Потребность истинной любви.
Что жъ дѣлать?... Жаль! Случайно рану
То въ жизни сердцу нанесло,
Что жизни быть вѣнцомъ могло...
Но вѣрить я не перестану!
То было суждено судьбой,
Смѣшно роптанье и безплодно!
А все-же къ двери гробовой
Я не приду съ душой холодной,
Сомнѣньямъ уха не склоню
И вѣру гордо сохраню.
Но пусть случайныхъ оскорбленій
Молчитъ болѣзненный языкъ,—
Ужъ нашихъ свѣтлыхъ отношеній
Имъ не одинъ отравленъ мигъ.
Мнѣ въ жизни жаль святыхъ мгновеній,
Когда проснулись всѣ мечты,
Такъ простодушны, такъ чисты,
Полны надеждъ и убѣжденій!
Мнѣ жалко радости былой

И даже прошлыхъ жалъ страданій,
Знакомыхъ мѣстъ, любимыхъ мной,
И нашихъ кунцевскихъ скитаній,
Да жаль еще мнѣ новыхъ грезъ
Подъ склономъ трепетныхъ березъ.
Все это, другъ мой, продолжая,—
Хоть ad absurdum, — наконецъ,
Я пожалѣю, умирая,
Что нашей жизни есть конецъ.
Пусть я брожу какъ бы усталый,
Пусть мучусь вѣчною тоской,
Пусть для забвенія, другъ мой,
Я упиваюся марсалой;
Но я теперь попалъ на слѣдъ
И то скажу, что̀ ужъ уныло
Сказалъ любимый нашъ поэтъ:
Все, что пройдетъ, то будетъ мило!
Я въ этомъ тайны, наконецъ,
Иной не вижу, мой мудрецъ!
Съ благоговѣйною слезою
Благословимъ мы, что прошло,
И передъ урной гробовою
Преклонимъ скорбное чело;
Но намъ не надо падать духомъ,
Не надо вѣры въ жизнь терять,
И гласъ грядущаго внимать
Довѣрчивымъ должны мы слухомъ.
Пускай печали иль порокъ
Намъ душу ржавчиной покрыли,

Пусть сожалѣнье иль упрекъ
Насъ долго внутренно томили;
Но, духа вѣчнаго сыны,
Всегда воскреснуть мы властны.
Еще на счастье въ жизни личной
Надеждъ я свѣтлыхъ не терялъ
И на него въ хандрѣ привычной
Я правъ моихъ не отдавалъ.
Придетъ ли съ свѣжею улыбкой
Оно когда навстрѣчу мнѣ,
Иль я признаюсь въ тишинѣ,
Что только былъ знакомъ съ ошибкой?
Все это случай мнѣ рѣшитъ.
Быть можетъ, жизнь мою тревожа,
Судьба мнѣ бѣдствіе сулитъ;
Но будетъ смерть моя похожа
На ясный вечеръ послѣ грозъ,
Улыбку мирную сквозь слезъ.
За стихотворное посланье,
Меня, Грановскій, не брани
И риѳмъ плохое сочетанье
Ты терпѣливо извини.
Мнѣ нуженъ стихъ, когда тревожно
Пишу я робкіе листы
Туда, куда меня мечты
Влекутъ мучительно и ложно.
Мнѣ также нуженъ стихъ къ тебѣ:
Душевный миръ и сердца муки
Въ твоей душѣ нашли себѣ

Такъ странно родственные звуки,
Какъ-будто свыше намъ одна
Обоимъ жизнь была дана.
Мы одинаково здоровы
И одинаково больны
И оба жребіемъ сурово
Одной хандрой надѣлены.
Я радостно въ твоемъ посланьи
Прочелъ, что говорить со мной
Ты можешь только, да съ женой,
О тайномъ внутреннемъ страданьи.
Одно, что я въ себѣ цѣню,
Основу дружбы нашей вижу
(Хоть слабость глупую мою
Всегда безплодно ненавижу):
То женски-тихій, нѣжный нравъ.
Не знаю, правъ я иль неправъ?
Одно пристрастье я съ тобою
Питаю къ Пушкину. И что жъ?
Съ его больною стороною
Мы, можетъ, дружны? Онъ похожъ
На насъ болѣзненно. А, можетъ,
Къ нему у насъ пристрастья нѣтъ,
А просто ни одинъ поэтъ
Души такъ вѣрно не тревожитъ.
Вѣдь не болѣзнь его печаль,
И порицать мы станемъ нынѣ —
Изъ современности — едва ль,
Что̀ находили въ немъ святыней,

Чѣмъ наслаждались мы въ тиши —
И грусть, и свѣтъ его души!
А Таня! Милое созданье,
Поэта лучшій идеалъ,
Не разъ ему въ пустомъ блужданьи
Я воплощенія искалъ,—
Такъ онъ мнѣ близокъ! Но, признаться,
Я идеаловъ всѣхъ моихъ —
Хоть не могу отстать отъ нихъ —
А сталъ ужасно какъ бояться.
Дано въ числѣ мнѣ Божьихъ каръ
То, что я вмѣстѣ старъ и молодъ,
Что сохранилъ я юный жаръ,
А жизнь навѣяла мнѣ холодъ...
Еще довольно скорби дастъ
Мнѣ сей безвыходный контрастъ!
Какъ я живой бы рѣчи снова
Хотѣлъ изъ устъ твоихъ внимать
(Которыя, чтобъ молвить слово,
Ты странно любишь раскрывать)!
При этомъ я желалъ бы кстати
Созвучьемъ усладить хандру,
Тебя за чаемъ поутру
Заставши въ ваточномъ халатѣ.
Твоихъ волосъ увидѣть тожъ
Хочу я грустное спаданье
(Въ чемъ на меня ты не похожъ,
И, несмотря на все старанье,
И сколько ты ни берегись,

Какъ Боткинъ, скоро будешь лысъ).
Однако вижу—ямбъ усталый
Ужъ начинаетъ, Боже мой!
Въ строфѣ натянутой и вялой
Хромать измученной ногой.
Но я желаю на прощанье
Еще размѣренной строкой
Тебя прижать къ груди, другъ мой,
И скорбно молвить: до свиданья!
Прощай! Ну! Кланяйся женѣ,
Будь здравъ, не пьянствуй слишкомъ много
И, вспоминая обо мнѣ,
Суди меня не слишкомъ строго,
Но, полный мира и любви,
Мой трудный путь благослови.

(Посланіе къ друзьямъ изъ Швальбаха.)

Хоть велѣлъ поэта лозою
Высѣчь Зевсъ за стихъ докучный,
Но писать посланья прозою,
Признаюсь, до смерти скучно.
Гдѣ вы? Въ Питерѣ иль въ Азіи?...
Все равно! все я стихами
При вѣрнѣйшей сей оказіи [1])
Поболтать намѣренъ съ вами.
Мнѣ скучна жизнь заграничная;
Но все-жъ долго (это грустно!)
Не увижусь съ вами лично я,
Не промолвлюся изустно;
По пути ли отвердѣлому,
По морскому ли то лону,
Долго мнѣ по свѣту бѣлому
Развозить мою персону.

---

[1]) Почта.

Но, оставивъ край Нѣмеціи,
Съ міра древняго завѣсу
Я сниму весною въ Греціи
И вернусь черезъ Одессу.
Тамъ у южнаго прибрежія
Мы въ краю Россіи новомъ
Устрицъ двѣ-три сотни свѣжія
Пораздѣлимъ съ Сок...
А потомъ чрезъ степь печальную
Какъ же весело оттуда,
Наконецъ, въ отчизну дальнюю
Я помчуся!... Но покуда:

Теперь я въ Швальбахѣ, друзья!
Живу одинъ, ни съ кѣмъ не знаюсь,
Но не подумайте, что я
Затѣмъ людскихъ бесѣдъ чуждаюсь,
Что я неловокъ, что меня,
Когда я съ дамами встрѣчаюсь,
Бросаетъ въ трепетъ и тогда
Едва могу я молвить: да?

Вы клеветамъ не вѣрьте симъ.
Я homme du monde и не скрываюсь:
Блеснуть желаніемъ томимъ,
Въ халатъ поутру одѣваюсь
И ногти чищу я, какъ Гримъ,
И, какъ Чадаевъ, умываюсь,
Усы и бороду ношу
И гребнемъ голову чешу.

Сюртукъ, конечно, у меня
Не очень новъ... Но это въ модѣ:
Небрежность гордую храня,
Замѣтенъ tory ей въ народѣ.
Еще всегда имѣю я
Перчатки желтыя (въ комодѣ)
И тожъ костей за table d'hôte
Я не кладу руками въ ротъ [1]).

Все это значитъ, что я левъ,
По крайней мѣрѣ, могъ быть онымъ...
Но отъ германскихъ дамъ и дѣвъ
Ихъ сахарно-жеманнымъ тономъ
И разговоромъ на-распѣвъ
Я отвращенъ... Моимъ поклономъ
Ихъ не встрѣчаю (дѣло въ томъ,
Что съ ними я и не знакомъ).

Но есть изъ нихъ лицо одно...
Оно въ моемъ воспоминаньи
Такъ много разбудило... Но
Свести знакомство нѣтъ желанья,
Мнѣ было бъ тягостно оно,
И только вечеръ весь въ молчаньи
Я передъ тѣмъ лицомъ сижу
И въ этомъ время провожу.

«Да это глупо!»... Нѣтъ и да!
Друзья мои, какъ вамъ угодно!

---

[1]) Солгалъ! случается.

Къ тому же, день мой, господа,
Идетъ не въ праздности безплодной.
Вотъ, напримѣръ: со сна всегда
Купаюсь въ ваннѣ я холодной
И долженъ зябнуть, радъ не радъ,
Потомъ пью скверный шоколадъ.

Antiquus orbis разложивъ,
Читаю я о томъ, что винды,
Богъ вѣсть какъ дальній путь свершивъ,
Явились въ Балтикѣ изъ Инда
И были сѣятели нивъ;
Янтарь драгой возили инда
До самой Греціи. А финнъ
То врагъ, то другъ былъ ихъ дружинъ.

Но винды, венды, анты тожъ —
Славяне всѣ, вашъ родъ начальный.
Увы! на нихъ я не похожъ!
Я просто скиѳъ: потомокъ дальній
Златой орды — скуластыхъ рожъ
Я образъ сохранилъ печальный,
Лѣнивый нравъ и дикій вкусъ,
Взявъ отъ славянъ лишь рыжій усъ.

Потомъ!... Потомъ, друзья мои,
Я въ мирѣ мой обѣдъ съѣдаю;
Увы! теперь съ виномъ струи
Воды колодезной мѣшаю!...

А тамъ часа на два иль три
Я сномъ глубокимъ засыпаю;
Хоть Ипократа ученикъ
Въ томъ видитъ вредъ, да я привыкъ!

Но будитъ музыка меня:
О, страхъ! не ладятъ съ басомъ вторы;
Кларнетъ пищитъ, шипя, звеня...
Я къ небесамъ подъемлю взоры,
Встаю — и мигомъ на коня,
И уѣзжаю въ лѣсъ и горы.
День гаснетъ. Въ свѣтлой тишинѣ
Я возвращаюсь при лунѣ.

Когда я лѣсомъ при лунѣ
Безмолвно ѣду на конѣ,
И проблескъ трепетныхъ лучей
Мелькаетъ робко сквозь вѣтвей, —
Какой-то страхъ въ душѣ моей,
И вмѣстѣ жажда тайныхъ сновъ.
Въ тѣни и шорохѣ листовъ
Не знаю самъ, чего ищу,
Какую тайну знать хочу.
Вотъ что-то бѣлое луной
Озарено передо мной.
Быть можетъ, призракъ мертвеца?
Быть можетъ, это тѣнь отца?
Иль образъ матери моей
Шепнуть мнѣ хочетъ въ мглѣ вѣтвей

Слова любви или угрозъ?...
Нѣтъ! это бѣлый стволъ березъ;
Нѣтъ! это блѣдно-лунный лучъ
Блеснулъ между древесныхъ кучъ;
Нѣтъ! то грозой разбитый пень
На свѣтлый путь набросилъ тѣнь...
Чу! тише! точно слышалъ я,
Какой-то голосъ звалъ меня!
Онъ что-то сладко мнѣ сказалъ
И послѣ страшно замолчалъ...
Нѣтъ! это листъ шепталъ съ листомъ,
Колеблясь въ воздухѣ ночномъ;
Нѣтъ! это дальняго ручья
Перекатилася струя;
Нѣтъ! это птица, пробудясь,
Съ куста на кустъ перенеслась;
Нѣтъ! то отъ топота копытъ
По лѣсу глухо гулъ бѣжитъ
И молкнетъ, молкнетъ, и потомъ
Опять безмолвіе кругомъ.
Такъ мнѣ ничто въ лѣсной глуши
Не явится на зовъ души?
Ко мнѣ не придутъ изъ гробо́въ
Родныя тѣни мертвецовъ?
Какой же тайной вѣетъ мнѣ
Въ лѣсу, почившемъ при лунѣ?...

Потомъ и ужинъ. Боже мой!
Желудокъ плохъ и ѣмъ я мало,

Съ рулеткой тощъ разладъ большой:
Хотя я пирывалъ сначала,
Да счастья нѣтъ... Иду домой
Стопой лѣнивой и усталой.
Пора бы спать! Но въ поздній часъ
Не хочетъ сонъ сомкнуть мнѣ глазъ.

Тревожна мысль, душа въ тоскѣ,
Въ душѣ какой-то жаръ и трепетъ,
И смутно, будто вдалекѣ,
Мнѣ слышенъ риѳмы тайный лепетъ...
Хочу писать... (но въ языкѣ
У насъ нѣтъ больше риѳмъ на *этъ*.
Гм! Развѣ стрепетъ?... Стрепетъ? Да!
Да онъ никакъ нейдетъ сюда).

Но я пишу. Бѣгутъ часы,
Звѣзда послѣдняя блѣднѣетъ,
И ночи темныя красы
Разбродятся. Востокъ алѣетъ,
Долина влагою росы
Блеститъ, и ранній холодъ вѣетъ.
Глава устала. Нуженъ сонъ.
Ложусь. Но какъ тревоженъ онъ!

И то не сонъ, а развѣ бредъ —
То кровь кипитъ, то грезы бродятъ...
Мечта не спитъ и прежнихъ лѣтъ
Картины дальнія выводитъ,

Зоветъ людей, которыхъ нѣтъ,
И въ смутныхъ очеркахъ приводитъ
Видѣнья грѣшной суеты
Или сердечной полноты.

О чемъ пишу въ ночной тиши?
О томъ, о семъ... Мечты, желанья,
Все, что живитъ меня въ глуши,
Порой спокойныя созданья,
А чаще скорбь моей души —
Все тутъ! Но я въ мое призванье,
Увы! не много вѣрить сталъ:
Созданья смутны, стихъ мой вялъ.

И это мучитъ не шутя:
Когда бъ я внялъ судьбы уроки,
Не вѣрилъ въ призракъ, какъ дитя, —
Мои размѣренныя строки
И звуки риѳмъ забылъ бы я,
Увидя ясно ихъ пороки,
Съ мечтой простился бы навѣкъ
И былъ бы дѣльный человѣкъ.

Я всюду пользы бы искалъ,
Какъ прадѣдъ мой, почившій въ Бозѣ,
Приходъ съ расходомъ бы свѣрялъ,
Предпочиталъ бы свеклу розѣ,
Въ агрономическій журналъ
Писать статьи бы началъ въ прозѣ

И, уважая свѣтскій кругъ,
Остался бъ доблестный супругъ.

Но надъ собою судъ иной
Внутри души свершилъ я строго,
И жизнь моя пошла другой,
Но столь же трудною дорогой.
Пусть, презирая судъ людской,
Я внемлю тайный голосъ Бога;
Но не увѣренъ, чтобъ вздохнуть
Спокойно могъ когда-нибудь.

Еще во мнѣ есть жажда жить,
Къ блаженству жгучее стремленье:
Я не отвыкъ порокъ любить,
Меня томитъ страстей волненье,—
И очень, очень—можетъ быть—
Далеко время примиренья,
Когда сознаніе съ душой
Сдружитъ незыблемый покой.

Оно придетъ ли?... Но пока
Еще гнететъ неумолимо
Меня тяжелая тоска;
Отрадный звукъ несется мимо,
А плачъ нисходитъ съ языка...
Вчера бродилъ я нелюдимо
Въ лѣсу. Вдругъ плакать сталъ!—съ чего?
Такъ, ни съ того и ни съ сего!

. . . . . .

Есть слезы! Слезы тѣ невольно
Изъ глазъ себѣ находятъ путь
Въ тѣ дни, когда душѣ такъ больно,
Что разорваться хочетъ грудь;
И никого, кто бъ подалъ руку!
Кому я высказать бы могъ
И сердца жаръ, и сердца муку,
И горечь внутреннихъ тревогъ.

То слезы ль тщетнаго стремленья,
Иль одиночества-тоски,
Или пустого сожалѣнья?...
Что бъ ни было — онѣ горьки.
Но имъ пробиться было надо:
Мукъ не вмѣщала грудь моя!
Такъ съ чаши полной капли яда
Перетекаютъ за края.

Быть можетъ, вѣтеръ свѣетъ слезы
Иль знойный полдень запечетъ;
Души мучительныя грезы
Забота жизни разнесетъ.
Но слезы вѣчный слѣдъ въ морщинѣ
Вкругъ устъ иль щекъ прорюютъ мнѣ,
И скорбь страданія въ пустынѣ
Осядетъ на душевномъ днѣ.

Покой, что смѣнитъ всѣ волненья,
Похожъ онъ будетъ — тотъ покой —

На равнодушное смиренье
Предъ равнодушною судьбой.
Есть слезы! Вѣтеръ ихъ развѣетъ,
Иль знойный полдень запечетъ; —
Но съ ними сердце устарѣетъ,
По каплѣ жизнь души уйдетъ.

Слова старца.

(Изъ Уланда.)

Ко мнѣ, мое дитя, ты жизнь моя...
Нѣтъ, нѣтъ! ко мнѣ, дитя, моя ты смерть.
Вѣдь все, что́ горько, жизнію зову я,
И все, что́ сладко, называю смертью.

Праздникъ.

Что годъ, то меньше шлетъ мнѣ праздникъ ликованій,
Что годъ, то жизнь становится скучнѣй.
Какъ много вымерло прекрасныхъ упованій,
Какъ близкихъ много вымерло людей!
Христосъ воскресъ! а тѣ на вѣчную разлуку
Ушли куда-то и не придутъ вновь,
Не вспыхнетъ въ сердцѣ прежняя любовь
И дружба, молча, грустно мнѣ протянетъ руку.

Дядѣ Кроносу.

(Изъ Гёте.)

Ну, скорѣй, Кроносъ!
Шумною рысью впередъ!
Внизъ по горѣ все дорога.
Что жъ? Голова у меня
Съ тихой ѣзды закружилась.
Живо, хоть тряско, впередъ
Рысью по камнямъ и кочкамъ
Въ жизнь поскорѣй выѣзжай!

Ну! ужъ опять ты
Шагомъ несноснымъ съ трудомъ
Въ гору поѣхалъ, лѣнивый!
Ну же, проснись и пошелъ
Къ верху, стремясь и надѣясь!

Взглядъ необъятный, но чудный,
Взглядъ, открывающій жизнь —
Вдаль, внизъ и вверхъ черезъ горы
Вѣчный проносится духъ
Съ предчувствіемъ вѣчныя жизни.

Въ сторону манитъ тебя
Тѣнь подъ навѣсомъ,
Манитъ живительный взоръ
Дѣвы, что тутъ у порога.
Здѣсь наслаждайся — о, мнѣ,
Дѣва, пѣнящій напитокъ!
Мнѣ жизни исполненный взоръ!...

Внизъ поскорѣе поѣдемъ —
Солнце садится, смотри!
Ѣдемъ, пока меня, старца,
Холодъ не обдалъ болотъ,
Кости дрожать не заставилъ,
Зубы объ зубы стучать.

Ты меня, свѣтомъ послѣднимъ
Дня упоеннымъ, вези;
Море огня передъ взоромъ
Мутнымъ моимъ ты разлей —
Пусть ослѣпленный доѣду
Къ тартара мрачнымъ вратамъ.

Дядя! труби же ты въ рогъ свой,
Громкую рысь протруби,
Оркусъ чтобъ, слышавъ: мы ѣдемъ,
Тотчасъ у двери бы насъ
Принялъ, радушный хозяинъ.

Отъѣздъ.

Ну, прощай же, братъ! я поѣду въ даль,
Не сидится на мѣстѣ, ей-Богу!
Вѣдь не то, чтобъ мнѣ было васъ не жаль,
Да ужъ такъ — собрался я въ дорогу.

И не то, чтобъ здѣсь было худо мнѣ,
Нѣтъ! мнѣ все какъ-то близко, знакомо;
Ну, и домъ, и садъ, и привыкъ къ странѣ:
Хорошо, знаешь, нравится дома.

И такое есть, о чемъ вспомнить мнѣ
Тяжело, а забыть невозможно;
Да не все жъ твердить о вчерашнемъ днѣ —
Неразумно, а можетъ, и ложно!

И вотъ видишь, братъ, такъ и тянетъ въ путь,
Погулять надо мнѣ на просторѣ,
Широко пожить, на людей взглянуть,
Да послушать гульливое море.

Много свѣтлыхъ странъ, много чудныхъ встрѣчъ,
Много сладкихъ словъ, много пѣсенъ...
Не хочу жалѣть! не хочу беречь!
Ну, прощай! міръ авось ли не тѣсенъ.

Другу.

Мы съ давнихъ поръ дѣлили пополамъ
И сердца жаръ, и мысли тайный трепетъ;
Но, знать, не впрокъ пошло былое намъ,
И смолкло все, какъ глупый дѣтскій лепетъ.

Пожалуй жаль! Но дружба не спасла,
И друга другъ съ младенческой улыбкой
Оклеветалъ!... И скорбно жизнь прошла,
Прошла и вѣра къ этой дружбѣ зыбкой.

Ну что жъ? Вѣдь гнетъ ошибокъ и утратъ
Насъ не привелъ еще ко двери гроба?
Такъ не тужи, мой прежде бывшій братъ,—
Мы проживемъ, хоть врозь, но долго оба.

Sehnsucht.

О, если бы я могъ хотя на мигъ одинъ
Отстать отъ мелкаго броженія людского,
Я радостно бъ ушелъ, туда, за даль равнинъ,
На выси горныя, гдѣ свѣжая дуброва
Зеленые листы колышетъ и шумитъ,
Между кустовъ ручей серебряный журчитъ,
Жужжитъ пчела, садясь на стебель гибкій,
И лучъ дневной дрожитъ сквозь чащи зыбкой.
Тамъ соловей споетъ мнѣ пѣсню про весну;
Забуду прошлое и, впредь не видя цѣли,
Я лягу на траву душистую и сну
Предамся сладостно, какъ-будто въ колыбели.

Неизвѣстныхъ лѣтъ
1830 — 1856.

* * *

Ночь туманная темна,
Снѣгъ на стогнахъ таетъ,
Вкругъ нѣмая тишина
Робость навѣваетъ.
Не пугай, зловѣщій мракъ!
Безъ того — смущенья
Не сгоню съ души никакъ.

Ты, что̀ волею своей
Жизнь даешь въ отраду,
Дай же миръ душѣ моей,
Если жить ужъ надо.

* *
*

Тотъ жалокъ, кто подъ молотомъ судьбы
Поникъ — испуганный — безъ боя:
Достойный мужъ выходитъ изъ борьбы
Въ сіяньи гордаго покоя,
И вновь живетъ, главы не преклоня,
Исполненъ вдохновенной пищей;
Такъ золото выходитъ изъ огня
И полновѣснѣе, и чище.

* *
*

Небо да море. Волна за волной
Плещетъ въ разгульномъ стремленьи
Звучно и вольно, и чуждъ имъ покой, —
Вѣчно (немолчно) движенье.
Кажется, море бездонно глубоко.
Взоры надъ моремъ уходятъ далеко.

Быстро корабль мой несется стрѣлой,
Парусъ вздувается бѣлый;
Вотъ и навстрѣчу корабль намъ другой
Вѣтру противится смѣло.
Добрый же путь вамъ къ родимому краю!
Кланяйтесь дома, а я уѣзжаю.

Прощаніе съ Италіей.

На море тихое ложится мракъ ночной
И небо синее усѣялось звѣздами;
Шумитъ колесами и пѣну подъ собой
Взбиваетъ пароходъ, качаясь надъ водами;
За нимъ волна, кипя, бѣжитъ двумя браздами
И вьется черный дымъ густою полосой,
И чайка поздняя вкругъ мачты съ крикомъ вьется,
А море звучное чуть плещется и льется.

На палубѣ умолкъ докучный разговоръ,
Товарищей монхъ въ каютахъ сонъ объемлетъ;
У борта я одинъ. Печально ищетъ взоръ
Знакомой стороны, гдѣ дальній берегъ дремлетъ;
Но пѣсенъ рыбака уже мой слухъ не внемлетъ.
Едва чернѣется цѣпь отдаленныхъ горъ,
Какъ смутная черта... она исчезнетъ вскорѣ,
И только небеса останутся да море.

Италія, мнѣ жаль твоихъ роскошныхъ странъ!
Картины дальнія еще воспоминанье

Рисуетъ тихо мнѣ. То, сквозь ночной туманъ,
Въ Сорренто вѣетъ мнѣ садовъ благоуханье,
То Рима предо мной унылая Кампанья
И лица строгія надменныхъ поселянъ;
То слышенъ веселъ плескъ, и дождей домъ угрюмый
Наводитъ на душу таинственныя думы.

Но я бѣгу отъ васъ, волшебныя мѣста!
Еще въ ушахъ моихъ все звуки южныхъ пѣсенъ,
Но жизнь людей твоихъ, Италія, пуста!
Въ нихъ духъ состарѣлся и міръ твой сталъ мнѣ тѣсенъ:
Вездѣ развалина нѣмая, смерть да плѣсень!
Лепечутъ о быломъ безсмысленно уста,
А головы людей въ тяжеломъ снѣ повисли...
Теперь бѣгу искать движенья новой мысли.

И приметъ странника иная сторона,
Гдѣ жизнью все кипитъ и въ людяхъ дышитъ сила,
И трудъ приноситъ плодъ, и нива ихъ пышна,
И ясно разумъ ихъ наука озарила,
И жажда въ каждомъ есть, чтобъ всѣмъ имъ лучше было.
Туда, мой пароходъ! Но вотъ уже луна
Взошла надъ влажною пустынею печально —
Прощай, Италія! исчезъ твой берегъ дальній...

И все-жъ мнѣ жаль тебя! Любилъ я созерцать
Тебя, какъ мертвую красавицу влюбленный:
И взоръ уже потухъ, и краски не видать,
А роскошь вѣетъ съ устъ въ улыбкѣ сохраненной,

И будто то не смерть, а часъ покоя сонный,
И нѣгу, кажется, объятья могутъ дать
Еще такъ сладостно, томительно, тревожно,
Что, мигъ проживши въ нихъ, и умереть бы можно.

Италія! не разъ хотѣться будетъ мнѣ
Вновь видѣть яркость дня и синей ночи тѣни,
Забыться и забыть въ прозрачной тишинѣ
И старость дѣтскую заглохшихъ поколѣній,
И скорбь моей души, усталой отъ волненій.
Прощай! да берегъ твой почіетъ въ мирномъ снѣ,
Межъ тѣмъ какъ ухожу я въ путь мой безконечный
Среди бродячихъ волнъ и думъ, не спящихъ вѣчно!

* * *

Изъ края бѣдныхъ, битыхъ и забитыхъ
Я переѣхалъ въ край иной —
Голодныхъ, рубищемъ едва прикрытыхъ
На стужѣ осени сырой.
И то, что помню я, и то, что вижу нынѣ,
Не вѣетъ отдыхомъ недремлющей кручинѣ.
Я помню смрадъ курной избы,
Нечистой, крошечной и темной,
И жили тамъ мои рабы.
Стоялъ мужикъ пугливо-томный,
Возилась баба у печи
И ставила пустыя щи.
Ребенокъ въ масляной шубенкѣ,
Крича, жевалъ ломоть сухой,
Спала свинья близъ коровенки,
Окружена своей семьей.
Стуча въ окно порой обычной,
На барщину десятскій звалъ,
Спинѣ послушной и привычной
Безъ нужды розгой угрожалъ.

Я помню, какъ квартальный надзиратель,
Порядка русскаго блюститель и создатель,
Допрашивалъ о чемъ-то бѣдняка,
И кровь лилась подъ силой кулака,
И человѣкъ, весь въ жалкомъ безпорядкѣ,
Испуганный, дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.
Я годы, годы не забылъ
Какъ этотъ видъ противенъ былъ...
И послѣ мы — друзей въ бесѣдѣ пылкой —
О родинѣ скорбѣли за бутылкой.
И вижу я: у двери кабака,
Единаго пріюта бѣдняка,
Предъ мужемъ пьянымъ совершенно
Полуодѣтая жена
Въ слезахъ, блѣдна, изнурена,
Стоитъ колѣнопреклоненна
И молитъ, чтобы шелъ домой,
Чтобъ ради всей щедроты неба
Сберегъ бы грошъ послѣдній свой,
Голоднымъ дѣтямъ далъ бы хлѣба.
А мимо ихъ спѣшитъ народъ,
Трещатъ безъ умолку коляски,
И чувствуешь — водоворотъ,
Круженіе бѣсовской пляски...
О ты, который упрекалъ
Мой стихъ за мрачность настроенья,
За байронизмъ, и порицалъ
Меня съ серьезной точки зрѣнья,

Поди сюда, серьезный человѣкъ,
Отнюдь не вѣрующій въ бѣдство
И уважающій нашъ вѣкъ!
Взгляни на ликъ, состарившійся съ дѣтства,
На хаосъ жизни пристально взгляни,
И лгать не смѣй, а прокляни
Весь этотъ родъ болѣзненный и злобный
И къ лучшему нисколько неспособный.

* *
*

По краямъ дороги
Въ тишинѣ глубокой
Темныя деревья
Поднялись высоко;
Съ неба свѣтятъ звѣзды
Мирно сверхъ тумана...
Сердце?... Сердце проситъ
Новаго обмана.

Въ памяти тревожной
Все былыя встрѣчи,
Ласковыя лица,
Ласковыя рѣчи.
Но онѣ подобны
Призракамъ могилы;
Не вернутъ былого
Никакія силы.

О, когда бъ пришлося
По дорогѣ темной
Снова для ночлега
Встрѣтить домикъ скромный,
И въ объятьяхъ жаркихъ
Пробудиться рано!...
Сердце?... Сердце проситъ
Новаго обмана.

Ворцель.

У гроба твоего въ торжественной печали
Безмолвно я стоялъ и думалъ въ тишинѣ...
Видъ тѣла мертваго давно не новость мнѣ,
А слезы на глаза невольно выступали.
Все та же комната знакомая, гдѣ ты
Свой отжилъ вѣкъ среди «коммиссій» и мечты.
Одна свѣча горитъ; печаленъ уголъ бѣдный,
И трупъ передо мной лежитъ худой и блѣдный.

А какъ твой мертвый ликъ спокоенъ и прекрасенъ!
Сѣдые волосы; а умное чело
Застыло, словно воскъ, и бѣло, и свѣтло,
И взоръ хотя закрытъ, а кажется, что ясенъ
Улыбка скорбная прошла не безъ слѣда,
На грудь раскинулась сѣдая борода,
Рубашка бѣлая, потомъ худыя руки...
Да! знаемъ: умеръ ты отъ затаенной муки!

Женщинѣ-медику.

На новомъ поприщѣ, въ полезныхъ изученьяхъ
Умѣйте къ жизни подходить
Съ вопросомъ внутреннимъ, — въ причудливыхъ явленьяхъ
Подсматривать простую нить.
Умѣйте вдуматься; вникайте чуткимъ ухомъ
И, звукъ мгновенный уловивъ,
Въ громадной музыкѣ поймите вѣрнымъ слухомъ
Простой вiющiйся мотивъ.

Ночью.

Опять я видѣлъ васъ во снѣ...
Давно объятъ сердечной лѣнью —
Я и не ждалъ, чтобъ кроткой тѣнью,
Мелькнувъ, явилися вы мнѣ.
Зачѣмъ я вызвалъ образъ милый?
Зачѣмъ съ мучительною силой
Опять буржу въ душѣ моей
Печаль и счастье прошлыхъ дней?
Они теперь мнѣ не отрада,
Они прошли, мнѣ ихъ не надо...
Но слышенъ, въ памяти скользя,
Напѣвъ замолкшій мнѣ невольно;
Ему внимая, сердцу больно,
А позабыть его нельзя.

Кладбище.

При свѣтѣ вечера унылы
Кладбища томныя могилы.
Въ срединѣ ихъ съ своимъ крестомъ,
Могиламъ остальнымъ подобно,
Высоко церковь — Божій домъ —
Стоитъ, какъ памятникъ надгробный
Погибшей вѣры... Жизни духъ
Здѣсь вовсе замеръ и потухъ.
Еще заката лучъ трепещетъ
По окнамъ яркою игрой,
И крестъ позолоченый блещетъ
Межъ небесами и землей;
Но нѣтъ толпы тысячеустой,
И все кругомъ мертво и пусто.

И только женщина одна
Въ тиши бездомной тѣнью бродитъ...
Вотъ къ церкви трепетно подходитъ,
Вся въ черное облечена,
И на холодныя ступени,

Склоняя медленно колѣни,
Въ слезахъ, съ молитвой и тоской
Поникла грѣшной головой.

Да, да! Я знаю эту повѣсть.
Въ твоей душѣ не дремлетъ совѣсть.
Онъ былъ хорошій человѣкъ,
Тебя любилъ онъ откровенно,
Но съ дѣтства отдалъ неизмѣнно
Служенью истины свой вѣкъ.
Его недолгой жизни дѣло
Ему испортить ты сумѣла
Твоей строптивостью сухой
И мелочною суетой;
Ты ревновала безпредметно,
Ты жизни каждый лучшій часъ
Встрѣчать умѣла непривѣтно...
И онъ болѣзненно угасъ.

Скажи, о чемъ же? о прощеньи
Теперь ты молишься въ тиши,
Иль о(бъ) его успокоеньи
И о спасеніи души?
Души спасенью ты не вѣришь,
Сама съ собой ты лицемѣришь, —
А жизни прошлой — какъ ни жаль —
Не измѣнитъ твоя печаль...

Но, не найдя въ мольбѣ отрады,
Съ холодныхъ плитъ встаетъ она

И въ путь идетъ изъ-за ограды,
Вся въ черное облечена.
Заря на небѣ поблѣднѣла,
Окрестность робко потемнѣла,
И тише стала тишина,
И въ тускломъ сумракѣ унылы
Кладбища томныя могилы...
Въ срединѣ ихъ съ своимъ крестомъ,
Могиламъ остальнымъ подобно,
Огромный призракъ — Божій домъ —
Стоитъ, какъ памятникъ надгробный
Погибшей вѣры... Жизни духъ
Здѣсь вовсе замеръ и потухъ.

* *
*

Все превосходное,
Все благородное —
Стало безплодное;
Все, что ничтожное,
Пошлое, ложное, —
Въ жизни всплываетъ
И отнимаетъ
Въ виду могилы
Послѣднія силы.
Тутъ-то и знай —
Силъ не теряй!
Какъ жить ни жутко, —
Все сохраняй,
Все вызывай:
Свѣжесть разсудка,
Сердца движеніе,
Жаркое рвеніе,
Чувство святое
Любви и покоя,
Стойкость борьбы
Противъ судьбы, —

Чтобы ничтожное,
Пошлое, ложное,
Какъ ни томя, ни губя,
Не раздавило тебя.
Безъ ожиданія,
Безъ уставанія,
Безъ содроганія —
Гдѣ бъ ни застигъ
Послѣдній мигъ —
Скажи себѣ,
На зло судьбѣ,
Что сохранилъ,
Покуда жилъ,—
Все превосходное,
Все благородное.

* *
*

Свисти ты, о вѣтеръ, съ безсонною силой
Во всю одинокую ночь,
Тоску твоей пѣсни пустынно-унылой
Еще я берусь превозмочь.

Я стану мечтать величаво и стройно
Про будущность нашей страны,—
Въ довѣрчивой мысли свѣтло и спокойно,
Мнѣ дѣломъ покажутся сны.

Я вспомню о прошломъ, о жизни сердечной,
Таинственномъ шопотѣ дѣвъ,
И дѣтской дремотой забудусь безпечно
Подъ твой похоронный напѣвъ.

Дѣдушка.

Ахъ, изба ты моя невысокая!...
Посижу, погляжу изъ окна,
Только степь-то подъ снѣгомъ широкая,
Только степь впереди и видна.
Погляжу я во внутрь: полно ль, пусто ли?...
Спитъ старуха моя, какъ въ ночи;
Сиротинка-внученокъ, знать съ устали,
Подъ тулупомъ залегъ на печи,
Взялъ съ собой и кота полосатаго...
Только я словно жду-то чего, —
А чего?... развѣ гроба досчатаго,
Да не долго, дождусь и его.
Жаль старуху мою одинокую!
А внученокъ подсядетъ къ окну, —
Только степь-то подъ снѣгомъ широкую,
Только степь и увидитъ одну.

---

* * *

Осенній день былъ сѣръ и сыръ,
И мелкій дождь ежеминутно
На землю капалъ; мокрый міръ
Смотрѣлъ уныло, безпріютно.
Казалось пусто. Садъ притихъ,
Замолкъ деревьевъ гулъ протяжный,
И желтый листъ, срываясь съ нихъ,
Печально мокъ на почвѣ влажной,
И только утки, какъ всегда,
Плескались глупо у пруда.

Изабелла.

(Отрывокъ изъ комедіи безъ конца.)

Ты вовсе самъ еще не знаешь,
Какъ я довольна, милый мой,
Что ты со мною не скучаешь
И не смѣешься надо мной.
Я такъ проста и боязлива,
Не учена я ничему,—
А все-же внемлешь терпѣливо
Ты разговору моему.
Порою мнѣ стыдиться надо
Моей невольной простоты...
Зато какъ я бываю рада
Въ душѣ понять, что скажешь ты!
Но что я знаю, что умѣю, —
Такъ это, другъ, тебя ласкать,
Обвить тебѣ руками шею,
Тебя къ груди моей прижать,
Къ твоимъ устамъ прильнуть устами,
Къ тебѣ примкнуть всю жизнь мою,
И, чуть дыша, полусловами
Тебѣ шептать: люблю, люблю!...

У моря.

Ночь и буря съ черной мглою,
Море страшно и темно,
Только пѣною сѣдою
По взволнованному слою
Чуть бѣлѣется оно.
Кто жъ тамъ плачетъ, кто тамъ стонетъ,
Рвется, мечется, зоветъ,
Воплемъ жалобнымъ поетъ,
Точно гибнетъ, иль хоронитъ —
Но глухой судьбы не тронетъ
И покоя не найдетъ?...
Буря волны гонитъ, гонитъ,
Море темное реветъ, —
Сердце ноетъ, сердце стонетъ,
Сердце гибнетъ и хоронитъ,
И нигдѣ не отдохнетъ.

Татѣ Г.

Въ дорогу дальнюю тебя я провожаю
Съ благословеніемъ, и страхомъ, и тоской,
И сердце близкое отъ сердца отрываю;
Но въ мирной памяти глубоко сохраняю
Твой смѣхъ серебряный и добрый голосъ твой,
И тѣ мгновенія, гдѣ родственной чертой
Твой ликъ напоминалъ мнѣ образъ безмятежный
Той чудной женщины, задумчивой и нѣжной.

Ты ѣдешь въ свѣтлый край, гдѣ умерла она...
Невольно думаю съ любовію унылой —
Какъ сини небеса надъ тихою могилой,
Какая вкругъ нея зеленая весна,
Благоуханная, живая тишина.
И снится мнѣ, какъ сонъ, вослѣдъ за тѣнью милой,
И мягкій очеркъ горъ сквозь голубую мглу,
И дальній плескъ волны о желтую скалу.

Подобно матери, средь чистыхъ помышленій
Сосредоточенно живи, дитя мое;
Сердечныхъ слезъ и думъ, труда и вдохновеній
Не отдавай, шутя, за блескъ людскихъ волненій —
Тщеславной праздности безумное житье.
Въ искусствѣ ты найдешь спасеніе свое;
Ты юное чело предъ нимъ склони отнынѣ
И въ гордой кротости служи твоей святынѣ.

Exil.

Я томъ моихъ стихотвореній
Вчера случайно развернулъ,
И, весь исполненный волненій,
Я до разсвѣта не заснулъ.
Вся жизнь моя передо мною
Изъ мертвыхъ грустной чередою
Вставала тихо день за днемъ,
Съ ея сердечной теплотою,
Съ ея сомнѣньемъ и тоскою,
Съ ея безумствомъ и стыдомъ.
И я нашелъ такія строки, —
Въ то время писанныя мной,
Когда не разъ блѣднѣли щеки
Подъ безотрадною слезой:
«Прощай! На жизнь, быть можетъ, взглянемъ
Еще съ улыбкой мы не разъ,
И съ миромъ оба да помянемъ
Другъ-друга мы въ послѣдній часъ.»

Мнѣ сердце ужасомъ сковало:
Какъ все прошло! Какъ все пропало!
Какъ все такъ выдохлось давно!
И стало ясно мнѣ одно,
Что безъ любви иль горькой пени,
Какъ промелькнувшую волну,
Я просто вовсе бѣдной тѣни
Въ послѣдній часъ не помяну.

„Симъ побѣдиши.“

(Отвѣтъ писавшему «Братское слово».)

Мой другъ, твой голосъ молодой
Отводитъ душу, сердце грѣетъ,
И призракъ палъ передо мной,
И духъ унынія слабѣетъ.
А есть съ чего сойти съ ума,
Или утратить силу вѣры—
Такъ звѣрствъ и подлостей чума
. . . . властвуетъ безъ мѣры.
И вотъ пришло на память мнѣ,
Какъ въ старину, никѣмъ незнаемъ,
Бывалъ, спасаясь въ тишинѣ,
Отшельникъ адомъ искушаемъ:
Изъ тьмы угловъ, изъ черной мглы,
Изъ-за полуночной завѣсы —
И отвратительны и злы —
Его смущать являлись бѣсы,
А онъ крѣпился и мужалъ
И призракъ вѣрой побѣждалъ.

Мой другъ, твой голосъ молодой
Отводитъ душу, сердце грѣетъ,
И призракъ палъ передо мной,
И духъ унынія слабѣетъ.
И вѣрю, вѣрю я въ исходъ
И въ наше свѣтлое спасенье,
И въ здравомыслящій народъ,
И въ молодое поколѣнье.
И вѣрю я — не вдалекѣ
Грядетъ, грядетъ иная доля,
И крѣпко держится въ рукѣ
Одна хоругвь ....

Призракъ.

Въ одну изъ тѣхъ ночей весенняго тепла,
Когда покоится серебряная мгла,
А мѣсяцъ трепетный наводитъ освѣщенье,—
Въ одну изъ тѣхъ ночей явилось мнѣ видѣнье.
Подъ дубомъ вѣковымъ недвижно я лежалъ,
Раскрыть глаза едва-едва имѣя силу,
Какъ-будто былъ уже готовъ сойти въ могилу
И для меня мой часъ послѣдній наставалъ.
Не поднимался безпомощныя руки,
Но слухъ еще ловилъ какихъ-то голосовъ
Блаженства полные, знакомые мнѣ звуки
Въ движеньи воздуха и трепетѣ листовъ.

И вдругъ пришла она — все тотъ же образъ стройный,
Все такъ же хороша, все такъ же молода,
Съ улыбкой тихою и поступью спокойной,
И взоромъ ласковымъ, какъ въ прежніе года, —
И близъ меня она колѣна преклонила...
«Зачѣмъ, — я ей сказалъ, — зачѣмъ приходишь ты?
Я знаю — никогда меня ты не любила...
А я? А я всю жизнь не зналъ иной мечты;

Любилъ ли я еще когда-нибудь — не знаю —
Ни прежде, ни потомъ... Но жизнь пережита,
Теперь уже я старъ, теперь я умираю...»
Тутъ устъ моихъ ея коснулися уста...
Въ послѣдній разъ во мнѣ сердечное біенье
Мгновенно вздрогнуло и замерло совсѣмъ...
Тогда исчезло все — и звуки, и видѣнье,
Глаза закрылися, и былъ я глухъ и нѣмъ,
И только блѣдная луна еще глядѣла
На мертвое, хладѣющее тѣло.

* *
*

Мчатся кони вороные
По шоссе, въ задорѣ глупомъ;
Мчатся дроги — не пустыя —
А съ хорошимъ, свѣжимъ трупомъ.
Кони мчатся въ черныхъ шорахъ,
Люди въ черномъ, шляпы съ флеромъ;
Съ боку на бокъ на рессорахъ
Гробъ дрожитъ въ движеньи скоромъ.
Позади его карета,
Дамы въ черномъ (все родныя),
Берегутъ глаза отъ свѣта
Все платочки носовые.
То-ли плачутъ въ самомъ дѣлѣ,
То-ли такъ лишь для показа,
Чтобы люди поглядѣли
И вздохнули два-три раза?.

А работникъ полупьяный
Вслѣдъ кричитъ имъ, что есть силы:
«Ну! Куда спѣшить такъ рьяно?
Не уйдетъ онъ отъ могилы!»
А ему въ отвѣтъ сказали:
«Ты — дуракъ! Не можешь вѣдать —
До кладбища доскакали,
Стало — можно пообѣдать».

Исповѣдь.

Къ концу, къ концу моя дорога!
Мнѣ остается жить немного,
Часы бѣгутъ, часы бѣгутъ,
А не свершенъ завѣтный трудъ...

I.

Все больше лѣтъ на самомъ дѣлѣ,
Все ближе къ гробу жизнь ведетъ,
И память прошлаго тяжеле
И неотступнѣе гнететъ...
Мой страшный судъ лежитъ во мнѣ,
Его свершу наединѣ.

Хочу одинъ провѣрить снова
Все, что я думалъ и любилъ,
Гдѣ былъ жрецомъ живого слова,
Гдѣ праздно тратилъ свѣжесть силъ;
Какъ самолюбья страстью дикой
Губилъ я сердца міръ великій,
И какъ бывалъ я духомъ слабъ
И мелкой жизни мелкій рабъ.

Еще теперь я помню свято —
Былъ чистъ и ясенъ мой разсвѣтъ,
Но отъ разсвѣта до заката
Прошло безплодно много лѣтъ...
Безъ лицемѣрья въ тщетномъ плачѣ
Скажу — я могъ бы жить иначе;
Но гаснетъ мой послѣдній лучъ
Въ туманѣ душномъ длинныхъ тучъ.

2.

Дай оглянуться мнѣ назадъ,
Передъ концомъ вздохнуть свободно
И тихо вспомнить дѣтскій садъ
И возрастъ, гдѣ такъ благородно
Слагалась жизнь, что самъ порокъ
Въ ней не заслуживалъ упрекъ...
А дальше жизнь въ обычной связи
Съ собой все тащитъ больше грязи.

Съ чего же я начну теперь
Всю эту лѣтопись волненій,
Ошибокъ горькихъ и потерь,
Гдѣ все — наслѣдство заблужденій,
Гдѣ человѣкъ — герой и звѣрь,
Всю повѣсть страстныхъ, смутныхъ мнѣній,
Злодѣйствъ, и жертвъ, и мертвыхъ тѣлъ,
Великихъ и кровавыхъ дѣлъ?

И пѣснь мою закончу ль я —
Какъ бы послѣднее сказанье,
Гдѣ прозвучитъ одна струя,
Одно надгробное рыданье?
Иль сыщетъ лѣтопись моя
Живую мощь на прорицанье
Иныхъ судебъ, иныхъ временъ
Грядущихъ послѣ похоронъ?

* * *

Италія! Въ дни юности предметъ
Моей мечты, стремленій и скитаній!
Твой водный шумъ, твой лучезарный свѣтъ
И синій трепетъ горныхъ очертаній
Еще живутъ, какъ сны блаженныхъ лѣтъ,
Во глубинѣ моихъ воспоминаній.
Италія! я шлю тебѣ привѣтъ
Въ великій день народныхъ ликованій!

Но въ этотъ день поэта «вѣчной муки»
Готовь умы къ концу твоихъ невзгодъ,
Чтобъ вольности услышалъ твой народъ
Завѣтные, торжественные звуки,
И пусть, какъ братъ, славянъ окрѣпшій родъ
Свободныя тебѣ протянетъ руки.

Scherzo.

Зорька гдѣ-то догорѣла,
Глушь лѣсная потемнѣла,
Ночь таинственно нисходитъ...
Лѣшій путника заводитъ.
Ау, ау, ау!

Сквозь деревья мѣсяцъ блещетъ,
Листъ серебряный трепещетъ,
Свѣтъ и тѣнь по лѣсу бродитъ...
Лѣшій путника заводитъ.
Ау, ау, ау!

Лизѣ.

Дитя мое, тебя увозятъ вдаль...
Куда? Зачѣмъ? Что сдѣлалось такое?
Зачѣмъ еще тяжелую печаль
Мнѣ вноситъ въ жизнь безуміе людское?
Я такъ былъ радъ, когда родилась ты!...
Чуть брезжилъ день... И дѣтскія черты,
И эта ночь, и это разсвѣтанье —
Все врѣзалось въ мое воспоминанье.

Вотъ скоро годъ слѣжу я за тобой, —
Какъ ты растешь, какъ стала улыбаться,
Какъ ищетъ словъ неясный лепетъ твой
И стала мысль неясно пробиваться...
И есть чутье въ сердечной глубинѣ:
Ручонками ты тянешься ко мнѣ
И узнаешь по силѣ сокровенной,
Что я твой другъ радушный, неизмѣнный.

И страшно мнѣ: ну, будешь ты больна, —
Не я тебя утѣшу въ часъ недуга...

Ну, ты умрешь?... Нѣтъ! это призракъ сна,
Безумный бредъ ненужнаго испуга...
Ты вырастешь! — Но нѣжный возрастъ твой,
Дитя мое, взлелѣется не мной,
Не я вдохну тебѣ, цѣлуя руки,
Ни первыхъ словъ, ни первыхъ пѣсенъ звуки.

Не я возьмусь при раннемъ блескѣ дня,
Иль въ лунный часъ спокойнаго мерцанья
Тебя учить, безмолвіе храня,
Глубокому восторгу созерцанья.
Не я скажу, изъ буквъ какъ мысль сама
Выходитъ въ книгу — лѣтопись ума,
И вызову не я порывъ свободный
Къ святой любви и жертвѣ благородной.

И страшно мнѣ: въ мой передсмертный часъ
Не явится ко мнѣ твой образъ милый;
Улыбка устъ и ясность дѣтскихъ глазъ
Мелькнутъ, какъ скорбь, по памяти унылой...
Но рѣшено: тебя увозятъ вдаль...
Дитя мое, я утаю печаль
И дѣтское спокойствіе незнанья
Не возмущу тревогою страданья.

Памяти друга.

Другъ дѣтства, юности и старческихъ годовъ,
Ты умеръ вдалекѣ, уныло, на чужбинѣ!
Не я тебѣ сказалъ послѣднихъ, вѣрныхъ словъ,
Не я пожалъ руки въ безвыходной кручинѣ.
Да! Сердце замерло!... Быть можетъ даже намъ
Иначе кончить бы почти что невозможно, —
Такъ многое прошло по тощимъ суетамъ...
Успѣхъ былъ невеликъ, а жизнь прошла тревожно.
Но я не сѣтую за строгія дѣла,
Мнѣ только силы жаль, что̀ не достигла цѣли.
Иначе бы борьба побѣдою была
И мы бы преданно надолго уцѣлѣли.

Раздумье.

Тихая могила
Отъ начала вѣка
Схоронила много
Жизней человѣка.

Сгнили всѣ до кости,
Иль съ водой умчались,
Кой-гдѣ, скаля зубы,
Остовы остались.

Цѣли жизней новыхъ
Видны въ тусклой дали,
Мудрецы людскіе
Ихъ не разгадали.

Картинка очевидца.

Гробъ несутъ двое нищихъ французскихъ солдата.
Схоронить имъ пришлося, покончивъ войну,
На женевскомъ кладбищѣ товарища-брата:
Бѣдный умеръ на-дняхъ въ неутѣшномъ плѣну.
И швейцарскій солдатъ, вслѣдъ за гробомъ шагая,
И ружье и тесакъ на ремняхъ черезъ грудь,
Съ грознымъ видомъ идетъ, во весь путь наблюдая,
Чтобы мертвый не вздумалъ сбѣжать какъ-нибудь.

* *
*

Сѣрыя облаки по небу тянутся,
Зимняя сырость по улицамъ стелется,
Сѣрыми кажутся стѣны домовыя...
Окна — свинцовыя, лужи — свинцовыя,
Тополь безлистная, почва прогнившая,
Внутренно дума — сѣдая, отжившая.

Дай я окно отворю подышать!
Въ воздухѣ мягкомъ — тепло, благодать;
Зимніе виды, а вѣетъ весной...
Ты разсуди, что весна — рай земной.
Вѣдь не одно все и то же сказаніе —
Розы да бабочки, страсть да лобзаніе;
Также весна — и паханье полей,
Также пора удобренья и сѣянья.
Всходы пойдутъ... Все живѣй и живѣй
Чувство работы и преуспѣянья.
Сѣрыя облаки! Вотъ тутъ есть дѣло!
Что-то во мнѣ помолодѣло.

Проклятіе.

Въ . . . . . юность проходила,
Въ . . . . . старость подошла,—
Затѣмъ ли мысль кипучая томила,
Туда ль меня поэзія вела?
Стою печально предъ дверями гроба,
Куда уже сошелъ мой лучшій другъ,
И сердце мнѣ томитъ нѣмая злоба
И мысль мою — безвыходный недугъ.
На родъ людской, на землю и на волю
Уже давно совсѣмъ надежды нѣтъ;
Умру, оставя на плохую долю
Подругу нищую преклонныхъ лѣтъ.

Героическая симфонія Бетховена.

(Памяти А. Одоевскаго.)

Я вспомнилъ васъ, торжественные звуки,
Но примѣнилъ не къ витязю войны,
А къ людямъ доблестнымъ, погибшимъ среди муки
За дѣло вольное народа и страны;

. . . . . .

Мнѣ слышатся торжественные звуки
Конца, который грозно трепеталъ,
А все-же я теперь умру безъ муки
За дѣло вольное, котораго искалъ.

Четвергъ, 6 января 1876 г.

Сегодня снѣгъ напомнилъ мнѣ отчизну,
И на него привѣтно я взглянулъ:
Онъ такъ былое сердцу помянулъ,
Что по роднымъ я совершаю тризну.

Раздумье.

Да! я состарился, вошелъ въ такія лѣта,
Гдѣ интересъ прошелъ едва ль не ко всему.
Я ль выжилъ изъ ума, иль пищи нѣтъ уму?
Читаю ль не весьма почтенныя газеты,
Иль слушаю порой болтливый разговоръ,
А чуется вездѣ — совсѣмъ безплодный вздоръ.

Моя улица въ Гринвичѣ.

Старикъ, параличомъ хваченный,
Идетъ походкой удрученной,
И взоры скорбные воздѣвъ,
Къ жильцамъ шлетъ крикъ или напѣвъ:
Umbrellas to mend, umbrellas to mend!

Не хватитъ скудная работа,
Чтобъ въ жизни легче шла забота,
Но безъ нея подъ старость лѣтъ
Ни съѣсть, ни выпить средства нѣтъ:
Umbrellas to mend, umbrellas to mend!

Жена и дѣти по могиламъ —
Жить долго было не по силамъ,
А онъ все живъ въ параличѣ,
Несетъ котомку на плечѣ:
Umbrellas to mend, umbrellas to mend!

Напѣвы сколько бъ ни взывались,
Безъ чинки зонтики остались,
Ненуженъ трудъ, безплоденъ кликъ,
А онъ все тотъ же тянетъ крикъ:
Umbrellas to mend, umbrellas to mend!

На новый годъ.

(Лаврову.)

Мнѣ звуки слышатся съ утра до поздней ночи,
И многочисленны, и полны торжества —
Отверсты или сномъ уже сомкнулись очи, —
И голоса звучатъ свѣжо, безъ ханжества:
Vive la patrie! Vive la patrie!

Мнѣ слышатся они на чужломъ языкѣ,
И скорбію тѣснятъ мой слухъ изнеможенный.
Но какъ тутъ быть! Въ родномъ краю или вдалекѣ,
Вездѣ одинъ конецъ для жизни утомленной, —
А все-же слышно: Vive la patrie!

Еще я не погибъ и звать готовъ еще,
И бодро отзвонивъ весь звонъ нашъ колокольный,
Не падши духомъ, я взываю не вотще,
Взываю къ родинѣ съ моей чужбины вольной:
Впередъ! впередъ! впередъ!

Новое раздумье.

Шибко мысль коренится въ мозгу —
Я ее позабыть не могу, —
Что привольнѣе было бы мнѣ
Умереть на родной сторонѣ,
Хоть въ травѣ на рѣчномъ берегу,
Иль зимой на блестящемъ снѣгу...
Умирая, узналъ бы я тутъ
Старый, дѣтскій, любимый пріютъ.

Все-же старость трудна для меня,
Близость смерти виднѣй день отъ дня,
А ужъ надо по правдѣ сказать —
Все равно, гдѣ придись умирать.

Море.

(Симфонія.)

Сцена на кораблѣ, который плыветъ. Вдали виденъ берегъ и городъ, постепенно исчезающій. Вечерній свѣтъ постепенно переходитъ въ сумерки.

Introductio, во время которой поднимается занавѣсъ.

Adagio.

Гонсальво (tenore).

Въ сіяньи вечера на краѣ небосклона
Еще мой городъ виденъ мнѣ,
За далью синею колеблемаго лона
Почившій въ свѣтлой тишинѣ;
Тотъ городъ, гдѣ звучалъ у дѣтской колыбели
Мнѣ голосъ матери моей,
Гдѣ годы юности безумно пролетѣли
Въ броженьи мысли и страстей;
Гдѣ все, что я любилъ, томяся и страдая,
Погибло волею судебъ,

И дышитъ старый міръ, безплодно отживая,
И лицемѣренъ и свирѣпъ.
Плыву въ безвѣстный путь, завѣтной думы полный,
Исчезъ за моремъ городъ мой,
И только небеса остались да волны...
Прощай, прощай, мой край родной!

Франція.

Мнѣ живо памятно, какъ умиралъ отецъ,
Какъ пульсъ его слабѣлъ и упадали силы,
Какъ мозгъ унылый былъ разстроенъ подъ конецъ,
И страшно чуялось дыханіе могилы;
И то, что думалъ онъ въ предпослѣдній мигъ,
И то, что говорилъ блуждающій языкъ, —
То былъ печальный бредъ, какой-то дѣтскій лепетъ,
И обдавалъ меня всего холодный трепетъ.

Теперь присутствую я при судьбѣ иной,
При умираніи великаго народа;
Онъ разлагается. Шатаясь, какъ больной,
Но прежней памяти онъ все твердитъ: свобода...
Но что онъ думаетъ въ предпослѣдній мигъ,
Что говоритъ его блуждающій языкъ? —
Опять печальный бредъ, какой-то дѣтскій лепетъ,
И снова обдаетъ меня холодный трепетъ.

* * *

Давно я не писалъ въ альбомахъ,
Но на листахъ надѣюсь сихъ
Найтись въ кругу моихъ знакомыхъ,
Въ кругу соотчичей моихъ.
Отчизны дымъ для насъ пріятенъ,
Но слава русская — увы! —
Подобно солнцу, не безъ пятенъ,
И нѣтъ бесѣды безъ молвы.
И я въ волненіи сугубомъ
Боюсь, какъ кислаго бордо,
Что встрѣчусь съ графомъ Сологубомъ,
Или графинею Додо.
Хоть на запяткахъ тарантаса,
Кой-гдѣ по мелочи занявъ,
Съ камеръ-жандармскаго Парнаса
Въ Мордасы бъ скрылся съ нею графъ!

Моцартъ.

Толпа на улицѣ и слушаетъ, какъ диво,
Артистовъ-побродягъ. Звучитъ кларнетъ пискливо;
Играющій на немъ, качая головой,
Бьетъ о земь мѣрный тактъ широкою ногой;
Трещa визжитъ труба; тромбонъ самодовольный
Гудитъ безжалостно и какъ-то невпопадъ,
И громко всѣ они играютъ на разладъ,
Такъ что становится ушамъ до смерти больно.
Такъ что жъ? Вся наша жизнь проходитъ точно такъ!
Въ семьѣ ль, въ народахъ ли — весь людъ земного шара,
Все это сборище артистовъ-побродягъ,
Играетъ на разладъ подъ дѣйствіемъ угара...
Иные — всѣ почти — увѣрены, что хоръ
Такъ слаженъ хорошо, какъ-будто на подборъ,
И ловятъ дикій звукъ довольными ушами,
И удивляются, когда страдаютъ сами.
А тѣ немногіе, которыхъ тонкій слухъ
Не можетъ вынести напоръ фальшивой ноты,
Болѣзненно спѣшатъ, все чаная духъ,
Уйти куда-нибудь отъ пытки и зѣвоты,

Проклятьемъ наградя играющихъ и ихъ
Всѣхъ капельмейстеровъ небесныхъ и земныхъ.
Люблю я Моцарта; умѣлъ онъ забавляться,
Дурного скрипача и слушать и смѣяться;
Онъ даже сочинилъ чудеснѣйшій квартетъ,
Гдѣ все — фальшивый звукъ и ладу вовсе нѣтъ;
Надъ этимъ, какъ дитя, онъ хохоталъ безмѣрно, —
Художникъ и мудрецъ! — О, Моцартъ безпримѣрный,
Скажи мнѣ, гдѣ мнѣ взять тотъ добродушный смѣхъ,
Который въ хаосѣ встрѣчаетъ рядъ утѣхъ,
Затѣмъ, что на сердцѣ — дорогою привольной —
Такъ просто весело и внутренно не больно!

* *
*

И я тебя сегодня не видалъ!
Не проходилъ я шагомъ торопливымъ
По улицамъ и длиннымъ, и шумливымъ,
И въ дверь твою тихонько не стучалъ,
Не зная, какъ отъ тайнаго волненья
На мигъ въ груди смирить сердцебіенья.

Не встрепенулась ты на дружній гласъ,
Не кинулась ко мнѣ, не обнимала,
Ласкаяся, въ уста не цѣловала
Такъ радостно, какъ-будто часъ за часъ —
Съ тѣхъ поръ какъ мы другъ съ другомъ не видались —
Не день прошелъ, а годы миновались.

Нѣтъ! нынче я разсѣянъ и унылъ,
Хандрилъ съ утра; душа моя томилась,

Скучала мысль, работа не спорилась...
И кругъ гостей меня не оживилъ:
Мои уста лѣнивыя молчали,
Какъ смутный шумъ, мнѣ рѣчи докучали.

Теперь стою одинъ я у окна:
Въ ночную тьму облекся лугъ нашъ длинный,
За нимъ вдали блеститъ фонарь пустынный,
На улицѣ нѣмая тишина;
Я радуюсь безмолвному покою,
И мысль моя бесѣдуетъ съ тобою.

* * *

Сидѣла ль ты въ раздумьи вечеркомъ
Передъ огнемъ чуть трепетнымъ камина?
О другѣ сердца не было ль помина?
Невольно ты не думала ль о томъ,
Чего я жду отъ твоего участья
И какъ ты жизнь устроишь мнѣ для счастья?..

Чего хочу — оно въ душѣ твоей.
Хочу, чтобъ ты хранила сердца нѣжность
И кротости святую безмятежность,
Хочу, чтобы изъ пройденныхъ скорбей
Ты вынесла и духъ благоволенья,
И даръ впивать живыя дуновенья...

Но вотъ уже часовъ далекій бой
Два раза бьетъ среди туманной ночи;
Пора ко сну, дремотой полны очи...
Да будетъ тихъ и миренъ отдыхъ твой,
И пусть тебя до часа пробужденья
Баюкаютъ отрадныя видѣнья.

* * *

Среди сухого повторенья
Ночи за днемъ, за ночью дня —
Замолкшихъ звуковъ пробужденье
Волнуетъ сладостно меня.

Знакомый голосъ, милый лепетъ
И шелестъ тѣни дорогой
Въ груди рождаютъ прежній трепетъ
И проблескъ страсти прожитой.

Подобно молодой надеждѣ
Встаетъ забытая любовь,
И то, что чувствовалось прежде,
Все такъ же чувствуется вновь.

И странной нѣгой упоенный,
Я узнаю забытый рай...
О, погоди, мой сонъ блаженный,
Не улетай, не улетай!

Въ тоскѣ обычнаго броженья
Смолкаетъ сна минутный бредъ,
Но долго ласки и томленья
Лежитъ на сердцѣ мягкій слѣдъ.

Такъ, замирая постепенно,
Исполненъ счастія и мукъ, —
Струны внезапно потрясенной
Трепещетъ долго тихій звукъ.

* *
*

Блеснуло утро мнѣ въ окно
Зари осенней блѣднымъ свѣтомъ.
Отъ сна меня зоветъ оно
Печально-дружескимъ привѣтомъ.
Ищу послѣднюю звѣзду
По небу въ поискѣ безплодномъ;
Недвиженъ листъ въ моемъ саду
И тихо въ воздухѣ холодномъ;
Вдоль по травѣ провелъ морозъ
Слѣды серебряныхъ полосъ.

* * *

Окрестность вся молчитъ. Одинъ стопой бездомной
Блуждаетъ въ вышинѣ, свѣтяся, мѣсяцъ томный.
Безумный труженикъ! Земной свершая путь,
Ты хочешь вразумить изъ нихъ кого-нибудь...
Иди своей стезей пустынной и безгласной,
Какъ мѣсяцъ въ вышинѣ, — и холодно и ясно.

Въ преклонныхъ лѣтахъ.

Не мучь себя ты близостью могилы,
Не сожалѣй утраченныя силы,
А гордо вѣру въ юность сохраня,
Вскочи на дикаго коня
И покори себѣ не силою гнетучей,
А ласкою и смѣлой, и могучей.

Проклятіе.

Кого же въ жизни я любилъ?
Для сердца мнѣ вопросъ великій!
Я ль человѣку измѣнилъ,
Иль онъ мой врагъ сталъ въ злобѣ дикой?
И вотъ я дожилъ до чего:
Самъ нахожу въ сужденьяхъ строгихъ,
Что не любилъ я никого,
А разлюбилъ я всѣхъ иль многихъ.

* * *

Я виноватъ, быть можетъ, въ многомъ,
И жилъ я самъ себя губя,
Но по разборѣ жизни строгомъ
Еще могу сказать и я,
Что какъ и прежде, такъ и нынѣ,
Не менѣе, чѣмъ кто-нибудь,
Остался вѣренъ я святынѣ,
Которой вѣкъ дышала грудь.
И, несмотря на скорбь и скуку,
На днѣ осѣвшую отъ лѣтъ,
Ты незапятнанной мнѣ руку
Въ часъ разставанья дашь вослѣдъ,
И дашь въ твоей душѣ, какъ прежде,
Мнѣ тотъ же мирный уголокъ,
Гдѣ каждой мысли и надеждѣ
Всегда пріютъ найти я могъ.
Но если, внявъ мольбѣ суровой,
Ты отказался отъ меня,
Тогда прости, мой Каинъ новый,
И позабудь скорѣй меня.

Улица.

(Женева.)

Дѣтскій визгъ и лай собачій,
Стукъ колесъ и болтовня,
Говоръ праздности бродячей
День преслѣдуютъ меня.
Въ небо я гляжу пустое,
Но не вижу, гдѣ сыскать —
Кто бы помощь могъ послать
Въ утѣшительномъ покоѣ,
И безплодно тонетъ взоръ
Въ голубой небесъ просторъ.
Не минуютъ міръ ночлега
Дребезжащая телѣга,
Дребезжащій разговоръ.

Моей старухѣ.

Будущее глухо,
Счастья нѣтъ слѣда...
Что, моя старуха?
Въ жизни все бѣда!
Дѣло неба тщетно,
Духъ святой не съ нами,
Люди незамѣтно
Стали намъ врагами.
Силъ не хватитъ много,
Цѣль же все одна —
Жиденькой дорогой
Доплестись до дна.

ПРИМѢЧАНІЯ

Огаревъ рано началъ писать стихи: по крайней мѣрѣ, сообщая Герцену въ 1833 г. свое стихотвореніе *Онъ торжествуетъ, минуты вдохновенья*, онъ называетъ его „старинными“. Когда и гдѣ были напечатаны его первыя стихотворенія, мы не знаемъ. По словамъ Анненкова [1]) О. напечаталъ много стиховъ въ 1834—38 гг., между прочимъ—въ „Сынѣ Отечества“, но мы этихъ стиховъ не нашли [2]). Первыя извѣстныя намъ напечатанныя стихотворенія О. появились въ 1840 г.; начиная съ этого года онъ много печатаетъ—частью въ „Литерат. Газетѣ“, преимущественно же въ „Отеч. Зап.“; нѣсколько стихотвореній было напечатано также въ сборникѣ „Литературный вечеръ“, изданномъ въ 1844 г. въ пользу семьи умершаго В. В. Пассека. Съ 1847 г. О. печатаетъ свои стихи въ „Современникѣ“, въ 1856 г.—въ „Русскомъ Вѣстникѣ“.

Въ этомъ же 1856 г. вышло въ Москвѣ первое собраніе стихотв. О., выдержавшее затѣмъ еще два изданія (1859 и 1863 гг., безъ измѣненій, сначала въ изданіи К. Т. Солдатенкова и Н. М. Щепкина, потомъ одного Солдатенкова). Въ этой небольшой книжкѣ помѣщено около 80 стихотв., писанныхъ, повидимому, исключительно послѣ 1838 года [3]); такимъ образомъ, болѣе ранніе свои стихотворенія О. не счелъ достойными печати. Изданіе было сдѣлано, надо думать, Н. М. Сатинымъ по плану, составленному Огаревымъ; въ нашемъ распоряженіи находится рукописное „оглавленіе“ сборника, руки Сатина, не вполнѣ совпадающее съ печатнымъ изданіемъ: въ этомъ оглавленіи первыя 55 стих. размѣщены въ томъ же порядкѣ, какъ и въ печатномъ сборникѣ, а дальше порядокъ нѣсколько иной и пропущенъ рядъ стихотвореній, всего 17. Очевидно, Сатинъ не совсѣмъ слѣдовалъ указаніямъ Огарева, и въ октябрѣ 1856 г. послѣдній уже изъ Лондона писалъ ему („Русск. Мысль“ 1902, XI, 102): „Мои стихи я получилъ недавно; изданіе очень мило, но зачѣмъ же помѣстили

[1]) „Анненковъ и его друзья“. Спб. 1892, стр. 51 и 55.

[2]) Насколько намъ извѣстно, первые печатные труды Огарева—двѣ переводныя балладки въ „Телескопѣ“ 1831 и 1832 гг.

[3]) Такъ думаетъ и Е. С. Некрасова, см. „Починъ“ на 1895 г., стр. 50.

пьесы кромѣ тѣхъ, которыя я далъ? Я выбросилъ то, чего не хотѣлъ ввести въ собраніе. Бѣда не велика, хотя я и не вижу причины распоряжаться безъ согласія автора его стихами." Въ этомъ изданіи помѣщены не всѣ стихотворенія, напечатанныя Огаревымъ до того времени: съ другой стороны, въ него вошло, повидимому, нѣсколько стихотвореній, ранѣе нигдѣ не напечатанныхъ: объ одномъ („Не многимъ") это можно сказать съ увѣренностью, всего же изъ вошедшихъ сюда стихотвореній намъ не удалось найти первопечатнаго текста для четырнадцати.

Вскорѣ по пріѣздѣ Огарева въ Англію, въ 1858 г., имъ были напечатаны—во-первыхъ, его поэма „Юморъ" (впервые), во-вторыхъ — сборникъ стихотвореній (съ превосходнымъ гравированнымъ портретомъ), куда вошли, за исключеніемъ шести, всѣ стихотв., помѣщенныя въ московскомъ изданіи 1856 г., и большое число новыхъ, изъ коихъ нѣкоторыя О. успѣлъ уже передъ тѣмъ помѣстить въ „Пол. Зв." на 1857 г. Всего въ это лондонское изданіе вошло около 100 стихотв. и 7 поэмъ. Съ 1857 до 1869 г. О. печатаетъ много стиховъ въ „Пол. Зв.", съ прекращеніемъ которой онъ лишается печатнаго органа, гдѣ могъ бы помѣщать свои стихи. Кое-что появляется потомъ въ заграничныхъ русскихъ изданіяхъ, но этотъ матеріалъ былъ для насъ почти совсѣмъ недоступенъ.

Начиная съ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка, т.-е. уже послѣ смерти поэта, въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ появляется множество стихотвореній Огарева, большею частью ранніе, до 1840 г., но также и позднѣйшихъ, преимущественно въ „Русск. Стар." и „Русск. Мысли", затѣмъ въ запискахъ Т. Н. Пассекъ, въ „Пол. Зв." изд. гр. Салиаса, въ „Литер. Вѣсти." и пр. Слѣдуетъ упомянуть также, что нѣкоторыя стихотворенія Огарева были напечатаны въ 40-хъ годахъ въ видѣ текста при романсахъ; этимъ матеріаломъ мы совсѣмъ не имѣли возможности пользоваться. Въ 1859 году П. А. Ефремовъ приписалъ Огареву два патріотическихъ стих., напечатанныхъ—одно въ „Моск. Вѣд." 1854 г., другое—въ „Русск. Инв." того же года, но потомъ самъ же призналъ свою ошибку [1]); о непринадлежности себѣ этихъ стиховъ говоритъ и самъ О. въ одномъ рукописномъ письмѣ. Наконецъ, В. А. Панаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ („Русск. Стар." 1893 г., дек.) ошибочно приписалъ Огареву текстъ извѣстнаго романса „Я вновь предъ тобою стою очарованъ": это стихотвореніе, напечатанное въ „Отеч. Зап." 1846 г., т. XX, стр. 123, принадлежитъ В. Красову.

Стихотворенія, впервые появляющіяся въ настоящемъ изданіи, печатаны въ большинствѣ случаевъ съ подлинныхъ рукописей, два-три—съ копій, сдѣланныхъ рукою Маріи Львовны Огаревой

[1] „Библіогр. Зап." 1859 г., № 20, и 1861 г., № 20.

или Наталіи Алексѣевны Огаревой-Тучковой, и нѣсколько—съ копій, снятыхъ и любезно предоставленныхъ намъ С. А. Переселенковымъ. Все, что перепечатано изъ лондонскаго изданія и „Пол. Зв.“, т.-е. съ текстовъ, печатавшихся, какъ надо думать, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самого поэта, точно воспроизводитъ этотъ печатный текстъ, а разночтенія по рукописямъ, гдѣ у насъ были таковыя, отнесены въ примѣчанія. Напротивъ, матеріалъ „Русск. Стар.“, „Русск. Мысли“ и пр. всюду, гдѣ у насъ была передъ глазами рукопись, печатанъ съ подлинниковъ, въ примѣчанія же отнесены варіанты *печатнаго* текста. Къ сожалѣнію, всѣ подлинники, съ которыхъ въ 80-хъ годахъ было напечатано такое большое число ранніхъ стихотвореній Огарева въ „Русск. Стар.“, погибли безвозвратно: по крайней мѣрѣ, нынѣшній редакторъ этого журнала на соотвѣтственный запросъ отвѣтилъ, что новая редакція „Русск. Старины“ не приняла отъ старой напечатанныхъ рукописей, да и настоящая редакція хранитъ напечатанныя рукописи только годъ, а потомъ уничтожаетъ за неимѣніемъ мѣста для храненія. Какъ-разъ нашъ случай можетъ служить доказательствомъ того, насколько опасенъ такой вандализмъ: вездѣ, гдѣ мы имѣли возможность свѣрить текстъ „Русск. Старины“ съ подлинными рукописями Огарева, печатный текстъ оказался преисполненнымъ грубыхъ ошибокъ, искаженій и опечатокъ. Столь же ненадежны тексты, приведенные въ запискахъ Т. П. Пассекъ: сравнительно очень хороши тексты „Русск. Мысли“ какъ въ „Перепискѣ недавнихъ дѣятелей“, такъ въ особенности напечатанные въ 1902 г. Е. С. Некрасовой.

Что касается хронологическаго порядка стихотвореній, помѣщенныхъ во второй части этого тома, то онъ, разумѣется, во многихъ случаяхъ далекъ отъ совершенной точности. Какъ ненадежна датировка „Русск. Старины“, можно видѣть, напримѣръ, изъ примѣчанія къ стр. 211. Иногда стихотвореніе приходилось датировать на основаніи косвенныхъ признаковъ, кое-гдѣ даже только на основаніи вида и качества бумаги, на которой написанъ подлинникъ. Но если многія отдѣльныя даты и сомнительны, то общее распредѣленіе матеріала по большимъ хронологическимъ рубрикамъ, указаннымъ въ текстѣ, едва ли можетъ вызвать возраженія.

ЧАСТЬ I [1]).

Стр. **1.** *Друзьямъ*. Въ изд. Солдат. стр. 5, въ лонд. изд. стр. 1.

Стр. **2.** *Старый домъ*. „Отеч. Зап.“ 1840 г., т. 10, стр. 99, съ двумя опечатками въ подписи: Н. О. Гаревъ. Солдат. 6, лонд. изд. 2. Судя по письму Огарева къ Герцену, напечатанному въ „Рус. Мысли“ 1888 г., ноябрь, стр. 5, стих. это было написано осенью или зимою 1839 г.; въ предисловіи къ „Запискамъ одного молодого человѣка“ Герценъ ошибочно отнесъ его къ 1840 г. Въ упомянутомъ письмѣ находится первоначальная редакція „Стараго дома“, значительно разнящаяся отъ окончательной (сверено съ подлинникомъ):

2-ая строфа:

Да колодезь разбитый лежалъ...
Онъ поблеклый на землю упалъ...

4-ая и слѣд. строфы:

Я вошелъ — и все комнаты тѣ же.
Тутъ старикъ все ворчалъ и кряхтѣлъ.
Гости были. Но всѣ они гдѣ же?
И зачѣмъ этотъ домъ опустѣлъ?
Вотъ и комнатка — съ другомъ когда(-то)
Сталъ я жить здѣсь умомъ и душой,
И мечтаній мечталось когда-то
Въ этой комнаткѣ много порой.
Въ нее звѣздочка сладко сіяла,
Въ ней изрѣзаны стѣны въ словахъ,
Въ тѣхъ словахъ, что изъ насъ вырывала
Жизнь, кипѣвшая въ нашихъ душахъ.

7-ая строфа:

Дружбы былъ въ ней зажженъ онміамъ...
Запустѣнье теперь роковое...

---

[1]) Гдѣ не оговорено, тамъ варіантовъ нѣтъ или они ничтожны. Подъ „подлинникомъ“ всюду слѣдуетъ разумѣть рукопись, писанную самимъ поэтомъ.

Старый домъ—домъ отца Герцена, И. А. Яковлева, гдѣ прошло дѣтство Герцена,—если не ошибаемся, на углу Калошина пер. и Сивцева-Вражка. Объ этомъ домѣ и о жизни въ немъ см. „Былое и Думы", т. I, гл. I—V, и Т. Пассекъ, „Изъ дальнихъ лѣтъ", т. I, 159—161, т. II, 55—56. Много лѣтъ спустя, въ своихъ автобіографическихъ запискахъ, Огаревъ такъ вспоминалъ о своей связи съ этимъ домомъ и о свиданіи съ нимъ: „Бесѣды вдвоемъ съ Александромъ рисуются отчетливѣе. Вотъ его кабинетъ съ однимъ окномъ, въ бельэтажѣ дома, похожаго на фабрику: но какъ роскошно поднялся до самаго окна душистый тополь! И какъ это онъ такъ скоро вырось! На моей памяти едва доставалъ до оконъ нижняго этажа. Сумерки. Мы сидимъ на диванѣ, только что кончили читать и еще находимся подъ вліяніемъ тѣхъ личностей, наитіемъ которыхъ вызвано наше духовное родство. Тишина. Въ раскрытое окно, сквозь легкія вѣтки тополя, свѣтитъ звѣздочка.—Какъ я любилъ и эту звѣздочку, и эту комнатку, и этотъ домъ, похожій на фабрику. Иванъ Алексѣевичъ (Яковлевъ) купилъ рядомъ еще домъ и перебрался въ него. Старый домъ заперли. Потомъ поселили въ нижнемъ этажѣ безпріютнаго Зонненберга. Я пришелъ къ Зонненбергу—попросилъ отпереть верхнія комнаты. Ихъ открыли" (дальше О. цитируетъ нѣсколько строкъ изъ „Стараго дома". „Полярн. Звѣзда", изд. гр. Салласомъ, 1881 г., апрѣль, стр. 123—4. Срав. письмо О. къ Герцену отъ 20 февр. 1840 г., „Рус. Мысль" 1889, янв., стр. 61.—„Неловольный старикъ"—отецъ Герцена; онъ же изображенъ Огаревымъ въ первой главѣ поэмы „Радаевъ", см. ниже, т. II.

Среди бумагъ Огарева сохранился отрывокъ, писанный несомнѣнно за границей, много лѣтъ спустя, подъ заглавіемъ:

Подражаніе давнопрошедшему.

Бѣлый снѣгъ, старый другъ, увидалъ я
Наконецъ на чужбинѣ тебя,
И прошедшее снова узналъ я,
И печально смотрѣлъ на тебя.
На поляхъ ты, какъ саванъ, весь бѣлый,
Серебряся морозно, лежалъ

и т. д. (отрывокъ совсѣмъ не обработанъ).

Стр. **4**. *Кремль*. „Отеч. Зап." 1840 г., т. 10, стр. 100 (подпись: И. О. Гаревъ). Солдат. 122, лонд. изд. 4. Съ рукописи напечатано въ „Рус. Стар." 1889 г., іюнь, стр. 724, съ помѣтой: *1839 г.* и слѣд. варіантами: *Затихло дня...*: *онъ темныхъ* башенъ...

— Стр. **5**. *Путникъ*. „Отеч. Зап." 1841 г., т. 15, стр. 49, Солдат. 123, лонд. изд. 5. Послѣдніе три стиха О. цитируетъ уже въ своемъ письмѣ къ Герцену отъ января 1841 г., см. „Рус. Мысль" 1889 г., апрѣль, 15.

— Стр. **6.** *Деревенскій сторожъ.* „Отеч. Зап.“ 1840 г., т. 12, стр. 225, Солдат. 8, лонд. изд. 6.

— Стр. **8.** *Gute Gesellschaft.* Солдат. 10, лонд. изд. 8.

— Стр. **9.** *Fashionable.* Солдат. 11, лонд. изд. 9.

— Стр. **10.** *Вечеръ.* „Отеч. Зап.“ 1841 г., т. 16, стр. 91 (безъ заглавія), Солдат. 12, лонд. изд. 10.

— Стр. **11.** *Къ Л***.* „Отеч. Зап.“ 1841 г., т. 16, стр. 233, Солдат. 13, лонд. изд. 11. По словамъ Н. А. Огаревой, это стих. посвящено Авд. Вас. Сухово-Кобылиной, позднѣе въ замужествѣ Петрово-Соловово, сестрѣ писательницы граф. Е. В. Салiасъ.

— Стр. **12.** *Много грусти.* „Отеч. Зап.“ 1841 г., т. 16, стр. 134, Солдат. 124, лонд. изд. 12.

— Стр. **13.** *Когда тревогою осыпанной.* „Отеч. Зап.“ 1842 г., т. 23, стр. 287, Солдат. 129, лонд. изд. 13. Свѣрено съ подлинникомъ, находящимся въ письмѣ Огарева къ его женѣ, Маріѣ Львовнѣ, отъ 3/15-го (вѣроятно декабря, 1841 г.) изъ Венеціи. Стихотворенію въ письмѣ предшествуютъ слѣдующія строки: „Съ тѣхъ поръ, какъ я уѣхалъ, я все писалъ очень скверные стихи, надо въ этомъ сознаться. Но вотъ сегодняшніе не дурны.“

— Стр. **14.** *Встрѣча.* „Отеч. Зап.“ 1842 г., т. 21, стр. 269, Солдат. 128, лонд. изд. 14. Свѣрено съ подлинникомъ.

— Стр. **15.** *Она никогда его не любила.* „Отеч. Зап.“ 1842 г., т. 21, стр. 270, Солдат. 14, лонд. изд. 15.

— Стр. **16.** *Фантазія.* „Отеч. Зап.“ 1841 г., т. 17, стр. 190 (безъ заглавія), Солдат. 15, лонд. изд. 16.

— Стр. **18.** *Звуки.* „Отеч. Зап.“ 1841 г., т. 17, стр. 159 (подъ заглавіемъ: *Внутренняя музыка*). Солдат. 17, лонд. изд. 18.

— Стр. **19.** *Къ ***.* „Отеч. Зап.“ 1841 г., т. 17, стр. 158, Солдат. 18, лонд. изд. 19. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Маріѣ Львовнѣ О. приводитъ нѣсколько строкъ изъ второй половины этого стих. (варіантъ: *Признайтесь*: страшно схоронить), съ помѣткой сбоку: *Я — гр. С.* Этимъ подтверждается мнѣніе Н. А. Огаревой, что стих. посвящено гр. Е. В. Салiасъ (Евгеніи Туръ, 1815—1892); въ стих.—ясный намекъ на неудавшуюся любовь Е. В. къ Н. И. Надеждину. Она вышла замужъ за гр. Салiаса де-Турнемира за границей, въ Испаніи, въ 1837 или 38 г.

— Стр. **20.** *Полдень.* „Отеч. Зап.“ 1841 г., т. 19, стр. 64, Солдат. 19, лонд. изд. 20.

— Стр. **21.** *Кавказъ.* „Отеч. Зап.“ 1842 г., т. 21, стр. 2, Солдат. 20, лонд. изд. 21. Свѣрено съ подлинникомъ, находящимся въ письмѣ О. къ Маріѣ Львовнѣ изъ Праги отъ 15/27 дек. (1841 г.): варіанты: *А кормя* старушку...; *да* едва ли *одному въ стаканъ утопить* печали!...—Посылая женѣ это стих. и „Дорогу“, О. пишетъ: „Италія мнѣ показалась какимъ-то волшебнымъ сновидѣніемъ. А здѣсь, въ славянскихъ странахъ, я не во снѣ, а на яву, и все дѣйствительно трогаетъ за живое. Я ѣхалъ: опять снѣгъ, поле. Что-то родное отозвалось въ душѣ. Я думалъ о Россіи, и 2 маленькія пьесы снѣлись на какой-то голосъ, „зна-

емый дѣтьми". Ты ихъ найдешь на 4-й страницѣ этого листка за послѣднее я постою: а первое такъ — pull". На послѣдней страницѣ письма сначала „Дорога", потомъ „Кабакъ". Въ бумагахъ О. сохранилось слѣд. подражаніе „Кабаку", написанное очевидно подъ старость (съ подлинника):

Выпьемъ что ли, Ваня,
Съ холоду да съ горя;
Говорятъ, что пьянымъ
По колѣно море.
Старъ теперь я, Ваня,
Борода сѣдая,
А судьба все та же,
Злая да лихая.
Дочь Антона вышла
Замужъ за другова,
Ну, и я женился —
Живо да здорово.
Дѣтокъ цѣлыхъ трое,
Схоронилъ старушку,
А исправить нечѣмъ
Скверную избушку.
. . . . . .

Приводимъ здѣсь уже и остальныя пародіи О. (съ подлинниковъ):

Пѣсня русской няньки у постели барскаго ребенка.

(Подражаніе Лермонтову.)

Спи, потомокъ благородья,
Баюшки-баю,
Я, дитя простонародья,
Нѣсенку спою.
Мать на балѣ пляшетъ стройно —
Барыня она...
Ты же спи себѣ спокойно —
Я съ тобой одна.
. . . . . .
И отецъ твой русскій баринъ,
Знаетъ роль свою,
Онъ хоть ловокъ, но бездаренъ,
Баюшки-баю.
Онъ ученъ всему на свѣтѣ,
Вышло — ничего.
У него одно въ предметѣ —
Денежки его.
Но и съ ними онъ не сладитъ,
Разорить семью,

Праздной жизнью все изгадить,
Баюшки-баю.

. . . . . .

Но не вѣрь ты въ штуку эту
Все не впрокъ пойдетъ...
Ты съ сумой пойдешь по свѣту,
Няня знай помретъ.
Да ты будь слугой народа,
Помни цѣль свою,
Чтобъ была ему свобода,
Баюшки-баю [1]).

Новая полурыцарь въ русской литературѣ

(И. С. Тургеневъ).

Жилъ на свѣтѣ рыцарь модный,
Литераторъ не простой,
Съ виду милый, благородный,
Духомъ робкій и пустой.

Онъ имѣлъ одно видѣнье,
Умъ смутившее ему,
Что къ свободѣ направленье
Поведетъ его въ тюрьму.

Но таланта даръ отличный
Да Бѣлинскаго слова
Отъ паденья нравъ тряпичный
Охраняли въ немъ сперва.

И въ пустынѣ скверно-людной
Онъ сберегъ сердечный жаръ,
Онъ возвысилъ ликъ народный,
Заклеймилъ позоромъ баръ.

Но въ минуту раздраженья
Самолюбьицемъ пустымъ
Молодого поколѣнья
Сталъ врагомъ онъ мелочнымъ...

. . . . . .

Но художникъ со стыда
Скрылся сразу въ Баденъ-Баденъ,
Словно призракъ, безъ слѣда.

Объ обстоятельствахъ, при которыхъ написано это стих., см. въ книгѣ В. Батуринскаго: *А. И. Герценъ, его друзья и знакомые*, С.-Пет. 1904 г.).

---

[1]) Окт. 1872 — 73 г.

Читать же Краевскаго даже не стоитъ труда,
Любить намъ его невозможно,
Въ газету заглянешь, а смысла въ ней нѣтъ и слѣда.
Статьи ли иль новости — все такъ ничтожно.
Что „Голосъ"? Вѣдь рано иль поздно изданье его
Исчезнетъ предъ словомъ разсудка,
И онъ, какъ посмотришь, какъ есть, на него —
Такая плохая и подлая шутка.

Подражаніе Пушкину.

Люблю народъ, любовь моя не можетъ
Придти въ испугъ отнюдь ни передъ кѣмъ,
Пускай она всю жизнь меня тревожитъ,
Но родъ людской, какъ былъ,—болтливъ и нѣмъ [1]).
Стою печально на краю могилы,
Унынiемъ иль злобою томимъ,
И чувствую, какъ втайнѣ гаснутъ силы,
Но остаюсь еще неколебимъ.

Я всѣхъ любилъ, любовь еще быть можетъ
Въ моей крови угасла не совсѣмъ,
Но пусть меня ужъ больше не тревожитъ—
Я не хочу томить себя ничѣмъ.
Я ихъ любилъ то глупо, то надежно,
Ни ревностью, ни страстью не томимъ.
Я ихъ любилъ почти что безмятежно,
Какъ и они привыкли быть къ другимъ.

— Стр. **22**. *Nocturno*. „Отеч. Зап." 1841 г., т. 14, стр. 46. Солдат. 21, лонд. изд. 22. Въ подлинной рукописи озаглавлено: Nocturno 1, на оборотѣ того же листка написано стих. „Волна течетъ, волна шумитъ" (см. въ этомъ же томѣ, ч. II) подъ заглавіемъ: Nocturno 2.—Въ рукописи: *Да только тѣнь* моя со мной...: И страшенъ мнѣ...—Написано, по всей вѣроятности, въ одинъ изъ пріѣздовъ О. въ с. Старое Акшино Саранск. у., Пенз. губ., по смерти отца.

— Стр. **24**. *Въ альбомъ.* Солдат. 23, лонд. изд. 24. Свѣрено съ подлинной рукописью; это стих. написано на одномъ листкѣ съ „Младенцемъ" (см. ниже), напечатаннымъ въ 1842 г.

— Стр. **26**. *Младенецъ*. „Отеч. Зап." 1842 г., т. 21, стр. 102 (безъ заглавія), Солдат. 25, лонд. изд. 26. Свѣрено съ подлинникомъ.

— Стр. **28**. *Прометей*. „Отеч. Зап." 1841 г., т. 18, стр. 161, Солдат. 125, лонд. изд. 28.

[1]) *Вар.:* [illegible] нѣмъ.

— Стр. **31**. *Обыкновенная повѣсть.* „Отеч. Зап.“ 1842 г., т. 20, стр. 255. Солдат. 27, лонд. изд. 31.

— Стр. **33**. *Изба.* „Отеч. Зап.“ 1842 г., т. 22, стр. 2, Солдат. 22, лонд. изд. 143.

— Стр. **35**. *Неаполь.* „Отеч. Зап.“ 1842 г., т. 21, стр. 202 (кромѣ № 3). Солдат. 31, лонд. изд. 145. Свѣрено съ подлинникомъ, гдѣ №№ 1—4 писаны рукою О., а № 5—рукою Марьи Львовны. Здѣсь — *лаззарони, Кьяйа, Пуццоли*, т.-е. по-рус. Въ № 1 предпослѣдняя строфа сначала была написана такъ:

Изъ пучины Капри мрачный
Вынесъ дико груду скалъ...
Небо сине и прозрачно,
Тепелъ воздухъ, звученъ валъ...

Потомъ первыя три строки были зачеркнуты и новая редакція написана сбоку. Въ № 2 предпосл. строфа въ рукоп. имѣетъ такой видъ:

Взоры тонутъ въ отдаленьи
И какъ море въ тишинѣ
Грудь, среди успокоенья,
Дышитъ тихо какъ во снѣ.

Въ № 4, вм. „Смутно помнишь вѣкъ былой“, въ рукоп. „А она полна тоской“. Въ № 5 послѣдняя строфа по копіи Мар. Льв. такова:

Спитъ Неаполь, нѣгой свѣта
Лунной ночи озаренъ;
Я не сплю — и мнѣ все это
Предстаетъ, какъ пышный сонъ.

— Стр. **43**. *Gasthaus zur Stadt Rom.* „Отеч. Зап.“ 1843 г., т. 26, стр. 366. Солдат. 39, лонд. изд. 153. Свѣрено съ подлинникомъ, находящимся въ письмѣ О. къ Мар. Льв. изъ Берлина отъ 19 дек. 1841 г.: стихамъ предшествуютъ въ письмѣ слѣд. строки: „На 4 стр. стихи, писанные въ очень скорбную минуту въ Дрезденѣ. Они войдутъ въ цѣлое.“ Стих. написано тѣмъ же размѣромъ, какъ и поэма О. „Юморъ“, которую О. вѣроятно думалъ продолжать и куда хотѣлъ вставить этотъ отрывокъ. Въ рукоп. стихотвореніе озаглавлено „Дрезденъ“. Варіанты:

Кто же могъ
Встревожить женщину измѣной?
Кто душу свѣтлую облекъ
Въ глухую ночь тоски безсмѣнной?
Любовь и совѣсть на упрекъ
Волнуютъ грудь поперемѣнно...

Далѣе:

А все-же плачу я невольно...

Вм. „блаженный“—„роскошный сонъ“, вм. „наводитъ“—„приноситъ намъ“.

— Стр. **47**. *Характеръ*. „Отеч. Зап.“ 1842 г., т. 20, стр. 128, Солдат. 43, лонд. изд. 157. Не есть ли это стих. портретъ Лермонтова?

— Стр. **49**. *Дилижансъ*. „Отеч. Зап.“ 1842 г., т. 23, стр. 158, Солдат. 45, лонд. изд. 159.

Стр. **51**. *Сосѣдкѣ*. „Отеч. Зап.“ 1842 г., т. 23, стр. 159, Солдат. 47, лонд. изд. 161. Подлинникъ — въ письмѣ О. къ Мар. Льв. изъ Москвы отъ 12 февр. (1842 г.), гдѣ текстъ стих. сопровождается слѣд. строками: „Это писано дѣв. Ѳоминой, съ которой я встрѣтился въ дилижансѣ; мы разстались—ей было года 2 или 3, мнѣ лѣтъ 7. Ну! я ей этихъ стиховъ не показалъ, да и не покажу, а напечатаю.“ Варіанты: *И только* надо...; *Что жъ* вышло?...

— Стр. **53**. *Стучу — мнѣ двери отперъ ключникъ старый*. „Отеч. Зап.“ 1843 г., т. 30, стр. 90, Солдат. 49, лонд. изд. 163.

— Стр. **55**. *Дорога*. „Отеч. Зап.“ 1842 г., т. 24, стр. 174, Солдат. 51, лонд. изд. 164. См. выше прим. къ стр. 21. Въ рукоп. послѣдняя строфа:

Я въ кибиткѣ валкой
Зябну да вздыхаю;
Скучно мнѣ да жалко
То, что покидаю.

— Стр. **56**. *На сѣверѣ туманномъ и печальномъ*. „Отеч. Зап.“ 1842 г., т. 25, стр. 185, Солдат. 52, лонд. изд. 165. Въ „Отеч. Зап.“ послѣдніе два стиха таковы:

Взглянуть на ликъ спокойный, русый локонъ,
Да на небо туманное сквозь мерзлыхъ оконъ.

— Стр. **58**. *Aurora-Walzer*. „Отеч. Зап.“ 1844 г., янв., стр. 47, Солдат. 54, лонд. изд. 166.

— Стр. **59**. *Я помню робкое желанье*. „Отеч. Зап.“ 1842 г., т. 25, стр. 1, Солдат. 55, лонд. изд. 167. Свѣрено съ подлинникомъ, находящимся въ письмѣ О. къ Мар. Льв. изъ Москвы отъ фев. 1842 г.

— Стр. **60**. *Весна*. „Отеч. Зап.“ 1843 г., т. 26, стр. 1, Солдат. 56, лонд. изд. 168.

— Стр. **62**. *Еще любви безумно сердце проситъ*. „Отеч. Зап.“ 1844 г., май, стр. 1, Солдат. 62, лонд. изд. 170. Въ „Отеч. Зап.“ предпослѣдній стихъ былъ напечатанъ (конечно изъ цензурныхъ соображеній) такъ: „*Лепечутся* надгр. стран.“

— Стр. **63**. *Къ подъѣзду!—Сильно за звонокъ рванулъ я*. „Отеч. Зап.“ 1842 г., т. 24, стр. 42, Солдат. 60, лонд. изд. 171. Стих. это посвящено, какъ видно изъ автобіограф. записокъ („Пол. Зв.“, изд. гр. Саліасомъ, 1881 г., мартъ, стр. 75), М. П. Н—вой, родственницѣ отца О., которую онъ любилъ въ юности; о ней говоритъ онъ и въ поэмѣ „Радаевъ“ и въ „Исповѣди лишняго человѣка“. Объ этой любви см. также у Пассекъ, т. II, стр. 5.

— Стр. **65**. *Въ пирахъ безумно молодость проходитъ*. Солдат. 63, лонд. изд. 173.

— Стр. **66**. *Исповѣдь*. „Отеч. Зап.“ 1842 г., т. 24, стр. 175, Солдат. 64, лонд. изд. 174.

— Стр. **67**. *Домой я воротился очень поздно*. Солдат. 65, лонд. изд. 175.

— Стр. **68**. *По тряской мостовой я ѣхалъ молча*. „Отеч. Зап.“ 1843 г., т. 31, стр. 192, Солдат. 66, лонд. изд. 176.

— Стр. **69**. *Когда встрѣчаются со мной*. „Отеч. Зап.“ 1842 г., т. 25, стр. 70, Солдат. 67, лонд. изд. 177.

— Стр. **70**. *На морѣ*. Солдат. 68, лонд. изд. 178. Сохранился клочекъ бумаги, гдѣ карандашемъ написаны на одной сторонѣ—черновикъ этого стих., на другой—помѣщаемое ниже, во 2-й части этого тома, стих. „Небо да море. Волна за волной...“ Карандашъ очень стерся, первыя двѣ строфы еще можно прочитать — онѣ имѣютъ такой видъ:

Бутылка выпита до дна,
Ее мы бросимъ въ море,
И долго будетъ плыть она,
Съ волною шумной споря.
И можетъ быть, когда-нибудь,
На зло сѣдой волнѣ,
Она, свершивъ далекій путь,
Придетъ къ родной странѣ.

— Стр. **71**. *Livorno*. Солдат. 71, лонд. изд. 179.

— Стр. **72**. *Ночь*. „Отеч. Зап.“ 1844 г., мартъ, стр. 1 (безъ заглавія), Солдат. 70, лонд. изд. 180.

— Стр. **73**. *На сонъ грядущій*. Солдат. 58, лонд. изд. 181. Сохранилась копія, писанная, кажется, Марьей Львовной; на другой половинѣ того же листка—начало стих. перевода 4-ой пѣсни „Чайльдъ-Гарольда“, $5\frac{1}{2}$ стиховъ, писанные рукою Огарева. Вар. по копіи: *На землю* ночь...; Молю тебя *на сонъ грядущій*, Боже...; *скорбящія* созданья.

— Стр. **74**. *Стансы*. „Отеч. Зап.“ 1841 г., т. 19, стр. 183, Солдат. 111, лонд. изд. 182.

— Стр. **75**. *У моря*. „Литер. Газ.“ 1840 г., № 63, Солдат. 107, лонд. изд. 183. Свѣрено съ подлинникомъ.

— Стр. **76**. *Хандра*. „Отеч. Зап.“ 1844 г., мартъ, стр. 160, Солдат. 75, лонд. изд. 184. Въ „Отеч. Зап.“ предпослѣдній стихъ: „И хорошо, что *все кругомъ* беззвучно“.

— Стр. **77**. *Я наконецъ оставилъ городъ шумный*. „Рус. Вѣстн.“ 1856 г., іюль, стр. 192, Солдат. 76, лонд. изд. 185. Въ „Рус. Вѣстн.“ 3-й стихъ второй строфы: „Цвѣтокъ *голубенькій средь* желтой нивы“.

— Стр. **79**. *Къ ****. „Рус. Вѣстн.“ 1856 г., іюнь, стр. 600. Солдат. 78, лонд. изд. 187. Въ „Рус. Вѣстн.“: „Конечно *много* виноватъ.“ Свѣрено съ подлинникомъ; здѣсь впереди эпиграфъ:

Farewell! and if for ever,
Still for ever far thee well!

Byron.

Посвящено первой женѣ О., Маріѣ Львовнѣ, урожд. Рославлевой, на которой О. женился въ 1838 г.; съ 1841 г. О. большею частью жилъ врозь съ нею и окончательно разошелся въ декабрѣ 1844 г., когда, вѣроятно, и написано это стих. Марья Львовна умерла въ 1852 г. Объ этой грустной исторіи см.: „Анненковъ и его друзья", записки Т. Н. Пассекъ, „Былое и Думы" Герцена.—Сравн. ниже, во 2-ой части этого тома, стих. *Evil.*

— Стр. **81**. *Монологи.* „Соврем." 1847 г., т. III, стр. 204 (кромѣ № 2), Солдат. 80, лонд. изд. 189. Въ „Соврем." въ № 1 за стихомъ: „А правду высказать еще труднѣй" слѣдуетъ:

Саиса юношѣ толпа жрецовъ вѣщала,
Чтобъ снять покрова онъ дерзнуть не могъ,
Но онъ пошелъ, глупецъ, и сдернулъ покрывало—
И мертвый палъ у мраморныхъ онъ ногъ!

и затѣмъ первые два стиха послѣдней строфы („призракъ Бога") замѣнены точками.—Написано въ послѣдніе мѣсяцы 1844 г., когда О. въ Берлинѣ съ жаромъ предался наукѣ: слушалъ лекціи по химіи, анатоміи и физіологіи и изучалъ Гегеля. Въ письмѣ къ Герцену отъ 13/25 сент. этого года О. пишетъ: „На-дняхъ я принялся писать стихи. Плохо я пишу, Герценъ, но стихи навели меня на фигуру Мефистофеля. Близость Мефистофеля оскорбительна, какъ spleen. Эхъ, братъ, подумалъ я, да дѣло въ томъ, что Мефистофель не есть негація. Мефистофель—чистое безсиліе, а негація—чистая сила." Дальше слѣдуетъ отрывокъ изъ № 4, шесть строкъ отъ „Теперь товарищъ мнѣ иной духъ отрицанья", съ варіантомъ:

Онъ губитъ весело, ему не жаль развалинъ,—
Изъ праха ихъ онъ строитъ вновь и вновь...

и съ припискою послѣ этихъ строкъ, въ скобкахъ: „дальше плоше" („Рус. Мысль" 1891 г., іюнь, стр. 16). — „Монологи" очевидно были посланы Бѣлинскому для напечатанія; Некрасовъ писалъ И. С. Тургеневу: „...за Огарева на-дняхъ съ Бѣлинскимъ мы воевали (впрочемъ въ дружелюбномъ тонѣ), и побѣда осталась за нимъ — „монологи" погибли для свѣта!" („Вѣстн. Евр." 1903 г., декабрь, стр. 570).

— Стр. **87**. *Разговоръ.* „Отеч. Зап." 1843 г., т. 27, стр. 228, Солдат. 109, лонд. изд. 194.

— Стр. **88**. *Бываю часто я смущенъ внутри души.* „Соврем." 1847 г., т. I., стр. 90, Солдат. 90, лонд. изд. 195.

— Стр. **89**. *Fatum.* Солдат. 86, лонд. изд. 196.

— Стр. **91**. *Забыто.* Солдат. 88, лонд. изд. 198.

— Стр. **93**. *Совершенолѣтіе*. „Пол. Зв." на 1857 г., стр 149, лонд. изд. 200.

— Стр. **95**. *Исповѣдь*. „Пол. Зв." на 1857 г., стр. 150, лонд. изд. 202. Написано лѣтомъ 1846 г. послѣ теоретической размолвки съ Грановскимъ (см. нашу статью „Исторія одной дружбы" въ „Научн. Словѣ", 1903 г., кн. IX, стр. 51): въ 3-й строфѣ рѣчь идетъ о Грановскомъ.

— Стр. **97**. *Упованіе*. „Пол. Зв." на 1857 г., стр. 151, лонд. изд. 203. Свѣрено съ подлинникомъ: „подъ сводъ дряхлѣющаго зданья, Въ глуши трудясь, подкапываешь взрывъ."

— Стр. **100**. *Портреты*. „Рус. Вѣстн." 1856 г., іюнь, стр. 768 (съ пропускомъ стих. 10-го и 14-го), Солдат. 91, лонд. изд. 207. Есть оригиналъ: на листѣ почтовой бумаги большого формата написаны слѣд. 4 стих., послѣдовательно нумерованныя: 1) Die Geschichte, 2) Портреты, 3) Sehnsucht, 4) Aurora musae amica; писано рукою Нат. Алекс. Отаревой до „И все, что могъ сказать я въ тишинѣ", остальное рукою О.

— Стр. **101**. *Die Geschichte*. „Рус. Вѣстн." 1856 г., іюнь, стр. 768 (безъ заглавія), Солдат. 92 (тоже), лонд. изд. 208. См. предыдущее прим.—О. не разъ обращался къ этой темѣ (см. особенно пьесу „Ночь" во II т.); таковы и слѣд. наброски (съ подлинниковъ):

На улицѣ.

Игралъ котенокъ — такъ себѣ дитя —
Валяясь и рѣзвяся съ наслажденьемъ,
А взрослый котъ ужъ вовсе не шутя
Его царапалъ съ озлобленьемъ.
Тожъ у людей... Невинный тѣша взоръ,
Играютъ дѣти съ глупостью великой,
А люди взрослые свершаютъ вздоръ,
Безъ пониманія, но съ злобой дикой.

Муха въ моей комнатѣ.

Жужжащую муху къ окну привлекло,
Хотѣла на волю пробиться въ стекло.
А возлѣ окно отперто весь денекъ,
Да ей и возможность совсѣмъ невдомекъ.
Ужъ видно всѣ твари такъ созданы Богомъ,
Чтобъ жить тупоумно въ волненіи многомъ.

Разумъ.

Дикія страсти, звѣриная доля,
Мозга людского тупая неволя,
Долго ль я стану подъ вашей тревогой
Праздно томиться печалію многой?

Иль не дана безмятежность исхода—
Жизни разумной святая свобода?
Или безплодное это страданье
Только могилы покончитъ молчанье?
Глупый конецъ безотчетныхъ волненій
Прошлыхъ и будущихъ — всѣхъ поколѣній! [1])

Длинная дорога
До людской свободы
Тянется уныло
Годы, годы, годы... [2])

— Стр. **102**. *Арестантъ*. „Пол. Зв." на 1857 г., стр. 154, лонд. изд. 209. По словамъ Н. А. Огаревой, это стих. посвящено ей написано О-мъ во время его ареста въ 1850 г. и передано имъ ей при первомъ свиданіи, при чемъ О. вынулъ листокъ съ стих. изъ-за голенища.

— Стр. **104**. *Къ Н...* „Пол. Зв." на 1857 г., стр. 155, лонд. изд. 211. Свѣрено съ оригиналомъ, гдѣ стих. озаглавлено: *Моей Наташѣ;* вар.: „Съ улыбкой грустною презрѣнья". Обращено ко второй женѣ О., Нат. Алексѣевнѣ, урожд. Тучковой, и писано вѣроятно около того же времени, какъ и „Арестантъ". Они были тогда еще не вѣнчаны (первая жена О., Марья Львовна, была еще жива и не соглашалась на разводъ): это обстоятельство было одною изъ причинъ ареста О. въ 1850 г., см. „Воспоминанія" Н. А. Тучковой-Огаревой, М. 1903, стр. 80. — Въ послѣдней строфѣ — намекъ на отъѣздъ за границу, куда настойчиво звали ихъ Герцены.

— Стр. **105**. *Н—ру* (Искандеру, т.-е. Герцену). „Пол. Зв." на 1857 г., стр. 157, лонд. изд. 213. Писано вѣроятно еще въ Россіи въ отвѣтъ на письмо Герцена изъ-за границы.

— Стр. **106**. *Aurora musae amica*. „Рус. Вѣстн." 1856 г., іюнь, стр. 769, Солдат. 93, лонд. изд. 214. См. прим. къ стр. 100. Судя по намекамъ, находящимся въ стих. („звоноκъ", „смѣна" и пр.), писано на Тальской писчебумажной фабрикѣ Огарева, Корсунск. уѣзда, Симбирск. губ., гдѣ О. жилъ съ Нат. Алекс. послѣдніе годы предъ отъѣздомъ за границу,—т.-е. въ 1854 или 55 г.

— Стр. **108**. *Старикъ, какъ прежде, въ часъ привычный*. „Отеч. Зап." 1853 г., т. 110, стр. 28, Солдат. 95, лонд. изд. 216. Свѣрено съ подлинникомъ.

— Стр. **110**. *Купанье*. „Рус. Вѣстн." 1856 г., іюнь, стр. 771, Солдат. 97, лонд. изд. 218. Свѣрено съ подлинникомъ: „*сорочки бѣлой*"; см. также „Анненковъ и его друзья," стр. 653.

— Стр. **112**. *Кавказскому офицеру*. „Пол. Зв." на 1857 г., стр. 156, лонд. изд. 220.

---

[1]) Писано въ эпоху „Колокола".
[2]) Ок. 1870 — 71 г.

— Стр. **114**. *Сынъ*. „Рус. Вѣстн.“ 1856 г., іюль, стр 410, Солдат. 112, лонд. изд. 221. Посвящено Нат. Алекс. Огаревой. Свѣрено съ подлинникомъ; вар.: „*Растутъ, растутъ* причудливыя тѣни“; „И *воротить* иное бы желалось“. — Писано несомнѣнно на Тальской фабрикѣ въ 1854 или 55 г. Подъ „ненужной любовью“ подразумѣвается вѣроятно любовь О. къ М. П. Н—вой (см. выше прим. къ стр. 63); старикъ—либо отецъ О., либо отецъ Герцена; другъ, умершій въ чахоточномъ озноб'ѣ, — Н. И. Астраковъ; дитя, умолкшее въ морскихъ волнахъ,—сынъ Герцена, Коля, утонувшій вмѣстѣ съ бабушкой въ Средиземномъ морѣ; „милое и свѣтлое созданье“—жена Герцена, Нат. Александр.

— Стр. **117**. *Опять знакомый домъ, опять знакомый садъ*. „Рус. Вѣстн.“ 1856 г., іюнь, стр. 770, Солдат. 100, лонд. изд. 224. Свѣрено съ подлинникомъ, гдѣ впереди стиховъ—надпись: Vielleicht aristokratisch...

— Стр. **118**. *Бѣлство*. Солдат. 120, лонд. изд. 230.

— Стр. **120**. *Проклясть бы мою судьбу*. „Рус. Вѣстн.“ 1856 г., май, стр. 184 (съ пропускомъ 2-ой и 3-ей строфъ), Солдат. 99, лонд. изд. 232. Сохранились два подлинника, оба писанные карандашомъ, одинъ на обратной сторонѣ того же листка, гдѣ оригиналъ „Купанья“; въ обоихъ: „Кто въ *тощемъ* рубищѣ...“

— Стр. **121**. *Первая любовь*. „Рус. Вѣстн.“ 1856 г., янв., стр. 328, Солдат. 136, лонд. изд. 233. Свѣрено съ подлинникомъ; вар.: „ясмина“, „И образъ тихой красоты“. Это стих. О. послалъ Анненкову при письмѣ отъ 3 іюня 1855 г., см. „Анн. и его друзья“, стр. 650.

— Стр. **122**. *Старикъ*. „Рус. Вѣстн.“ 1856 г., апрѣль, стр. 665, Солдат. 138, лонд. изд. 234.

— Стр. **124**. *Кокетка*. „Рус. Вѣстн.“ 1856 г., янв., стр. 329, Солдат. 134, лонд. изд. 235. Въ „Рус. Вѣстн.“ помѣта внизу: *15 ноября 1855*. Свѣрено съ подлинникомъ.

— Стр. **126**. *Барышня*. „Рус. Вѣстн.“ 1856 г., апрѣль, стр. 668, Солдат. 140, лонд. изд. 237.

— Стр. **128**. *На мосту*. „Рус. Вѣстн.“ 1856 г., апрѣль, стр. 670 (подъ заглавіемъ: *Nocturno*), Солдат. 142, лонд. изд. 239.

— Стр. **129**. *Къ Лидіи*. „Рус. Вѣстн.“ 1856 г., апрѣль, стр. 667 (безъ заглавія), Солдат. 143 (съ подзаголовкомъ: *Изъ Лукреція*), лонд. изд. 240. Въ „Рус. Вѣстн.“: „*О!* я сочувствую тебѣ...“

— Стр. **130**. *Весною*. „Рус. Вѣстн.“ 1856 г., апрѣль, стр. 666, Солдат. 144, лонд. изд. 241. Въ „Рус. Вѣстн.“: „Встрѣчаютъ *весело* ликующія птицы.“

— Стр. **131**. *Ты спишь, что после долихъ лютъ*. „Рус. Вѣстн.“ 1856 г., апрѣль, стр. 667, Солдат. 145, лонд. изд. 242.

— Стр. **132**. *Не многимъ*. Солдат. 167, лонд. изд. 265. Посвящено Н. М. Сатину и писано въ Варшавѣ, по дорогѣ за границу, въ мартѣ 1856 г., см. письмо у Пассекъ, т. III, стр. 130.

— Стр. **133**. *Будущность*. „Пол. Зв.“ на 1857 г., стр. 34, лонд. изд. 286.

— Стр. **135**. *И—ру* (т.-е. Искандеру—Герцену). „Пол. Зв.“ на 1857 г., стр. 205, лонд. изд. 371. Свѣрено съ подлинникомъ, находящимся въ записной книжкѣ, на первой страницѣ которой рукою Герцена написано: „Огареву — для того, чтобы до будущихъ именинъ написать все, и притомъ не прозой. 6 декабря 1856. Пикадили.“

— Стр. **138**. *Сушь и вожжи*. „Пол. Зв.“ на 1858 г., стр. 108, лонд. изд. 383.

— Стр. **141**. *Мертвому другу*. Впервые напечатано, какъ вставка, въ отрывкѣ изъ „Былого и Думъ“ въ „Пол. Зв.“, т. IV: „строки грустнаго примиренія, которыя такъ близки мнѣ, что я ихъ выпросилъ въ даръ *нашимъ* воспоминаніямъ.“ (Соч. Герцена, т. VII, стр. 261). Лонд. изд. 386. Посвящено Грановскому, умершему 4 окт. 1855 г. Свѣрено съ тѣмъ самымъ подлинникомъ, съ котораго набиралось это стих. для „Пол. Зв.“; здѣсь оно носитъ (зачеркнутый Герценомъ) эпиграфъ изъ стих. О. „Искандеру“ (стр. 95—96):

> Онъ духомъ чистъ и благороденъ былъ,
> Имѣлъ онъ сердце нѣжное какъ ласка,
> И дружба съ нимъ мнѣ памятна, какъ сказка.

Сравн. выше прим. къ стр. 95.

— Стр. **145**. *Отступницъ*. „Пол. Зв.“ на 1858 г., стр. 302, лонд. изд. 392. Рѣчь идетъ о поэтессѣ гр. Е. П. Ростопчиной. Братъ ея, С. П. Сушковъ, въ біографіи графини, приложенной къ I т. собранія ея сочиненій (Москва, 1890 г.), разсказываетъ, что О. познакомился съ Е. П., когда она была дѣвочкою 14-ти лѣтъ, а онъ еще учился въ университетѣ (?), познакомился, навѣщая въ ея домѣ гувернантку англичанку А. Е. Горсистеръ, которая раньше жила въ семействѣ Огарева. Вторичная встрѣча О. съ Ростопчиной — „въ порѣ печальной зрѣлыхъ лѣтъ“ — произошла, по словамъ С. П. Сушкова, въ Парижѣ, въ 1847 г.: надо думать—въ 1845, такъ какъ въ началѣ 1846 г. О. уже вернулся въ Россію.—Ростопчина была на два года старше Огарева. Стих. это, вызванное, безъ сомнѣнія, реакціоннымъ характеромъ всей литер. дѣятельности гр. Ростопчиной въ 50-хъ годахъ, въ частности вѣроятно было отвѣтомъ на ея грубую брань противъ Герцена въ „Возвратѣ Чацкаго“ (1856 г.) и въ „Простомъ обзорѣ“ (іюнь 1857 г.), гдѣ она между прочимъ „пѣла“:

> Легко бѣжать съ мильономъ на чужбину,
> И клеветой оттуда насъ громить, и т. д.

Стих. „Отступницѣ“ уже въ іюнѣ 1858 г. ходило въ спискахъ по Москвѣ. См. еще „В. Евр.“ 1885 г., мартъ, и 1888 г., май, „Истор. Вѣстн.“ 1904 г., мартъ.

— Стр. **149**. *У моря*. „Пол. Зв.“ на 1858 г., стр. 305, лонд. изд. 397. Напечатано также въ „Рус. Мысли“ 1902 г., апрѣль, стр. 173.

— Стр. **151**. *Разлука*. „Пол. Зв.“ на 1858 г., стр. 307, лонд. изд. 399.

— Стр. **153**. *Осенью*. „Пол. Зв.“ на 1858 г., стр. 308, лонд. изд. 406.

— Стр. **154**. *Напутствіе*. Лонд. изд. 409. Свѣрено съ подлинникомъ.

— Стр. **156**. *Весною*. Лонд. изд. 411.

Стр. **157**. *Я помню—въ тиши ясно-лунныхъ ночи*. Лонд. изд. 412. Вторая половина стихотворенія свѣрена съ подлинникомъ.

— Стр. **158**. *Зимою*. Лонд. изд. 413. Напечатано также въ „Рус. Мысли“ 1902 г., мартъ, стр. 8; здѣсь послѣ „жужжа летитъ пчела“ слѣдуетъ:

И юная заря, живительно дыша,
Въ лѣсу присутствуетъ, какъ свѣтлая душа.
И лѣсъ, разбуженный алѣющей зарею,
Трепещетъ съ шопотомъ подъ влажною росою.

— Стр. **161**. *„Дитятко! Милость Господня съ тобою!“* „Пол. Зв.“ на 1859 г., стр. 282. Въ Россіи было напечатано какъ текстъ при романсѣ Насхалова и недавно въ „Рус. Мысли“, 1902 г., апрѣль, стр. 174, подъ заглавіемъ: *Ex profundis*. Здѣсь варіанты: стр. 4-ая — „*грозится тот*“; стр. 5-ая—„въ глаза“, „блестятъ“; 6-ая стр.:

— Мама! темнѣетъ! ахъ, душно, ахъ душно!
Мама!—„Ну, что же?... Ну! вотъ ты и спишь.
Я жъ говорила,—засни-ка послушно,
Такъ и давно бы. Вотъ ты не дрожишь.

Затѣмъ слѣдуетъ еще строфа:

И не горячъ ужъ... Да ты и не дышишь?
Да ты остываешь?... Да ты и остылъ?
Господи, Господи! Что жъ ты не слышишь?
Ну! воскреси, или дай же мнѣ силъ!“

Тутъ же сообщается варіантъ къ послѣдней строфѣ, которымъ и оканчивается текстъ въ музыкѣ:

— Мама! темнѣетъ, душнѣй, все душнѣе,
Мама!—„Хоть сонъ бы тебя подкрѣпилъ!
Свѣчка потухла; онъ будто смирнѣе...
Спишь ты?... о, Боже! да онъ ужъ остылъ!“

По сообщенію С. А. Переселенкова, послѣдняя строфа имѣла еще такой варіантъ:

И не горячъ ужъ... Да ты и не дышишь?
Холоденъ?... холоденъ словно какъ ледъ!

Господи, Господи! Что жъ ты не слышишь?
Что жъ—я останусь? А онъ-то умретъ?"

— Стр. **163**. *Къ ****. „Пол. Зв." на 1859 г., стр. 283.
— Стр. **166**. *Тайна*. „Пол. Зв." на 1859 г., стр. 285.
— Стр. **169**. *Возвращеніе*. „Пол. Зв." на 1859 г., стр. 287.
— Стр. **172**. *Бабушка*. „Пол. Зв." на 1859 г., стр. 289.
— Стр. **173**. *Мнѣ снилося, что я въ гробу лежу*. „Пол. Зв." на 1859 г., стр. 296. „Старикъ-полякъ" — эмигрантъ Ворцель умершій въ 1857 г. См. ниже, ч. 2-ая этого тома, стих. „Ворцель".
— Стр. **177**. *Магдалина*. „Пол. Зв." на 1861 г., стр. 326. Напеч. въ „Рус. Стар." 1888 г., XI, стр. 477, съ помѣткой: *1830- 1835 гг.* Эта датировка очень сомнительна; по стиху стих. поздняго періода, а судя по тому, что оно не вошло въ изданіе 1858 г., надо думать, что оно написано лишь между 1858 и 1860 гг.
— Стр. **182**. *Воспоминанія дѣтства*. Изъ этихъ семи стих. 1-ое было напеч. уже въ изд. Солдат., 59 (подъ заглавіемъ „Воспоминаніе лѣтства"), и потомъ въ лонд. изд., 212; 2-ое въ „Пол. Зв." на 1858 г., стр. 101, и потомъ въ лонд. изд., 373 (подъ заглавіемъ „Воспоминаніе"); въ „Пол. Зв." на 1861 г., стр. 331—337, перепечатаны первыя два и къ нимъ присоединены остальныя пять стих. „Кривая береза", „Дружба", „Двѣ любви" и „Дуврь" свѣрены съ подлинниками, находящимися въ записной книжкѣ О., подаренной ему Герценомъ (на первой страницѣ рукою Герцена написано: „Николаю Платоновичу для писанія, намъ для читанія. 22 іюля 1859. А. Герценъ"). — Вар.:

Двѣ любви. Строфа 2-ая и слѣд. первоначально имѣли такой видъ:

Съ благоговѣніемъ я на нее глядѣлъ,
Блаженствуя смиренно, молчаливо;
При имени ея невольно я краснѣлъ,
И сердце билося и сладко и стыдливо.
Но дома женщина у насъ была одна,—
Ребенка малаго, она меня ласкала
И голову мою къ своей груди она
Рукою нѣжною тихонько прижимала.
И въ тѣлѣ у меня какой-то жаръ горѣлъ,
Въ ея лобзаніяхъ вкушалъ я прелесть яда,
При имени ея блѣднѣлъ, но не краснѣлъ,
И зналъ, какъ строго мнѣ отъ всѣхъ таиться надо.
Разставшись вечеромъ, одинъ на ложѣ сна,
Я долго чувствовалъ по жиламъ трепетанье,
Но сонъ одолѣвалъ, и снилась мнѣ она—
Она — то юное и стройное созданье.

Первая дружба. Строфа 1-ая:

За свѣтлою рѣкой былъ городъ передъ нами.
Какъ пѣснь сердечную *во всей ея святынѣ*.

Лувръ. Строфа 1-ая:

Внимая вѣчныхъ волнъ таинственныя пени...

Строфа 2-ая:

Изъ отдаленности пространства и времень...

И я, забывшися, *лелѣялъ сладкій* сонъ...

Строфа 3-я:

Давноминувшаго *возлюбленныя* тѣни...

Но вы *уходите*, и я одинъ стою,
Внимая вѣчныхъ волнъ тоскующія пени.

— Стр. **189**. *Забыть*. „Пол. Зв." на 1862 г., вып. 2-ой, стр. 163; пропущено въ первой части 42 стиха, въ концѣ (пѣсня) -18.

— Стр. **193**. *Музыканту*. „Пол. Зв." на 1869 г. Свѣрено съ оригиналомъ, гдѣ послѣ „Что намъ въ минутной нашей встрѣчѣ" слѣдуетъ:

Равно нѣтъ никакого дѣла
Вамъ до меня и мнѣ до васъ;
Особой важности для насъ
Случайность встрѣчи не имѣла,
Мы разойдемся — и о ней
Не вспомнимъ до скончанья дней.

— Стр. **194**. *Юношѣ*. „Пол. Зв." на 1869 г., гдѣ оно сопровождается примѣчаніемъ: „Вѣроятно читатель помнитъ въ „Гамлетѣ" наставленіе Полонія Лаэрту." Напечатано также въ „Рус Мысли" 1902 г., мартъ, стр. 7.—Свѣрено съ подлинникомъ, находящимся въ записной книжкѣ 1859 г. (см. прим. къ стр. 182). Вар.:

Умѣй любовь возвысить до святыни,
Но мудрый страхъ взлелѣй въ себѣ отынѣ
Предъ свычкою и праздной, и тупой,
Чтобъ внутренно, весь день дыша разладомъ,
Не портить жизнь тревожно-мелкимъ ядомъ.

Стих. имѣло еще одну строфу (передъ послѣдней), потомъ зачеркнутую:

Но если ты воротишься домой,
Какъ крѣпкій мужъ, въ цвѣтущей, полной силѣ,
И старика меня найдешь въ могилѣ,—
То соверши ты тризну надо мной,
За пѣнистымъ виномъ припомнивъ снова
Мою любовь и праведное слово.

— Стр. **196**. *Вихрь*. „Пол. Зв." на 1869 г. Напеч. также въ „Рус. Мысли" 1902 г., мартъ, стр. 11, съ помѣткой: *1862 г.* Свѣр. но съ подлинникомъ, находящимся въ записной книжкѣ О. 1862 г.

— Стр. **197**. *Грановскому.* „Пол. Зв." на 1869 г. Несомнѣнно къ Грановскому же относится и слѣд. набросокъ О. (съ подлинника, писаннаго въ Гринвичѣ):

Воспоминаніе.

Любилъ онъ тоже вынить иногда,
Какъ всякій любитъ.—что жъ тутъ, господа?
Но все-же онъ, не предаваясь скукѣ,
Скорѣй всю жизнь былъ посвященъ наукѣ.
И думалъ онъ, что плодъ онъ принесетъ
И юношей къ свободѣ разовьетъ.
А жизнь пошла по тяжкой волѣ рока,
И умеръ онъ до старческаго срока.

— Стр. **198**. *Предисловіе къ неизданному и неоконченному.* „Пол. Зв." на 1869 г. Свѣрено съ подлинникомъ, носящимъ помѣтку: *Boulmouth. 25 іюня.* — Вар.: „*Не нужныхъ, какъ и жизнь сама*", „*...языка ума*", „*...съ сознаньемъ ровнымъ мѣры*", „*...спокойный взглядъ*".

— Стр. **199**. *О, если бъ мнѣ пришлось прожить еще года.* Нап. въ отрывкѣ изъ воспоминаній О. „Кавказскія воды", въ „Пол. Зв." на 1869 г. Написано лѣтомъ или осенью 1838 г., когда О. на Кавказѣ сблизился съ жившими тамъ декабристами; въ концѣ стих. рѣчь идетъ о кн. А. И. Одоевскомъ.—Срав. во 2-ой части этого тома, стр. 210, стих. „Я видѣлъ васъ, пришельцы дальнихъ странъ".

ЧАСТЬ II.

— Стр. **203**. *Онъ торжественны, минуты вдохновенья.* „Рус. Мысль" 1888 г., іюль, стр. 6, въ письмѣ О. къ Герцену отъ 1833 г., при чемъ О. называетъ эти стихи „старинными".

— Стр. **204**. *Алхимикъ.* „Рус. Стар." 1888 г., ноябрь, стр. 470, гдѣ оно отнесено къ 1830—1835 гг.

— Стр. **206**. *Съ моей измученной душою.* Печ. съ подлинника, на которомъ карандашная помѣтка (кажется, рукою самого О.): *1837 Octobre à la fin.*

— Стр. **208**. *Моя лампада.* „Рус. Стар." 1888 г., ноябрь, стр. 487, съ помѣткой: *Пенза, февраль 1838 г.* Напеч. также въ воспоминаніяхъ П. В. Анненкова („Анн. и его друзья", Спб., 1892, стр. 56), который приводитъ это стих. „всего болѣе потому, что оно содержитъ біографическій матеріалъ и хорошо передаетъ созерцательную природу автора и мягкое его настроеніе". По словамъ Анн. „Моя лампада" гдѣ-то была напечатана въ концѣ 30-хъ годовъ, но мы ея не нашли въ тогдашнихъ альманахахъ и

журналахъ.—У Анн.: „Тогда съ *младенчества* порою...“ и (стр. 210) „*Тогда* таинственной тоскою...“

— Стр. **211**. *А. С. Б.....ъ*. „Рус. Стар.“ 1888 г., ноябрь, стр. 490, съ помѣткой: *30-го марта 1838 г., пятница на Страстной неделѣ*. Между тѣмъ 30 марта 1838 г. приходилось на *среду* Страстной недѣли.

— Стр. **212**. *Христіанинъ*. „Рус. Стар.“ 1888 г., декабрь, стр. 604, съ помѣткой: *Іюль 1838 г., Желѣзноводскъ*.

— Стр. **216**. *Я виноватъ васъ, пришельцы дальнихъ странъ*. „Рус. Мысль“ 1902 г., мартъ, стр. 2. Свѣрено съ подлинникомъ. Посвящено декабристамъ, съ которыми О. познакомился лѣтомъ 1838 г. на Кавказѣ; см. прим. къ стр. 199.

— Стр. **219**. *Моя молитва*. „Рус. Стар.“ 1888 г., дек., стр. 608, съ помѣткой: *Акшино, октябрь 1838 г.* Старое Акшино (или Акшено) Пензенск. губ., Саранск. у.—имѣніе отца О.; О. поспѣшно вернулся сюда съ женою изъ поѣздки по Кавказу, получивъ извѣстіе объ опасной болѣзни отца.

— Стр. **220**. *Среди могилъ я въ часъ ночной*. „Рус. Стар.“ 1888 г., дек., стр. 610, съ помѣткой: *Акшино, ноябрь 1838 г.* Напеч. также въ „Рус. Мысли“ 1888 г., окт., стр. 7, въ письмѣ О. къ Герц. отъ 7 ноября, при чемъ О. пишетъ, что написалъ эти стихи „вчера“, т.-е. 6 ноября.—Отецъ О., Платонъ Богдановичъ, умеръ 2-го ноября этого года. Въ „Рус. Мысли“ варіанты: „...жизнь и *тутъ* и тамъ“; „*на оно взяла*“; „Тому, кто *мыслилъ, коли* жилъ“. Въ стихѣ „И гробъ — и тѣло въ немъ“ вѣроятно пропущено: *стоитъ*. Свѣрено съ подлинникомъ.

— Стр. **223**. *Маріи, Александру и Наташѣ*. „Рус. Стар.“ 1889 г., февр., стр. 336, съ помѣткой: *Мартъ 1839 г., Владиміръ*. Первая и послѣдняя строфы напеч. въ „Рус. Мысли“ 1889 г., окт., стр. 11, гдѣ подъ послѣдней строфою—приписка: „Finis. Nichts mehr zu sagen.“ Написано въ дни свиданія Огаревыхъ съ Герценами во Владиміръ (15—19 марта 1839 г.). Объ этомъ свиданіи см. „Дневникъ“ Герцена, его „Былое и Думы“; сравн. „Рус. Мысль“ 1902 г., ноябрь, стр. 144—146.

— Стр. **225**. *Пѣсня*. „Рус. Стар.“ 1890 г., апрѣль, стр. 199, съ помѣткой: *Бѣлоомутъ, мартъ 1839 г.*

— Стр. **228**. *Е. Г. Л.* „Рус. Стар.“ 1888 г., дек., стр. 615, съ помѣткой: *Мартъ 1839 г.* Посвящено Екатеринѣ Гавриловнѣ Левашевой; о ней см. „Былое и Думы“ и „Анненковъ и его друзья“, стр. 22.

— Стр. **230**. *Тучкову*. „Рус. Стар.“ 1889 г., мартъ, стр. 644 (поправки — апрѣль, стр. 134), съ помѣткой: *Чертково, 2 іюля 1839 г.* Есть черновой (оригиналъ, писанный карандашомъ и сильно стертый: есть и бѣловой (свѣрено). Въ бѣловомъ помѣчено: *21 іюля*. Посвящ. Алексѣю Алексѣевичу Тучкову, отцу Нат. Алекс., ставшей позднѣе (второй) женою О.; написано по поводу смерти матери Т-ва, Каролины Ивановны.—Мать О. умерла тотчасъ по его рожденіи.

— Стр. **231**. *На могилѣ друга*. „Рус. Стар.“ 1889 г., май, стр. 388, съ помѣткой: *Саратовъ, августъ 1839 г.* Свѣрено съ подлинникомъ и, кромѣ того, съ копіей, писанной рукою Мар. Льв., гдѣ къ заглавію прибавлено: (*А. Л.*); помѣчено такъ же, какъ въ „Рус. Стар.“. Посвящено, можетъ быть, университетскому другу О., Лахтину.

— Стр. **233**. *Ночь*. „Рус. Стар.“ 1888 г., ноябрь, стр. 476, съ помѣткою: *1830—1839*, и вторично (по недосмотру, вѣроятно)— тамъ же, 1889 г., іюль, стр. 110, съ помѣткою: *Москва, 1839 г.*

— Стр. **235**. *Молдаваны*. „Рус. Стар.“ 1889 г., іюль, стр. 162, помѣчено: *1839 г.*

— Стр. **237**. *Зимняя ночь*. „Рус. Стар.“ 1889 г., авг., стр. 438, помѣчено: *1840 г.*

— Стр. **239**. *Sérénade*. Печат. съ подлинника (первые два стиха — рукою М. Л., остальное рукою самого О.), имѣющаго на оборотѣ надпись: Milan 26 Juin. Въ письмѣ къ Герцену, напечатанномъ въ „Рус. Мысли“ 1888 г., ноябрь, стр. 15, О. говоритъ: „перевелъ еще кое-что изъ Шуберта“; вѣроятно, онъ имѣетъ въ виду именно этотъ шубертовскій романсъ. Письмо же, сейчасъ упомянутое, должно быть отнесено къ веснѣ 1840 г., судя по упоминанію о нахожденіи Гоголя въ Москвѣ; Гоголь былъ въ Москвѣ въ янв.—маѣ этого года.

— Стр. **240**. *Разладъ*. „Рус. Стар.“ 1889 г., авг., стр. 300; помѣчено: *17 апрѣля 1840 г.*

— Стр. **241**. *Прощаніе съ краемъ, откуда я не уѣзжалъ*. Тамъ же, стр. 386, помѣчено: *1840 г.*; относится, очевидно, къ первой поѣздкѣ О. за границу, въ 1840 г. Свѣрено съ подлинникомъ.

— Стр. **242**. *Nocturno*. „Рус. Стар.“ 1888 г., ноябрь, стр. 475, съ помѣткой: *1830—1835 гг* Эта датировка ошибочна, какъ видно изъ прим. къ стр. 22 (выше). Свѣрено съ подлинникомъ.

— Стр. **244**. *Старикъ и дѣвочка*. Печ. съ подлинника; какъ это, такъ и слѣдующее стихотвореніе написаны совершенно на такой же бумагѣ, какъ Nocturno 1 и Nocturno 2 (см. выше, прим. къ стр. 22), и на этомъ основаніи отнесены къ тому же 1840 году.

— Стр. **247**. *Осень*. Печ. съ подлинника; см. предыдущее прим.

— Стр. **249—250**. *Изъ Гейне*, два стих. „Литер. Газ.“ 1840 г № 63. Свѣрены съ подлинникомъ.

— Стр. **251**. *Изъ Гейне*. „Звѣзды съ ножками златыми“. „Рус. Стар.“ 1889 г., сент., стр. 518, съ помѣткой: *1840 г.* Свѣрено съ подлинникомъ.

— Стр. **252**. *Изъ Фауста*. „Отеч. Зап.“ 1841 г., т. 18, стр. 1, I также въ „Рус. Стар.“ 1889 г., сент., стр. 654. Свѣрено съ подлинникомъ.

— Стр. **257**. *Тебѣ я счастья не давалъ довольно*. Печат. съ копіи, писанной рукою Мар. Льв. и носящей помѣтку (ея же рукой): *5 Déc. 1841, Naples à Marie Ogareff*. Послѣдніе два стиха О. цитируетъ въ своемъ письмѣ къ М. Л. изъ Берлина отъ 19 дек. 1841 ст. ст.

— Стр. **258**. *Туманъ упалъ на снѣгъ полей*. Печат. съ подлинника, находящагося въ письмѣ О. къ Мар. Льв. изъ Таурогена отъ 1 янв. ст. ст. 1842 г.

— Стр. **259**. *Когда среди людей стою я одинокъ*. Съ подлинника, находящагося въ письмѣ О. къ Мар. Льв. изъ Петербурга отъ 10 янв. ст. ст. 1842 г.

— Стр. **260—266**. *Изъ альбома Е****. Изъ семи стих., помѣщенныхъ подъ этимъ заглавіемъ Т. П. Пассекъ въ „Пол. Зв.", изд. гр. Саліасомъ, 1881 г., май, стр. 137 и сл., здѣсь печатаются пять. По намекамъ, разсѣяннымъ въ этихъ стих., можно возстановить такую картину любви: *она*—дѣвушка, живетъ въ родной семьѣ. О. гоститъ въ ихъ домѣ, ночуетъ у нихъ, ѣздитъ кататься съ нею: она знаетъ его съ дѣтства: онъ любитъ робко, думаетъ, что ему не отвѣчаютъ взаимностью; пишетъ онъ эти стихи за границей, повидимому, въ Италіи, и навѣрное — вскорѣ послѣ разлуки съ нею, оставшейся въ Россіи: объ этомъ свидѣтельствуетъ свѣжесть его воспоминаній. На основаніи этихъ признаковъ стих. приходится отнести къ началу вторичнаго пребыванія О. за границей, т.-е. ко второй половинѣ 1842 г. (выѣхалъ изъ Петербурга 20 іюня); о первой поѣздкѣ трудно думать: тогда О. еще довольно сильно любилъ свою жену, Мар. Льв. Вѣроятно на эти свои стих. намекаетъ О. въ своемъ посланіи къ Грановскому отъ 6 апрѣля 1843 г.:

Мнѣ нуженъ стихъ, когда тревожно
Пишу я робкіе листы
Туда, куда меня мечты
Влекутъ томительно и ложно.
Мнѣ также нуженъ стихъ къ тебѣ, и т. д.

— Стр. **267**. *Рейнъ*. Сборникъ „Литерат. Вечеръ", Москва, 1844 г., стр. 31. На Рейнъ О. уѣхалъ 4 авг. 1842 г. нов. ст., см. „Рус. Мысль", 1889 г., ноябрь, стр. 14.

— Стр. **269**. *Эмсъ*. Тамъ же, стр. 31. Писано, безъ сомнѣнія, тогда же, какъ и „Рейнъ".

— Стр. **270**. *Танталъ*. Печат. съ подлинника: на оборотной сторонѣ—стих. „Встрѣча", напечатанное въ „Отеч. Зап." 1842 г., см. выше, прим. къ стр. 14.

— Стр. **272**. *Le Cauchemar*. Печат. съ подлинника, находящагося въ письмѣ къ Мар. Льв.: писано, какъ видно изъ письма, ночью въ Cisterno на дорогѣ къ Риму, куда О. ѣхалъ въ первый разъ,—значитъ, осенью 1842 г.

— Стр. **274**. *Какъ звукъ, замолкнувшій безслѣдно*. Съ подлинника, находящагося въ письмѣ къ Мар. Льв. изъ Берлина отъ 22 дек. 1842 г. ст. ст.

— Стр. **275**. *Пустой домъ*. „Литер. Веч.", М. 1844 г., стр. 20. Это, какъ и слѣд. два стих., было послано Огаревымъ московскимъ друзьямъ изъ Рима при письмѣ отъ 21 янв.—2 февр. 1843 г., см. „Рус. Мысль" 1889 г., дек., стр. 5.

— Стр. **277**. *Онъ уже опять испытанъ*. Тамъ же, стр. 33, см. предыд. прим.

— Стр. **278**. *Ожиданіе*. Тамъ же, стр. 33; см. выше, прим. къ 275 стр.

— Стр. **280**. *Огаревъ—Грановскому*. „Рус. Мысль“ 1889 г., дек., стр. 12. Сверено съ подлинникомъ. — Помѣщаемъ здѣсь кстати шутку-посланіе О. къ Кетчеру (въ Петербургъ) изъ Берлина отъ 1844 г.:

Завидуя, что нѣсколько стиховъ
Здѣсь пишетъ другъ ученый,
Carissimo, я и своихъ готовъ
Въ пакетъ прибавить эный.
Стихи сіи (другимъ путь до Москвы)
Шлю къ берегамъ Невы я,
Гдѣ будете читать ихъ точно вы,
Хотя ихъ пишете не вы — я.
Какъ Сат[инъ], въ нихъ скажу, что предъ судьбой
Еще не гнется выя,
Хотя давно съ проклятою хандрой
Мы всѣ знакомы — вы, я,
Знакомъ съ ней тожъ Григорьичъ Виссарьонъ
И Г[ерценъ], и профессоръ
(Желательно, чтобъ поскорѣй, баронъ,
У нихъ съ души сей слѣзъ соръ!)
Знакомъ съ ней русскій и не-русскій людъ
И женщины иныя,
Хоть долженъ я признаться вамъ, что тутъ
Не вижу ихъ вины я.
Зато душой люблю всѣ вина я,
И тожъ не врагъ коньяка,
И съ ними въ жизни сердцемъ не остыну я
И буду бодръ конь [?]
Пусть намъ извнѣ судьба печали шлетъ,
Внутри быть надо стойку...
А правда ли, что Г[ерценъ] нынче пьетъ
Бальзамъ или настойку?
Бальзамъ и хересъ вздоръ. Пить надо джинъ,
Еще пить можно Porto;
Разъ послѣ нихъ я не пошелъ одинъ,
А требовалъ транспорта.
Бывало даже послѣ Romanée
Терялъ я въ счастье вѣру;
Но все-же пилъ я послѣ ромъ, а не
Противную мадеру.
Но нынѣ, Боже! Цитманъ мой герой,
И какъ-то духомъ палъ я;
Не знаю, что начать съ самимъ собой;
Читать уже усталъ я,

Хотѣлъ бы даже послужить въ полку,
А книги скласть на полку,
Но только жизнь я мыслью натолку,
А все въ ней мало толку.
Засимъ прощай! На, вотъ тебѣ рука,
И ты свою дай руку;
Рожь смелется и выйдетъ, братъ, мука,
Пока потерпимъ муку!

(„Рус. Мысль“ 1892 г., сент., стр. 7.)

— Стр. **290**. (*Посланіе къ друзьямъ изъ Швальбаха*). „Рус. Мысль“ 1890 г., авг., стр. 2, въ письмѣ къ московскимъ друзьямъ изъ Ганау отъ $^{17}/_{29}$ сент. 1843 г. Свѣрено съ подлинникомъ. Какъ видно изъ письма, посланіе это писано въ Швальбахѣ, но не было тогда послано за недосугомъ. О. озаглавилъ его: „Швальбахъ въ разныя времена“ и сдѣлалъ такое прим. къ этимъ словамъ: „Прошу извиненія, что форма украдена изъ *Journal des Débats* стараго изданія.“ Подъ стих. О. на слѣдующій день приписалъ: „Этимъ заключилось швальбахское посланіе. Кажется, оно должно было быть гораздо длиннѣе, но не кончилось.“ О. жилъ въ Швальбахѣ приблизительно съ конца августа до начала сентября 1843 г., см. „Рус. Мысль“ 1890 г., апрѣль, стр. 1.—Въ концѣ стиха „Мнѣ было въ тягостно“ явно пропущено *оно*. Въ строфѣ о виндахъ — намекъ на *Slavansky Narodopis* Шафарика, котораго тогда читалъ О.

— Стр. **301**. *Слова старца*. „Отеч. Зап.“ 1843 г., т. 28, стр. 196, Солдат. 108. Переводъ второй строфы стих. Уланда *Greisenworte*.

— Стр. **302**. *Празднику*. „Отеч. Зап.“ 1844 г., январь, стр. 196 (безъ заглавія), Солдат. 69.

— Стр. **303**. *Дяюсь Кроносу*. „Отеч. Зап.“ 1845 г., іюнь, стр. 173, Солдат. 130. Въ „Отеч. Зап.“: „Оркусъ, чтобъ, *слышавъ*“... Переводъ гётевскаго *An Schwager Kronos, in der Postchaise*.

— Стр. **305**. *Отъѣзду*. „Соврем.“ 1847 г., т. I, стр. 196, Солдат. 132.

— Стр. **306**. *Другу*. Съ подлинника, написаннаго карандашомъ на бумагѣ Тальской фабрики, гдѣ О. жилъ въ первой половинѣ 50-хъ годовъ до отъѣзда за границу. По всей вѣроятности относится къ Грановскому, о ссорѣ съ которымъ см. „Исторію одной грызбы“ въ „Научн. Словѣ“ 1903 г., IX, стр. 53—56.

— Стр. **307**. *Sehnsucht*. Съ копіи, писанной рукой Н. А. Огаревой, см. выше, прим. къ стр. 100; остальныя три стих., находящіяся въ той же копіи, напечатаны въ „Рус. Вѣстн.“ за іюнь 1856 г.

— Стр. **308**. *Ночь туманная темна*. „Рус. Стар.“ 1890 г., іюль, 224. Во второй строфѣ очевидно пропущенъ стихъ.

— Стр. **309**. *Тотъ жалокъ, кто подъ молотомъ судьбы*. Тамъ же. Первую строфу О. цитируетъ въ своемъ письмѣ къ Анненкову отъ 24 іюня 1855 г., см. „Анн. и его друзья“, стр. 651.

— Стр. **310**. *Небо да море. Волна за волной.* Съ подлинника, писаннаго карандашомъ и очень стертаго: слово, поставленное въ скобкахъ, сомнительно. На томъ же листкѣ—черновикъ стих. „На морѣ“, см. выше, прим. къ стр. 70.

— Стр. **311**. *Прощаніе съ Италіей.* „Рус. Вѣстн.“ 1856 г., іюль, стр. 237. Солдат. 72. Относится, конечно, къ первой или второй поѣздкѣ О. за границу.

— Стр. **314**. *Изъ края бѣдныхъ, битыхъ и забитыхъ.* „Помощь голодающимъ“, изд. „Рус. Вѣд.“, Москва, 1892 г., стр. 525. Адресовано Евг. Ѳед. Коршу изъ-за границы. Свѣрено съ подлинникомъ, находящимся въ записной книжкѣ, о которой см. выше, прим. къ стр. 135. Въ подлинникѣ озаглавлено: *Коршу.*

— Стр. **317**. *По краямъ дороги.* Съ подлинника. Сохранились еще двѣ черновыя этого стихотворенія, обѣ 1857 — 1860 гг. Въ первой оно носитъ заглавіе *Immer weiter!* (эта черновая написана на оборотѣ листка, гдѣ конецъ стих., напечатаннаго выше, стр. 157, и относящагося вѣроятно къ 1857 году; на этомъ основаніи мы пріурочили стих. „По краямъ дороги“ къ 1857 г.). Вар.:

По краямъ дороги
Въ полуночной лѣни
Поднялись деревья
Темныя, какъ тѣни...

Но отъ нихъ невольно
Отдалось могилой;
Не вернуть былого
Никакою силой...

Во второй черновой стих. кончается такъ:

Но, мой ангелъ новый,
Вдоль дороги темной
Отыскать сумѣю
Я твой домикъ скромный
И въ объятьяхъ жаркихъ
Встрѣчу утро рано...

— Стр. **319**. *Ворцель.* „Рус. Мысль“ 1902 г., мартъ, стр. 12, гдѣ сказано, что заглавіе въ оригиналѣ написано рукою Герцена. Ворцель, польскій эмигрантъ, ум. въ Лондонѣ 3 февр. 1857 г.; см. статью Герцена „Смерть Станислава Ворцеля“, соч., т. X, стр. 396—404.

— Стр. **320**. *Женщинѣ-медику.* „Рус. Мысль“ 1902 г., мартъ, стр. 8. Написано въ альбомъ Л. П. Шелгуновой въ 1859 г., какъ можно судить по ея воспоминаніямъ „Изъ далекаго прошлаго“ С.-Пет., 1901 г., стр. 91. Альбомъ этотъ частью напечатанъ въ „Литерат. Архивѣ“ П. А. Картавова, 1902 г.; здѣсь, на стр. 97, сказано: „Огаревъ, узнавъ, что я собираюсь учиться медицинѣ и

поступила уже въ клинику, очень сочувственно отнесся къ этому и написалъ даже мнѣ стихотвореніе, которое прислалъ въ Парижъ, куда мы проѣхали изъ Лондона." Далѣе слѣдуетъ четверостишіе: „Чего хочу?... Чего?... О, такъ желаній много" и пр. изъ „Монологовъ" и стих. „Женщинѣ-медику".—А въ Лондонѣ, какъ видно изъ записи Герцена въ томъ же альбомѣ (15 марта 1859 г.), Шелгуновы были въ мартѣ, слѣд. стихотв. должно быть отнесено къ половинѣ 1859 г.

— Стр. **321**. *Ночью*. „Рус. Мысль" 1902 г., мартъ, стр. 5, съ помѣткой: *1859 г.* и съ опечаткой „запавшій" вм. „замолкшій". Вар. по копіи, сообщенной С. А. Переселенковымъ:

Я празденъ былъ, но легкой тѣнью...

Онѣ прошли, онѣ ненужны,
Меня томитъ ихъ лепетъ дружный.
Такъ звукъ, таинственно скользя,
Для слуха памятенъ невольно...

Зачѣмъ я вызвалъ образъ милый?
Безъ сновидѣній, безъ тревогъ,
День за день ровно бъ жить я могъ,
И дни тянулись бы унылы.
Но звукъ, таинственно скользя,
Для сердца памятенъ невольно...

— Стр. **322**. *Кладбище*. „Рус. Мысль" 1902 г., мартъ, стр. 5, съ помѣткою: *1859 г.* Вар. по копіи, сообщенной С. А. Переселенковымъ: „кладбища *тихія* могилы", или „*мирныя*".

Еще заката лучъ трепещетъ
Румяно-томною игрой
И крестъ недвижный ярко блещетъ
Межъ небесами и землей.

И только женщина одна,
Какъ тѣнь блуждая по кладбищу,
Для скорби вызывая пищу,
Вся въ черное облечена
(Въ одеждѣ траурной, стройна),
Безмолвно бродитъ по кладбищу.
Вотъ тихо къ церкви подошла,
Сложила руки близъ чела...

или:

Вотъ тихо къ церкви подошла,
Вуаль рукою отвела,
И на холодныя ступени...

Въ твоей душѣ клокочетъ совѣсть...

Но жаждѣ истины священной
Онъ отдалъ свой короткій вѣкъ.
Недолговѣчной жизни дѣло
Ему испортить ты сумѣла
Какой-то пошлостью тупой...

Какъ тѣнь, уходитъ за ограду,
Въ одеждѣ траурной, стройна...

И вотъ, блѣднѣя, солнце сѣло...

или:

Заря потухла, солнце сѣло...

И въ темнотѣ ночной уныли
(Въ ночи безмолвствуютъ унылы)
Кладбища тихія (мирныя) могилы.

— Стр. **325**. *Все превосходное.* „Рус. Мысль“ 1902 г., апрѣль, стр. 170, съ помѣткой: *1859 г.* Свободное подражаніе гётевскому Chorus mysticus, переведенному О-мъ въ молодости:

Chorus mysticus.

Все преходящее—
Только сравненіе;
Недостижимому
Здѣсь выполненіе;
Невыразимое
Здѣсь совершается,
А вѣчно-женственнымъ
Душа плѣняется.

(„Рус. Стар.“ 1890 г., іюль, стр. 224.)

— Стр. **327**. *Свисти ты, о вѣтеръ, съ безсонною силой.* „Рус. Мысль“ 1902 г., мартъ, стр. 5, съ помѣткой: *1859 г.* и съ опечаткой: „Свистишь“. Свѣрено съ подлинникомъ, находящимся въ записной книжкѣ 1859 г., см. выше, прим. къ стр. 182.

— Стр. **328**. *Дѣвушка.* „Рус. Мысль“ 1902 г., апрѣль, стр. 173. Свѣрено съ подлинникомъ, находящимся въ записной книжкѣ 1859 г., см. прим. къ стр. 182.

— Стр. **329**. *Осенній день былъ сыръ и сыръ.* „Русск. Мысль“ 1902 г., апрѣль, стр. 170. Свѣрено съ подлинникомъ, находящимся въ записной книжкѣ 1859 г., см. выше, прим. къ стр. 182.

— Стр. **330**. *Изабелла.* „Рус. Мысль“ 1902 г., апрѣль, стр. 172, съ помѣткою: *Конецъ 50-хъ годовъ.*

— Стр. **331**. *У моря.* „Рус. Мысль“ 1902 г., мартъ, стр. 10. Свѣрено съ подлинникомъ (въ записной книжкѣ 1862 г.), гдѣ это стих. носитъ помѣтку: *8 іюня.*

— Стр. **332**. *Татьѣ Г.* Посвящено старшей дочери Герцена, Наталіи Александровнѣ, и печатается съ копіи, любезно присланной

ной для этого изданія проф. А. А. Герценомъ: въ подлинникѣ помѣчено: *11 окт. 1862 г.* Вѣроятно объ этомъ стих. писалъ Герценъ Огареву въ февралѣ 1869 г. (когда онъ печаталъ свои очерки „Скуки ради“ въ „Недѣлѣ“): „Не хочешь ли твою эпистолу къ Татѣ—въ... [вѣроятно „Нелѣпо“]? Стоитъ выдумать псевдонимъ. *Саранскій, Акшинскій, Бѣлоомутскій,*— послѣдній всего лучше“; см. Пассекъ, III, 205.

— Стр. **334**. *Exil*. Съ подлинника: записная книжка 1863 г. (см. прим. къ стр. 336), гдѣ оригиналы „Exil“, „Симъ побѣдиши“, „Призрака“, „На Поггенполя“, „Мчатся кони“ и конца „Исповѣди“. Послѣ „сердечной теплотою“ былъ (и зачеркнутъ) еще стихъ:

И жаждой истины святою.

Воспоминаніе о стих. *Къ ****, напечатанномъ выше, стр. 79; см. прим. къ той стр.

— Стр. **336**. *„Симъ побѣдиши“*. Съ подлинника (см. прим. къ стр. 334). — Отвѣтъ на письмо, напечатанное въ „Колоколѣ“ № 171 отъ 1 октября 1863 г., чѣмъ и опредѣляется дата этой записной книжки О. Уже по отпечатаніи стих. въ текстѣ мы узнали, что оно было напечатано въ „Колоколѣ“ № 172, отъ 1 ноября 1863 г.: здѣсь, вм. „И въ здравомысляшій“ напечатано: „Въ землевладѣющій...“

— Стр. **338**. *Призракъ*. „Рус. Мысль“ 1902 г., апрѣль, стр. 171, съ помѣткою: *„въ Англіи.“* Сверено съ подлинникомъ (см. прим. къ стр. 334). Вар.:

Въ одну изъ тѣхъ ночей и влаги и тепла,
Когда весенняя, серебряная мгла
Колеблетъ лунное прозрачное броженье...

или:

Въ одну изъ тѣхъ ночей, гдѣ нѣжится въ теплѣ
Душистой влажности весенней дуновенье,
Сіянье лунное трепещетъ въ синей мглѣ,—
Въ одну изъ тѣхъ ночей явилось мнѣ видѣнье.

Подъ старой ивою недвижно я лежалъ...

Не могъ я приподнять хладѣющія руки...

И вдругъ пришла она въ своей одеждѣ бѣлой...

— Стр. **340**. *Мчатся кони вороные*. Съ подлинника, см. прим. къ стр. 334. Первоначально стих. кончалось слѣд. строфой:

Скачка трупа не тревожитъ,
Крышка — пуще гири мѣдной,
Колотиться онъ не можетъ —
И выходитъ, что безвредно.

— Стр. **342**. *Исповѣдь*. Съ подлинника; первая половина стих., до „Съ чего же...“, находится и въ гринвичской тетради, конецъ — уже въ записной книжкѣ 1863 г. (см. прим. къ стр. 334), почему и помѣщаемъ его въ этомъ мѣстѣ. Эпиграфъ относится еще къ 1858—59 г. Эпиграфъ напечатанъ въ „Рус. Мысли“ 1902 г., апрѣль, стр. 176.

— Стр. **345**. *Италія! Въ дни юности предметъ...* Съ подлинника, находящагося въ записной книжкѣ 1864—65 гг. Вар.: „*Осталися*, какъ сны...“ — Написано, вѣроятно, въ 1865 г., въ 600-лѣтнюю годовщину рожденія Данте („поэта вѣчной муки“).

— Стр. **346**. *Scherzo*. Съ подлинника; писано, вѣроятно, въ 1866 г.

— Стр. **347**. *Лизѣ*. Печат. съ подлинника; на оборотѣ послѣдняго листка — черновикъ стих. „Музыканту“, см. выше, прим. къ стр. 193. На этомъ же листкѣ О. записалъ (очевидно сюжетъ для стих.): „Онъ уходилъ въ степи на косьбу. Тучки на перекосокъ. Ночь и звѣзды. Старый косарь.“

— Стр. **349**. *Памяти друга*. Т. П. Пассекъ: „Изъ дальнихъ лѣтъ“, I, 259, при чемъ Т. П. сообщаетъ, что получила это стих. при письмѣ О. въ Вѣнѣ въ 1873 г. 6 апрѣля. Раньше она же напечатала это стих. въ „Пол. Зв.“, изд. гр. Саліасомъ, 1881 г., май, стр. 135, но здѣсь она говоритъ, что получила его вмѣстѣ съ двумя другими (между прочимъ, „Раздумьемъ“), въ Яссахъ, въ іюнѣ, совсѣмъ при другомъ письмѣ. Записки Т. П. Пассекъ вообще крайне ненадежны; нельзя даже полагаться на текстъ писемъ, сообщаемыхъ ею, такъ какъ она не только плохо читала ихъ, но и сплошь и рядомъ передѣлывала, что ясно видно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ей случилось дважды въ разныхъ изданіяхъ печатать одно и то же письмо: сравн. напр. I, 258 съ „Пол. Зв.“ 1881 г., мартъ, стр. 69. — Посвящено Герцену и писано несомнѣнно вскорѣ послѣ его смерти (Г. ум. въ янв. 1870 г.). Въ „Пол. Зв.“: сердце *лопнуло*.

— Стр. **350**. *Раздумье*. „Пол. Зв.“, изд. гр. Саліасомъ, 1881 г., май, стр. 135 (безъ второй строфы); по словамъ Пассекъ, прислано ей О—мъ въ 1873 г., см. предыдущее прим. Напечатано также въ „Рус. Мысли“ 1902 г., апрѣль, стр. 175 (вар.: „*Поглотила* много“). — Сохранилось въ нѣсколькихъ подлинныхъ копіяхъ, изъ которыхъ самая ранняя — 1870—71 г.; носитъ заглавіе то „Раздумье“, то „Могила“, а въ одномъ случаѣ подъ заглавіемъ написано рукою О.: *Старому другу*. Тогда же, по словамъ Пассекъ, О. написалъ слѣд. стихи (исправлено по подлиннику, писанному ок. 1870—71 г.):

Напиваясь брагой кроткой,
Напиваяся виномъ,
Напиваясь просто водкой,
Шелъ я жизненнымъ путемъ;

И сломалъ себѣ я ногу
И, хромающій поэтъ,
Все-же дожилъ по немногу
До шестидесяти лѣтъ.

Пассекъ, I, 261, и „Пол. Зв.“ 1881 г., апрѣль, стр. 131.

— Стр. **351**. *Картинка очевидца*. Съ подлинника, находящагося въ записной книжкѣ 1870—71 г. Относится, вѣроятно, къ 1871 г., когда въ Швейцаріи находился въ почетномъ плѣну цѣлый французскій корпусъ генерала Бурбаки. „Неутѣшномъ“ можно прочитать и какъ „неутральномъ“, что вполнѣ соотвѣтствовало бы историческимъ обстоятельствамъ.

— Стр. **352**. *Сѣрыя облаки по небу тянутся*. Съ подлинника, писано ок. 1872—73 г.

— Стр. **353**. *Проклятіе*. Съ подлинника, писано послѣ смерти Герцена, но еще въ Женевѣ. Первые два стиха неудобны къ печати.

— Стр. **354**. *Героическая симфонія Бетховена*. „Рус. Мысль“ 1902 г., мартъ, стр. 3, съ помѣткою: *1874 г.* Свѣрено съ подлинникомъ, находящимся въ гринвичской записной тетради; въ „Рус. Мысли“ напечатано: *„И жалко мнѣ, что я умру безъ муки...“*

— Стр. **355**. *Четверть, 6 января 1876 г.* „Рус. Мысль“ 1902 г., апрѣль, стр. 176. Свѣрено съ подлинникомъ.

— Стр. **355**. *Раздумье*. „Рус. Мысль“ 1902 г., апрѣль, стр. 176, съ помѣткою: *1876 г.* Свѣрено съ подлинникомъ. Помѣщаемъ здѣсь кстати еще слѣд. набросокъ изъ послѣднихъ „раздумій“ О.:

Работаю, не сосводя съ стола
Пера, чернилъ, ни даже рюмки джина.
Привыкъ я къ этой смѣси съ измала,
Еще до регистраторскаго чина.
Я лучшихъ пережилъ моихъ друзей,
Которые держались въ жизни строго,
Работали съ сознаньемъ цѣли всей
И пользы дѣлу приносили много.
Съ какихъ заслугъ, съ какихъ огромныхъ силъ
Я въ жизни ихъ во старость пережилъ?
Оно печально, вмѣстѣ и смѣшно,
И все-жъ живу, да вотъ и все оно.

— Стр. **356**. *Моя улица въ Гринвичѣ*. Съ копіи С. А. Переселенкова. Umbrellas to mend—чинить зонтики. Въ Гринвичѣ же, куда О. переселился въ 1875 г., написанъ слѣд. отрывокъ (по копіи С. А. Переселенкова):

На Гринвичъ облако нашло
Тускло-истасканнаго цвѣта
И мнѣ на память привело
Санкт-петербургскаго привѣта

Неблагосклонныя черты
Въ дни жизни юной суеты.
Но я страдалъ во оны годы
Не столько просто отъ погоды...

— Стр. **357**. *На новый годъ.* Печат. съ копіи, любезно сообщенной С. А. Венгеровымъ; было послано Лаврову при слѣд. письмѣ: „29 ноября. Среда.— Вотъ, другъ Лавровъ, вамъ стихи. Не знаю, понравятся или нѣтъ, но напишите ваше мнѣніе. Мнѣ они покамѣстъ по сердцу и я къ нимъ подлаживаю музыку, которую не знаю откуда взялъ. Но съ этимъ не знаю насколько слажу, только работа меня занимаетъ страстно. Здоровье плохо и 64 годъ звучитъ судорожно. Весь вашъ Огаревъ.—63 года по здѣшнему стукнетъ 6 декабря.—PS. Посылаю 30-го ноября (четвергъ). Вчера опоздалъ. Напишите, что—могу поправить или надо бросить? Сегодня въ Daily Telegraph странная статья о духѣ Петра Велик., но кажется болтовня."— О. родился въ 1813 г., значитъ стих. написано въ концѣ 1876 г.

— Стр. **358**. *Новое раздумье.* Съ подлинника; писано, судя по почерку, незадолго до смерти.

— Стр. **359**. *Море.* Съ копіи С. А. Переселенкова.

— Стр. **361**. *Франція.* „Рус. Мысль" 1902 г., мартъ, стр. 10. Написано несомнѣнно за границей послѣ декабр. переворота.

— Стр. **362**. *Давно я не писалъ въ альбомахъ.* Съ копіи С. А. Переселенкова. Гр. Соллогубъ — авторъ „Тарантаса", графиня Долго —вѣроятно, гр. Евдокія Петр. Ростопчина. Приводимъ здѣсь кстати сохранившіяся въ рукописи эпиграммы О.; изъ нихъ эпигр. на Поггенполя напечатана въ книгѣ В. Батуринскаго „Герценъ, его друзья и знакомые", С.-Пб., 1904 г.

Примѣръ неправильныхъ, но справедливыхъ удареній.

Голосъ влажный, голосъ невскій,
Головнинскій, Валуéвскій
Издаетъ Андрей Краевскій,
Нашъ Краевскій, нашъ Андрей —
Ты съ болотъ своихъ петровскихъ
Не достигнешь до московскихъ,
До московскихъ, до катковскихъ,
Полицейскихъ, муравьевскихъ
Доносныхъ Вѣдомостей.

Ростовщевская коммиссія.

Тамъ во школѣ во Фламандской
Засѣдаетъ Фирсъ Ламанскій,
А ему же для совѣтовъ
Данъ бездарный Арапетовъ.

Для гармоньи, вмѣсто лютенъ,
Къ нимъ прибавленъ самъ Милютинъ,
Для разсѣянія мраковъ
Взять изъ Библіи Іаковъ,
Въ мужикахъ же только баринъ.
Юрій Ѳедорычъ Самаринъ.

Что за годъ безчеловѣчій!
Жатва спѣла въ смрадѣ словъ,
И взошли отъ корня Гречей
Все Чичеринъ да Катковъ [1]).

Каткову.

Михайло Никифорычъ старый,
Варвары Акимовны сынъ,
Теперь вы полѣзли въ бояре,
Теперь вы большой дворянинъ.
Недавно вы были...

Кн. Черкасскому.

Нѣтъ! Чужда тебѣ Россія
И славянамъ ты не свой —
Розгоблудія витія,
Дѣлъ заплечныхъ цеховой.
Прочь, сіятельнѣйшій баринъ,
Спрячься въ собственную грязь!..
Ну — какой ты русскій князь —
Нѣмцемъ пахнущій татаринъ!

Въ Nord'ѣ сквозь всѣ тонкости
Языка французскаго,
Такъ вотъ, такъ и чувствуешь
Погань поля русскаго.
. . . . . .

(У г. Батуринскаго: „Все-же такъ и слышится“.)

— Стр. **363**. *Моцартъ*. Съ подлинника. Картина лондонской или, скорѣе, женевской улицы.
— Стр. **365**. *И я тебя сегодня не видалъ*. Съ подлинника; судя по бумагѣ, писано въ Лондонѣ.

[1] Изъ „Маленькой книжки 1862 г.

— Стр. **367**. *Сидѣла ль ты въ раздумьи вечеркомъ*. Тоже; писано на такой же бумагѣ, какъ предыдущее стих.

— Стр. **368**. *Среди сухого повторенья*. Съ подлинн. (вѣроятно, въ Англіи). Вар.: „Волнуетъ *вкрадчиво* меня."

— Стр. **370**. *Блеснуло утро мнѣ въ окно*. Съ копіи, сообщенной С. А. Переселенковымъ.

— Стр. **371**. *Окрестность вся молчитъ*. Тоже. Вар.: „Безумный *человѣкъ!*" „Какъ мѣсяцъ въ вышинѣ *безчувственный и ясный*."

— Стр. **372**. *Въ преклонныхъ лѣтахъ*. Тоже.

— Стр. **372**. *Проклятіе*. Тоже.

— Стр. **373**. *Я виноватъ, быть можетъ, въ многомъ*. Тоже.

— Стр. **374**. *Улица*. Тоже.

— Стр. **375**. *Моей старухѣ*. Тоже. „Старуха" — англичанка Мери Сузерлендъ, вдова, жившая съ О. лѣтъ двадцать вплоть до его смерти; о ней см. „Анненковъ и его друзья", стр. 120, и Т. П. Пассекъ, III, 18. На нее, можетъ быть, намекаетъ О. въ слѣд. отрывкѣ, написанномъ, вѣроятно, незадолго до смерти О., судя по старческому, сильно изломанному почерку:

Вотъ съ нимъ я сорокъ лѣтъ жила,
И все-же не видала зла;
Онъ ни полсловомъ, ни намекомъ
Не оскорбилъ меня упрекомъ
За юныхъ дней моихъ разгулъ,
О чемъ иной бы помянулъ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СТИХОТВОРЕНІЙ

(включая напечатанныя въ примѣчаніяхъ.)

А. С. Б....ъ (Я въ храмѣ былъ, и много тамъ людей) . . 211
Алхимикъ 204
Арестантъ 102
Aurora musae amica 106
Aurora-Walzer 58

Бабушка 172
Барышня 126
Блеснуло утро мнѣ въ окно 370
Будущность 133
Бываю часто я смущенъ внутри души 88
Бѣлство 118
Бѣлый снѣгъ, старый другъ, увидалъ я 383

Весна (Еще лежитъ, бѣлѣясь средь полей) 60
Весною (Брожу я по лѣсу тропою каменистой) 130
Весною (Весною и зеленью пахнетъ въ саду) 156
Вечеръ 10
Вихрь 196
Возвращеніе 169
Ворцель 319
Воспоминаніе (Любилъ онъ тоже выпить иногда) 399
Воспоминанія дѣтства, I—VII 182
Вотъ съ нимъ я сорокъ лѣтъ жила 413
Все превосходное 325
Встрѣча 14
Вчера я въ церковь dell'Annunziata (Изъ альбома E***, IV) . 264

Въ альбомъ (Хотя живу я и давно) 24
Въ мірахъ безумно молодость проходитъ 65
Въ преклонныхъ лѣтахъ 372
Въ тиши ночной аккордъ печальный (Изъ альбома Е***, V). 266
Вы были дѣвочкой, а я (Къ ***) 19
Выпьемъ, что ли, Ваня (пародія) 385

Gasthaus zur Stadt Rom 43
Героическая симфонія Бетховена 354
Die Geschichte 101
Грановскому (Вспомнилъ я, товарищъ) 197
Gute Gesellschaft 8

Давно я не писалъ въ альбомахъ 362
Двѣ любви (Воспоминанія дѣтства, IV) 185
Деревенскій сторожъ 6
Дилижансъ 49
„Дитятко, милость Господня съ тобою“ 161
Длинная дорога 393
Домой я воротился очень поздно 67
Дорога 55
Другу 306
Друзьямъ 1
Дувръ (Воспоминанія дѣтства, VII) 188
Дѣдушка 328
Дядѣ Кроносу (Изъ Гёте) 303

Еще любви безумно сердце проситъ 62
Ея портретъ (Изъ Гейне) 250
Exil 334

Женщинѣ-медику 320

Забыто 91
Забытье 189
Завидуя, что нѣсколько стиховъ 403
Залогъ блаженства въ жизни скучной (Изъ альбома Е***, III). 263
Звуки 18
Звѣзды съ ножками златыми (Изъ Гейне) 251
Зимняя ночь 237

Изабелла 330
Изба 33
Изъ альбома Е*** I—V 260
Изъ Гейне (Звѣзды съ ножками златыми) 251
Изъ края бѣдныхъ, битыхъ и забитыхъ 314
Изъ „Фауста“ 252

П—ру (Въ унынiи медленномъ недуга и лѣченья) 135
П—ру (О, если бъ ты подумать только могъ) 105
Искандеру (Я ѣхалъ по полю пустому) 95
Исповѣдь (Все больше лѣтъ на самомъ дѣлѣ) 342
Исповѣдь (Мой другъ, тебѣ хотѣлъ бы я) 66
Италiя! Въ дни юности предметъ 345
И я тебя сегодня не видалъ 365

Кабакъ 21
Кавказскому офицеру 112
Какъ все чудесно, стройно въ васъ (Къ Д***) 11
Какъ звукъ, замолкнувшiй безслѣдно 274
Картинка очевидца 351
Каткову 412
Кладбище 322
Когда встрѣчаются со мной 69
Когда въ цѣпи каретъ, готовыхъ для движенья (Къ ***) . 163
Когда среди людей стою я одинокъ 259
Когда тревогою безплодной 13
Кокеткѣ 124
Le Cauchemar 272
Кремль 4
Кривая береза (Воспоминанiя дѣтства, III) 184
Купанье 110
Къ подъѣзду!... Сильно за звонокъ рванулъ я 63
Къ Д *** (Какъ все чудесно, стройно въ васъ) 11
Къ Лидiи 129
Къ Н... (На нашъ союзъ святой и вольный) 104
Къ *** (Вы были дѣвочкой, а я) 19
Къ *** (Когда въ цѣпи каретъ, готовыхъ для движенья) . . 163
Къ *** (Разстались мы — то, можетъ, нужно) 79

Е. Г. Л[евашевой] (Я съ юныхъ лѣтъ зналъ тяжкiя гоненья) 228
Лизѣ 347
Livorno 71
Лѣсъ (Воспоминанiя дѣтства, II) 183
Лѣтомъ 158
Люблю народъ, любовь моя не можетъ (Подражанiе Пушкину) 387

Магдалина 177
Марiи, Александру и Наташѣ 223
Мертвому другу 141
Младенецъ 26
Много грусти 12
Мнѣ снилося, что я въ гробу лежу 173
Моей старухѣ 375

Молдаваны 235
Монологи 81
Море (симфонія) 359
Моцартъ 303
Моя лампада 208
Моя молитва 219
Моя улица въ Гринвичѣ 356
Музыканту 103
Муха въ моей комнатѣ 392
Мчатся кони вороные 340

На Гринвичъ облако нашло 410
На могилѣ друга 231
На морѣ 70
На мосту 128
На нашъ союзъ святой и вольный (Къ Н...) 104
На новый годъ (Лаврову) 357
Напиваясь брагой кроткой 409
На Поггеншоля 412
Напутствіе 154
На сонъ грядущій 73
На сѣверѣ туманномъ и печальномъ 56
На улицѣ 392
Неаполь 35
Небо да море. Волна за волной 310
Не многимъ 132
Новая полурыбица въ русской литературѣ (Тургеневъ) . . 386
Новое раздумье 358
Новый годъ (Воспоминанія дѣтства, VI) 187
Nocturno (Волна течетъ, волна шумитъ) 242
Nocturno (Какъ пустъ мой деревенскій домъ) 22
Ночь (Когда во тьмѣ ночной, въ мучительной тиши) . . 72
Ночь (Тихо въ моей комнаткѣ) 233
Ночь туманная темна 308
Ночью (Опять я видѣлъ васъ во снѣ) 321

Обыкновенная повѣсть 31
Огаревъ — Грановскому 280
О, если бъ мнѣ пришлось прожить еще года 199
Ожиданіе 278
Окрестность вся молчитъ. Одинъ стопой бездомной . . . 371
Она никогда его не любила 15
Онъ ужъ былъ испытанъ 277
Онѣ торжественны, минуты вдохновенья 203
Опять знакомый домъ, опять знакомый садъ 117
Осенній день былъ сѣръ и сыръ 329
Осень (Когда осеннею порою) 247
Осенью (Какъ были хороши порой весенней нѣни) . . . 153

Отступницѣ (Гр. Ростопчиной) 145
Отъѣздъ 305

Памяти друга 349
Первая дружба (Воспоминанія дѣтства, V) 186
Первая любовь 121
Подражаніе Пушкину (Люблю народъ, любовь моя не можетъ) 387
По краямъ дороги 317
Полдень 20
Портреты 100
Посланіе къ друзьямъ изъ Швальбаха 290
По тряской мостовой я ѣхалъ молча 68
Праздникъ 302
Предисловіе къ неизданному и недоконченному 198
Призракъ 338
Примѣръ неправильныхъ, но справедливыхъ ударенiй . . 411
Проклясть бы могъ свою судьбу 120
Проклятіе (Въ..... юность проходила) 353
Проклятіе (Кого же въ жизни я любилъ?) 372
Прометей 28
Прощаніе съ Италіей 311
Прощанье съ краемъ, откуда я не уѣзжалъ 241
Пустой домъ 275
Путникъ 5
Пѣсня 225
Пѣсня русской няньки у постели барскаго ребенка (Подражаніе Лермонтову) 385

Работаю, не сосводя съ стола 410
Разговоръ (Изъ Мицкевича) 87
Раздумье (Да! я состарился, вошелъ въ такія лѣта) . . . 355
Раздумье (Дикія страсти, звѣриная доля) 392
Раздумье (Тихая могила) 350
Разладъ 240
Разлука 151
Разсвѣтъ (Воспоминанія дѣтства, I) 182
Разстались мы — то, можетъ, нужно (Къ ***) 79
Рейнъ 267
Ростовцевская комиссія 411
Рыбачка (Изъ Гейне) 249

Свисти ты, о вѣтеръ, съ безсонною силой 327
Scherzo 346
Sehnsucht 307
Sérénade 239
Сидѣла ль ты въ раздумьи вечеркомъ 367
„Спимъ побѣдишь“ 336

Слова старца (Изъ Уланда) 301
Совершеннолѣтіе 93
Сосѣдкѣ 51
Силинъ 114
Среди могилъ я въ часъ ночной 220
Среди сухого повторенья 368
Стансы (Изъ Байрона) 74
Старикъ 122
Старикъ и дѣвочка 244
Старикъ, какъ прежде, въ часъ привычный 108
Старый домъ 2
Стучу — мнѣ двери отперъ ключникъ старый 53
Сушь и дождь 138
Съ моей измученной душою 206
Сѣрыя облаки по небу тянутся 352

Тайна 166
Танталъ 270
Татѣ Г. 332
Тебѣ я счастья не давалъ довольно 257
Тотъ жалокъ, кто подъ молотомъ судьбы 309
Туманъ упалъ на снѣгъ полей 258
Тучкову 230
Ты сѣтуешь, что послѣ долгихъ лѣтъ 131

Улица 374
У моря (Ложусь и холодъ! А ты все сидишь на скалѣ) . 149
У моря (Изъ Гейне) 75
У моря (Ночь и буря съ черной мглою) 331
Упованіе (Годъ 1848) 97

Фантазія 16
Fashionable 9
Fatum 89
Франція 361

Хандра 76
Характеръ 47
Chorus mysticus 407
Христіанинъ 212

Кн. Черкасскому 412
Четвергъ, 6 января 1876 г. 355
Читать же Краевскаго даже не стоитъ труда (пародія) . . 387
Что за годъ безчеловѣчій! 412

Эмсъ 269

Юношѣ 194

Я видѣлъ васъ, пришельцы дальнихъ странъ 216
Я виноватъ, быть можетъ, въ многомъ 373
Я всѣхъ любилъ, любовь еще, быть можетъ (пародія) . . 387
Я въ храмѣ былъ, и много тамъ людей (А. С. Б.....ъ) . . 211
Я наконецъ оставилъ городъ шумный 77
Я поздно легъ, усталый и больной (Изъ альбома Е ***, I) . 260
Я помню—въ тиши ясно-лунныхъ ночей 157
Я помню робкое желанье 59
Я сорвалъ вѣтку кипариса (Изъ альбома Е ***, II) 262
Я съ юныхъ лѣтъ зналъ тяжкія гоненья (Е. Г. Л.) . . . 228

ОГЛАВЛЕНІЕ

I-го тома.

Портретъ Н. П. Огарева.

Факсимиле стихотв. „Первая любовь".

Предисловіе 1

Стихотворенія.

Часть I 1

Часть II
- Стихотворенія 1830—1837 гг. 203
- „ „ 1838—1840 гг. 208
- „ „ 1841—1845 гг. 257
- „ „ 1846—1856 гг. 305
- „ „ неизвѣстн. л. 1830—1856 . 308
- „ „ 1856—1870 гг. 314
- „ „ 1870—1877 гг. 349
- „ „ неизвѣстн. л. 1856—1877 . 359

Примѣчанія 377

Алфавитный указатель стихотвореній 414

PG
3337
O4A17
1904
t.1

Ogarev, Nikolai Platonovich
Stikhotvoreniia

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY